

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№11–2 2023 (НОЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

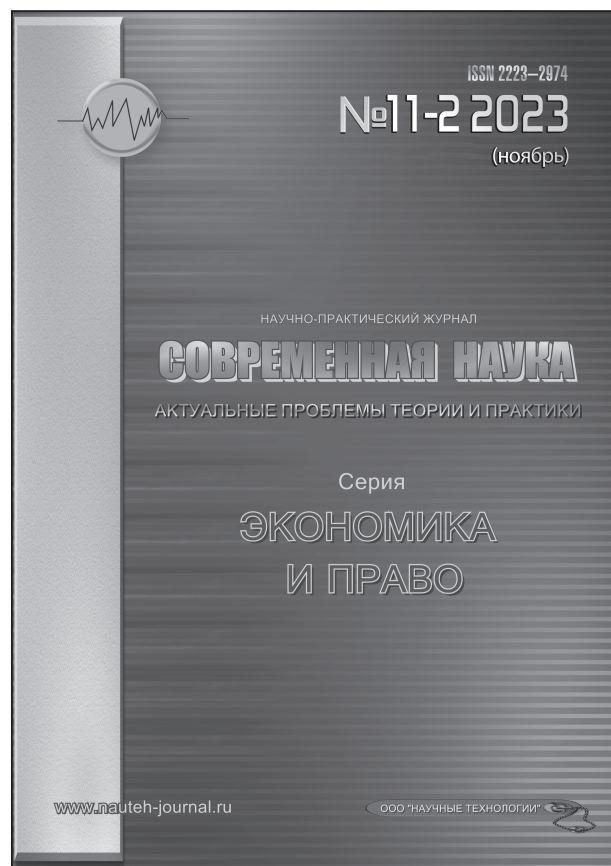
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 21.11.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кобакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Боробов В.Н. — Моделирование перспективной институциональной среды в России: теория и практика

Borobov V. — Modeling of a promising institutional environment in Russia: theory and practice.....5

Газеев М.Х., Дебердиева Е.М., Фролова С.В. — Проблемы развития несырьевых отраслей промышленности: современный этап

Gazeev M., Deberdieva E., Frolova S. — Problems of development of non-resource industries: current stage.....10

Донская Е.Н., Михайлова О.Н. — Культурный потенциал как институциональная детерминанта успешности экономических агентов

Donskaya E., Mikhailova O. — Cultural potential as an institutional determinant of success of economic agents15

Исаев М.Г., Спильниченко В.К. — Разработка научно обоснованных предложений по методам и индикаторам оценки эффективности управления цифровой трансформацией экономических бизнес-систем

Isaev M., Spilnichenko V. — Development of scientifically based proposals on methods and indicators for assessing the effectiveness of management of digital transformation of economic business systems20

Лебедев Н.А. — Финансовый контроль в истории русской экономической мысли: к истоку

Lebedev N. — Control in the history of Russian economic thought: to the source.....26

Лебедев Н.А. — Экономические взгляды русских меркантилистов

Lebedev N. — Economic views of Russian mercantilists32

Назаренко И.Н., Тихомиров Е.А. — Территориальные балансы производства и потребления древесного сырья с учетом перспективного размещения лесопромышленных предприятий

Nazarenko I., Tikhomirov E. — Territorial balances of production and consumption of wood raw materials, taking into account the prospective location of timber enterprises36

Холодков И.Н., Прядкин В.А. — Комплаенс-контроль в банковской сфере

Kholodkov I., Pryadkin V. — Compliance control in the banking sector40

Право

Белова И.Е. — Мораторий на банкротство в период турбулентности как форма государственного регулирования в период санкций

Belova I. — Moratorium on bankruptcy during turbulence as a form of state regulation during sanctions.....45

Воронов А.М. — Миграционная безопасность: от теории к практике обеспечения

Voronov A. — Migration security: from theory to practice50

Горелова Л.И. — Проблемы применения норм авторского права в профессиональной деятельности педагогов при создании объектов авторского права и размещения их в сети «интернет»

Gorelova L. — Problems of application of copyright norms in the professional activities of teachers when creating objects of copyright and placing them on the internet56

Демидов Э.А. — Правовое регулирование злоупотребления субъективными правами

Demidov E. — Legal regulation of the abuse of subjective rights.....61

Ефимцева О.А. — Неустойка — как способ обеспечения надлежащего исполнения обязательств сторонами в предпринимательской деятельности или мера ответственности по отношению к недобросовестной стороне в указанных обязательствах

Efimtseva O. — Penalty — as a way to ensure proper fulfillment of obligations by the parties in business activities or a measure of responsibility towards an unscrupulous party in these obligations.....65

Комлев А.А. — Проблемы законодательного регулирования цифровых денег с принятием №259-ФЗ

Komlev A. — Problems of legislative regulation of digital money with the adoption of no. 259-FZ68

Котельников А.Д. — Государственно-правовое регулирование рынка сбыта, потребления алкогольной продукции в Российской империи: основные аспекты <i>Kotelnikov A.</i> — State-legal regulation of the sales market, consumption of alcoholic beverages in the Russian empire: main aspects72	<i>Tretyakova T.</i> — Regulatory and legal coordination of the activities of state bodies in the field of anti-corruption in Russia 111
Мосс Ф.А. — Профилактическое значение уголовно-правовой нормы, направленной на запрет вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления <i>Moss F.</i> — Preventive significance of the criminal rule aimed at prohibition of involvement of a minor into commitment of a crime.....76	Трошев Д.Б. — Особенности мер административно-правовой защиты суверенитета Российской Федерации от недружественных действий иностранных государств <i>Troshev D.</i> — Grounds and conditions of administrative and legal protection of the sovereignty of the Russian Federation from unfriendly actions of foreign states as a legal form of exercising public power..... 115
Нуисков Е.В. — Правовая природа чести, достоинства и деловой репутации как института гражданского права <i>Nuiskov E.</i> — The legal nature of honor, dignity and business reputation as an institution of civil law81	СОЦИОЛОГИЯ
Нуисков Е.В. — Эволюция категории чести, достоинства и деловой репутации: философский и правовой аспекты <i>Nuiskov E.</i> — Evolution of the category of honor, dignity and business reputation: philosophical and legal aspects87	Дмитриева Ю.В. — Поведение и здоровье как факторы потенциала сокращения предотвратимой смертности населения и увеличения продолжительности жизни <i>Dmitrieva Yu.</i> — Behaviour and health as potential factors for reducing preventable mortality and increasing life expectancy 119
Осипов Д.А. — Затягивание судебного процесса при подаче краткой апелляционной жалобы <i>Osipov D.</i> — Delaying the court process when submitting a short appeal93	Жукова Т.И. — Влияние моделей поведения пользователей социальных сетей на накопление онлайн-социального капитала <i>Zhukova T.</i> — The impact of social network user behaviors on the accumulation of online social capital 124
Палюлин А.Ю., Царев А.М. — Реализация правосубъектности ликвидатора регионального отделения политической партии в российской партийной системе <i>Palyulin A., Tsarev A.</i> — Implementation of the legal personality of the liquidator of the regional branch of a political party in the Russian party system99	Ма Лань — Влияние китайских социальных сетей на формирование дискурса феминизма молодого поколения <i>Ma Lan</i> — The influence of Chinese social networks on the formation of the discourse of feminism of the younger generation 130
Романенко Е.А. — Проституция или гендерное насилие: криминологические аспекты <i>Romanenko E.</i> — Prostitution or gender-based violence: criminological aspects..... 103	Соловьев И.А. — Социальная адаптация как важный аспект профессиональной деятельности <i>Soloviev I.</i> — Social adaptation as an important aspect of professional activity..... 134
Суайди Али Халил Бурхан — Организация конституционного контроля в Ираке и России: сравнительно-правовое исследование <i>Swayedi Ali Khalil Burhan</i> — Organization of constitutional control in Iraq and Russia: comparative legal research 108	Соловьев И.А. — Подходы к пониманию социальной адаптации в философской и социологической науке <i>Soloviev I.</i> — Approaches to understanding social adaptation in philosophical and sociological science..... 137
Третьякова Т.О. — Вопросы нормативно-правовой координации деятельности государственных органов в сфере противодействия коррупции в России	Шиндяев В.В. — Факторы компетентности глав местного самоуправления через призму различных теоретических перспектив <i>Shindyayev V.</i> — Factors of competency of the municipalities' heads from different theoretical perspectives 143
	Наши авторы 148

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

MODELING OF A PROMISING INSTITUTIONAL ENVIRONMENT IN RUSSIA: THEORY AND PRACTICE

V. Borobov

Summary. The scientific article reveals the essence of the institutional environment. The assessment of experts modeling the institutional environment with the presentation of practical examples on projects in Russia is carried out. The experience of scientific organizations in specific projects is considered. Measures are proposed to ensure innovative and technological development.

Keywords: institutional environment, innovation policy, financial resources, technologies, capital, incubators, clusters, intellectual property.

Боробов Василий Николаевич

Доктор экономических наук, профессор,
Московский экономический институт;

Профессор, Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.

vborobov@mail.ru

Аннотация. В научной статье раскрывается сущность институциональной среды. Проводится оценка экспертов моделирования институциональной среды с приведением практических примеров на проектах в России. Рассматривается опыт научных организаций в конкретных проектах. Предлагаются мероприятия по обеспечению инновационного и технологического развития.

Ключевые слова: институциональная среда, инновационная политика, финансовые ресурсы, технологии, капитал, инкубаторы, кластеры, интеллектуальная собственность.

Моделирование перспективной институциональной среды в России является многоуровневым и многомерным процессом, который требует комплексного подхода и повышенного внимания со стороны государства, и бизнес-структур. Успех данной задачи будет способствовать развитию экономики, повышению конкурентоспособности и благополучию населения.

Моделирование в России является значимой задачей национального развития. Оно направлено на создание институциональной среды, которая бы обеспечивала возможности для развития инноваций, привлечения инвестиций, наращивания экспорта и содействия экономическому росту.

Для моделирования перспективной институциональной среды могут использоваться следующие меры:

Разработка и реализация концепций государственной инновационной политики. Это позволит обеспечить целенаправленную поддержку инноваций и создать благоприятную среду для их развития.

Что делается для этого в России?

1. Разработка и реализация концепций государственной инновационной политики в России является важным механизмом для создания благоприятной институциональной среды для развития инноваций и повышения конкурентоспособности экономики¹.

¹ Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Бекулова С.Р. Институциональные механизмы обеспечения научно-технологического прорыва в экономике России. *Управленческие науки.* 2021;9(1):6-19.

В России уже разработано несколько концепций государственной инновационной политики, таких как «Стратегия научно-технологического развития России», «Национальная технологическая инициатива», «Программа инновационного развития».

Однако, для эффективной реализации этих концепций необходимо учитывать некоторые факторы. Например, для ускорения внедрения инноваций необходимо продолжать развивать инфраструктуру по их коммерциализации, а также использовать возможности государственного финансирования. В связи с этим, необходимо уточнить и увеличить доступность всех заинтересованных сторон.

Для повышения эффективности инновационной политики также необходимо обеспечить лучшую координацию между государственными и частными инновационными структурами, а также доступность к международным ресурсам в данной области.

Для усиления инновационной политики необходимо предложить инструменты, которые способны обеспечить компании необходимыми научными знаниями и технологиями, например путём создания университетских и научно-технологических парков.

В целом, для эффективной разработки и реализации государственной инновационной политики в России необходимо учитывать: 1. Все социально-экономические факторы и создавать комплексные меры по обеспечению инновационного развития страны².

² Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски, Published: January 15, 2021

В качестве примера: Сколково, Сколтех, Научная долина МГУ и другие проекты.

2. Повышение уровня доступных финансовых ресурсов и создание институтов финансирования инноваций. Это позволит поддерживать на разных уровнях развития проекты в течение всего цикла их жизненного цикла.

Данное направление является одним из важнейших механизмов развития инновационной среды и стимулирования экономического роста страны.

Для повышения уровня доступных финансовых ресурсов и создания институтов финансирования инноваций в России могут применяться следующие меры:

1. Создание специализированных фондов и инвестиционных программ. Данные фонды и программы могут предоставлять финансовую поддержку компаниям на разных этапах их развития, осуществлять инвестирование в инновационные проекты, а также предоставлять экспертную и консультационную поддержку.
2. Развитие рынка венчурного и частного капитала. Для этого нужно создавать благоприятные правовые условия для инвестирования в российские инновационные проекты, а также проводить мероприятия по повышению информированности инвесторов о перспективных проектах.
3. Расширение государственной поддержки финансирования инноваций. Государственные органы могут предоставлять льготные кредиты, гранты, налоговые вычеты и другие механизмы поддержки, чтобы стимулировать развитие инноваций в России.
4. Создание инновационных организаций и университетских инкубаторов. Это позволит новым инноваторам получить доступ к прототипам и экспертам в данной области, а также получать поддержку в финансовых вопросах.
5. Развитие международного сотрудничества и участие в международных финансовых программах. Участие в таких программах позволит получить доступ к международным финансовым ресурсам и опыту, а также создавать условия для международного сотрудничества и переноса технологий.

В целом, повышение уровня доступных финансовых ресурсов и создание институтов финансирования инноваций в России является важным механизмом обеспечения развития инновационной среды в стране³.

3. Создание инновационных кластеров и технопарков. Это позволит объединить кластеры в отрасли,

³ Доуни Д.С., Кристенсен Б.Х. «Институциональная экономика: теория и практика», издательство «МГУ», 2021 г.

обеспечивая компаниям доступ к необходимым ресурсам, информации и технологиям, а также создавая условия для инновационного сотрудничества и синергии.

4. Развитие образовательной инфраструктуры и подготовка кадров. Это позволит формировать и подготавливать специалистов с необходимыми компетенциями и знаниями для работы в инновационной среде.

Для достижения этой цели необходимо применять следующие меры⁴:

1. Развитие образовательных программ с проработанными инновационными компонентами. Для этого необходимо вводить в учебные программы новейшие технологии и практики, использовать инновационные методики обучения.
2. Развитие научно-образовательного комплекса, который будет своевременно переносить из мира науки в мир производства новые технологии. Это может быть достигнуто через содействие формированию инновационных кластеров, технопарков и научных центров.
3. Создание центров переподготовки и совершенствования кадров, которые могли бы развивать инновационную подготовку и регулярно проводить обучающие программы для специалистов разных отраслей.
4. Реализация программ по стимулированию привлечения молодых людей к занятиям научно-исследовательской деятельностью, знакомство их с принципами бизнеса и экономики.
5. Улучшение условий для взаимодействия между научными институтами, образовательными учреждениями и представителями бизнеса. Студентам и исследователям необходимо дать возможность практиковаться у ведущих инновационных компаний, иметь опыт работы с инновационными технологиями, это даст им необходимые знания и умения для последующей работы в практической деятельности.

Развитие образовательной инфраструктуры и подготовка кадров в России — это долгосрочный процесс, который требует согласованного и комплексного подхода со стороны государства и бизнеса. Однако, реализация такой стратегии может существенно помочь России в успешном развитии инновационной экономики и повысить конкурентоспособность страны на мировом рынке.

⁴ Деметьев В.И., Черничкина О.В. «Институциональные основы организации экономической среды», издательство «КНОРУС», 2022 г.

5. Создание условий для передачи технологий из научных институтов в промышленность. Что позволит обеспечить эффективное использование основного научного знания в инновационной среде.

Аналогом может послужить создание НИИ в советские годы страны⁵, однако в современное время это возможно за счёт построения кластеров на базе Вузов, используя кластерную политику, для этого можно использовать ряд мер:

1. Создание технопарков и инновационных центров. Это позволит создать удобные условия для взаимодействия научных институтов и представителей бизнеса. Технопарки предоставляют своим жителям не только административные помещения и сервисы для организации бизнеса, но и доступ к лучшим научным лабораториям.
2. Создание программ государственной поддержки для научно-технических проектов. Для привлечения компаний к внедрению новых технологий из научных институтов в промышленность. В связи с этим, нужно предоставлять государственные и частные гранты и кредиты на приобретение оборудования и проведение исследований⁶.
3. Совершенствование системы патентования и интеллектуальной собственности. А именно: включая создание удобной и доступной системы патентования и защиты интеллектуальной собственности, может стать ключевым механизмом для передачи технологий из научных институтов в промышленность.
4. Развитие системы оценки эффективности внедрения технологий. В связи с этим необходимо вести учёт и оценку внедрения новых технологий в промышленность. Для этого можно разработать методические материалы и модели для сбора и анализа данных.
5. Разработка профессиональной образовательной программы для специалистов, работающих в области перевода технологий. В связи с этим, необходимы специалисты, которые будут заниматься грамотной коммерциализацией технологий на рынке, подготовкой пакетов документов, консультациями для клиентов, и т.д.
6. Совершенствование механизмов государственно-частного партнерства на основе принципов партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. Это позволит комбинировать лучшие практики из государственного и частного секторов и повышать эффективность действий.

⁵ Бутримов Ю.М., Кочетков А.А. «Цифровая экономика: от теории к практике», издательство «Юрайт», 2021 г.

⁶ Николаев Н.Н. «Цифровые технологии и экономика», издательство «Эксмо», 2022 г.

Пример институциональной среды для обеспечения опережающего инновационного и технологического развития в условиях цифровой экономики: инновационный центр «Сколково»

Сколково — это инновационный центр, созданный в 2010 году в рамках стратегии модернизации российской экономики. Цель Сколково — создание экосистемы инноваций, которая станет центром привлечения и развития технологических инноваций в России.

Одной из задач Сколково является обеспечение опережающего инновационного и технологического развития в условиях цифровой экономики⁷. Для реализации этой задачи в Сколково создана институциональная среда, которая включает в себя следующие элементы:

- Инфраструктура. В Сколково создана инновационная инфраструктура, которая включает в себя научные лаборатории, инженерные центры, бизнес-инкубаторы и акселераторы. Эта инфраструктура позволяет развивать инновационные технологии и продукты.
- Финансирование. В Сколково разработана система финансирования инновационных проектов, которая включает в себя гранты, инвестиции, венчурное финансирование и другие формы поддержки.
- Образование. В Сколково созданы учебные программы и курсы, которые позволяют подготовить кадры для инновационной экономики по получению степени магистра в области инноваций и менеджмента.
- Правовая поддержка. В Сколково создана правовая служба, которая оказывает поддержку и консультации в области интеллектуальной собственности, защиты прав инноваторов и других юридических вопросов.
- Сетевые связи. В Сколково создана сеть связей и партнерств с ведущими инновационными центрами в мире, что позволяет получать доступ к новейшим технологиям и находить партнёров для сотрудничества.

Эти элементы институциональной среды позволяют Сколково создать благоприятную экосистему для развития инновационной экономики в России, а также обеспечить опережающее инновационное и технологическое развитие в условиях цифровой экономики. Другим важным направлением является государственно-частное партнёрство. Приведём примеры ГЧП в России в разных сферах:

1. Строительство трассы М-11 «Нева». Данный проект был реализован в рамках специальной

⁷ Милешкин А.В., Русак Е.Г. «Цифровая экономика и её влияние на современный бизнес», издательство «БАО», 2022 г.

концессионной схемы с участием государства и компании «AVTODOR». Государство выделило средства на проведение работ, а компания разработала проект и обеспечила инвестиции.

2. Строительство олимпийской инфраструктуры в Сочи. В этом проекте активно участвовала компания «Ростех», которая совместно с государством внедрила инновационные технологии, используемые при строительстве объектов инфраструктуры.
3. Проект «Жилой квартал «Новомосковский»» в Москве. В рамках проекта государство выделило земельный участок для строительства, а частный инвестор — комплекс «Инград» — внес собственные инвестиции на строительство жилья и инфраструктуры.
4. Разработка системы масштабируемых запасов криптовалюты в РФ. В феврале 2021 года компания «Мечта Технологий» и правительство Тульской области подписали меморандум о сотрудничестве. Компания разработает технологию хранения электронных активов, а регион обеспечит инфраструктурные условия и поддержку в проведении исследований.
5. Одним из новых проектов в России, который рассчитан как на привлечение частного капитала, так и на участие государства, является запуск цифрового рубля. Министр финансов России Антон Силуанов заявил о том, что государство готово к созданию государственно-частного партнерства для разработки и реализации этого проекта.

Согласно заявлениям Силуанова, государственно-частное партнерство для создания цифрового рубля может предусматривать двухстороннее взаимодействие, включающее финансовые организации и приложения, а также компании, специализирующиеся на разработке криптовалютных технологий. Россия является первой в мире страной, которая тестирует цифровую национальную валюту. С 01 августа 2023 года в России вступил в силу Закон «О цифровом рубле».

Государство будет следить за соблюдением всех необходимых требований и норм, связанных с процессом разработки, выпуска и использования цифрового рубля, включая соблюдение требований к банковской секретности и защите личных данных.

В рамках проекта «Цифровой рубль» может быть запущена на практику блокчейн-платформа, которая обеспечит полную прозрачность и безопасность транзакций между участниками. Это также позволит сократить временные затраты на проведение крупных финансовых операций и эффективно бороться с коррупцией.

Таким образом, государственно-частное партнерство в создании цифрового рубля будет являться одним из важнейших механизмов для обеспечения стабильности национальной валюты в условиях растущих цифровых технологий и приведет к повышению конкурентоспособности экономики России на мировом рынке.

Государственно-частное партнерство позволяет объединять различные категории компаний, органов государственной власти, общественных организаций и научных учреждений на основе взаимных интересов в решении общих задач. Опыт реализации проектов ГЧП в России показывает высокий уровень эффективности этого типа сотрудничества в различных сферах экономики.

Многие эксперты считают, что путь государственно-частного партнерства (ГЧП) в России ещё в развитии, и в ближайшем будущем этот механизм может стать ещё более важным для экономики страны. Кроме этого, некоторые эксперты отмечают, что реализация государственно-частных партнерств в России может столкнуться с определенными трудностями, связанными с различными институциональными и организационными проблемами.

В России уже было реализовано несколько успешных проектов государственно-частного партнерства в различных сферах экономики, включая, например, строительство олимпийской инфраструктуры в Сочи.

Хотя государственно-частное партнерство не лишено своих недостатков, но этот механизм может стать важным инструментом для привлечения инвестиций в масштабные проекты и повышения эффективности государственных программ в различных секторах экономики.

В государственно-частном партнерстве важно учитывать интересы всех участников, включая и частный сектор, и не допускать неравенства в условиях их взаимодействия. Также необходимо соблюдать эффективное управление, открытую экономическую конкуренцию и справедливость в решении вопросов распределения доходов и рисков.

В связи с вышеизложенным, можно отметить, что новые времена требуют новых технологий и правильного принятия решений, от которых будет зависеть наше будущее уже сегодня. Мир стал цифровым, а значит инфраструктура должна отвечать современным требованиям. Человечество сегодня уже немыслимо без цифровизации, потому что сегодня вызовы, с которыми сталкивается общество, государственные структуры, наука, технологии, бизнес, это своего рода квантовый скачок во времени, переход с одного уровня на другой, цифровая экономика требует такую инфраструктуру уже сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Бекулова С.Р. Институциональные механизмы обеспечения научно-технологического прорыва в экономике России. Управленческие науки. 2021;9(1):6–19.
2. Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски, Published: January 15, 2021
3. Доуни Б.Х., Кристенсен Б.Х. «Институциональная экономика: теория и практика», издательство «МГУ», 2021 г.
4. Дементьев В.И., Черничкина О.В. «Институциональные основы организации экономической среды», издательство «КНОРУС», 2022 г.
5. Бутримов Ю.М., Кочетков А.А. «Цифровая экономика: от теории к практике», издательство «Юрайт», 2021 г.
6. Николаев Н.Н. «Цифровые технологии и экономика», издательство «Эксмо», 2022 г.
7. Милешкин А.В., Русак Е.Г. «Цифровая экономика и её влияние на современный бизнес», издательство «БАО», 2022 г.
8. Васяйчева В.А. Моделирование процесса управления инновационной деятельностью предприятий промышленной сферы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 4. С. 74–82.

© Боробов Василий Николаевич (vborobov@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НЕСЫРЬЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF NON- RESOURCE INDUSTRIES: CURRENT STAGE

M. Gazeev
E. Deberdieva
S. Frolova

Summary. The article substantiates the necessity to implement a balanced industrial policy with regard to the development of non-resource industries. The state of industry in modern conditions is shown. The problems of priority spheres of activity that promote the spread of innovations in other sectors of the economy (machine-building complex, energy industry, chemical and petrochemical industry, automotive industry) are given. The authors identify the main problems of development of non-resource industries at the present stage as limited financial resources, shortage of qualified personnel, insufficient level of technology and infrastructure development, low competitiveness in the world market.

Keywords: development of non-resource industries, problems of non-resource industries, machine building, chemical industry, energy industry, automotive industry.

Газеев Мансур Хамитович

Доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
gazeevmh@tyuiu.ru

Дебердиева Елена Марсовна

Доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
deberdievaem@tyuiu.ru

Фролова Светлана Владимировна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тюменский
индустриальный университет»
frolovasv@tyuiu.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость реализации выверенной промышленной политики в отношении развития несырьевых отраслей. Показано состояние промышленности в современных условиях. Приведены проблемы приоритетных сфер деятельности, способствующих распространению инноваций в других секторах экономики (машиностроительный комплекс, энергетическая отрасль, химическая и нефтехимическая промышленность, автомобильная промышленность). Выявленными авторами основными проблемами развития несырьевых отраслей промышленности на современном этапе являются ограниченные финансовые ресурсы, дефицит квалифицированных кадров, недостаточный уровень развития технологий и инфраструктуры, низкая конкурентоспособность на мировом рынке.

Ключевые слова: развитие несырьевых отраслей промышленности, проблемы несырьевых отраслей промышленности, машиностроение, химическая промышленность, энергетическая отрасль, автомобильная промышленность.

В 2022 году наша страна столкнулась с небывалым напряжением в геополитической сфере, которое быстро превратилось в экономический шок, превышающий по масштабам события 2014–2015 годов и пандемию 2020 года. Серия санкций и других геополитических ограничений стала ключевыми факторами экономических изменений: частичная изоляция банковского сектора от международной финансовой системы; нарушение цепочек поставок для широкого спектра импорта; прерывание деловых связей российских компаний с многими иностранными партнерами; необходимость быстрого перенаправления экспортных торговых потоков. В связи с этим, 2022–2023 годы для России ассоциируются со структурными изменениями как в экономике в целом, так и в ее отдельных отраслях. Этот масштабный и сложный процесс открывает множество возможностей для импортозамещения, технологического развития, повышения эффективности и формирования новых, более устойчивых деловых связей. Именно

поэтому внедрение и успешность соответствующих инициатив будет определять траекторию будущего экономического развития страны.

Мировой опыт показывает, что стабильный и устойчивый экономический рост может быть обеспечен только за счет диверсификации национальной экономики, развития реального сектора, включая промышленность. Однако, в настоящее время Россия сталкивается с серьезными проблемами в этой сфере. Например, износ основных фондов в большинстве отраслей экономики превышает 50 % [1], что делает сложным обновление производственных мощностей и повышение эффективности работы предприятий.

Промышленность является приоритетным базисом модернизации национальной экономики. Без нее невозможно создать новые рабочие места, повысить производительность труда и улучшить экономическую ситуацию

в стране. Кроме того, промышленность способствует созданию инновационных технологий и рабочих мест в других сферах экономики. Например, в Европе частный сектор промышленности обеспечивает около 25 % рабочих мест, причем это в основном высококвалифицированные рабочие места. Промышленность также способствует созданию новых рабочих мест в смежных отраслях, таких как строительство, сельское хозяйство и другие, играет ключевую роль в инвестировании в инновации. Изучение мирового опыта показывает, что на промышленный сектор приходится около 89 % затрат всего частного бизнеса на инновации (в частности, в Германии и Южной Корее — более 87 %; в Японии и Китае — 87 %, в США — примерно 67 %, а в Мексике — 69 %). Эти цифры свидетельствуют о том, что промышленность является одним из основных источников финансирования инновационной деятельности [2].

Задачами экономической науки является не только анализ кризисного состояния промышленности и производства, но и прогнозирование результатов их трансформации, обоснование приоритетных направлений развития экономики и промышленности в стране и ее регионах. Формирование стратегически ориентированной промышленной политики является фактором экономического роста, который влияет на темпы экономической динамики, соотношение спроса и предложения, особенно на инвестиционных рынках, уровень конкурентоспособности ведущих отраслей материального производства и предприятий, привлечение эффективных собственников и стратегических инвесторов.

Именно поэтому промышленная политика государства сейчас играет ключевую роль в модернизации экономики России. Ее целью является изменение в лучшую сторону (рост, развитие) реального сектора экономики. Проблемы разработки эффективной промышленной политики активно обсуждаются в российской экономической науке, на встречах предпринимателей и представителей власти. Обобщение научных подходов к определению сути промышленной политики позволяет нам трактовать понятие промышленной политики как систему экономических отношений между государственными органами власти, хозяйствующими субъектами и научно-исследовательскими организациями, направленную на формирование высокотехнологичного и конкурентоспособного промышленного комплекса в рамках модернизации экономики России.

Промышленная политика на разных этапах функционирования и развития экономики имеет свои специфические цели в отношении формирования структуры промышленного комплекса. На этапе выхода из кризиса промышленная политика должна способствовать модернизации отраслевой структуры промышленности, на этапе экономического роста — динамичному раз-

витию инновационной составляющей, на этапе стабилизации экономического развития — стимулированию реализации потенциала российской промышленности. В рамках промышленной политики роль государства — активно способствовать оживлению инновационной активности, содействовать конкуренции, расширению кооперации и специализации производства, стимулированию эффективности и внедрению новых технологий. При этом промышленная политика должна строиться на основе диалога и согласования стратегий частного сектора, государства и общественных организаций, чтобы каждая сторона могла реализовать свои экономические интересы при разумном компромиссе.

Приоритетными сферами деятельности, которые способствуют распространению инноваций в других секторах экономики, являются оборонный и машиностроительный комплексы, энергетическая отрасль, химическая и нефтехимическая промышленность. Они способны обеспечить экономику оборудованием и материалами, адаптированными к требованиям инновационных технологий, используемых во всех отраслях промышленности.

Одной из самых сложных задач в условиях финансовых ограничений и многовариантности решений является выбор приоритетов при рассмотрении вопросов селективной поддержки производителей и потребителей инновационной продукции, а также отбора наиболее перспективных инновационно-инвестиционных проектов. Для России, учитывая объективные тенденции ее экономики, более приемлемой является схема, которая основывается на использовании собственного научно-технического потенциала и привлечении иностранных инвестиций и технологий. В этом случае государство должно поддерживать финансирование приоритетных направлений, реформирование высшей школы, создание особых экономических зон для предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, развитие крупных холдингов и инновационной инфраструктуры.

Целевая функция промышленной политики должна придавать приоритет ее инновационной составляющей, так как она определяет цели структурной перестройки промышленности и предлагает соответствующие инвестиционные решения на среднесрочную перспективу. Это помогает преодолеть кризис производства и обеспечить насыщение отечественного рынка конкурентоспособной продукцией. В долгосрочной перспективе инновационная составляющая промышленной политики должна помочь России восстановить свое положение в сообществе развитых стран [3].

При разработке мероприятий по повышению инновационной активности и результативности инновационной деятельности необходимо учитывать, что

предприятия разных отраслей сталкиваются с разными проблемами. У одних отсутствуют условия для разработки и осуществления инноваций, у других — отсутствуют стимулы для инновационной деятельности, а у третьих — наблюдается низкая отдача от инновационных затрат. Поэтому при формировании мер по реализации промышленной политики необходимо провести комплексную оценку состояния инновационной деятельности, чтобы выявить основные проблемы в осуществлении инноваций в отраслях промышленности.

Проблемы электроэнергетической отрасли. В 2021 году вклад отрасли «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» в общую добавленную стоимость российской экономики составил 2,4 %. Согласно данным АО «Системный оператор Единой энергетической системы», на начало 2022 года в России было установлено общее количество электрогенерирующих мощностей в размере 246,6 ГВт, а объем производства электроэнергии в 2021 году составил 1114,5 млрд кВт*ч [4]. Экономические показатели промышленных предприятий и условия жизни и благосостояния населения в значительной степени зависят от состояния генерирующей инфраструктуры. В последние 10–15 лет были реализованы масштабные проекты по строительству новых и модернизации существующих электростанций, которые осуществлялись с использованием технологий из «недружественных» стран, особенно в части парогазовых и газотурбинных установок [5]. Некоторые крупные игроки на российском рынке электроэнергии являются компаниями с иностранным участием, а финансирование строительства их мощностей осуществлялось через прямые инвестиции из Германии, Италии и Финляндии. Зависимость отрасли электрогенерации от зарубежного оборудования, в основном западного производства, привела к включению ограничений на импорт некоторых критически важных компонентов и запасных частей в санкционные пакеты 2022 года. Кроме того, ведущие мировые машиностроительные компании постепенно сокращают свою деятельность в России.

Ограничение доступа к иностранному оборудованию, комплектующим и услугам по ремонту стало наиболее важным фактором для рынка электро— и теплоэнергии. Это в основном затрагивает сегмент тепловой генерации на парогазовых установках и газотурбинных установках, так как в нем все еще сохраняется высокий уровень импортозависимости, особенно по газовым турбинам большой мощности. Уход крупных мировых компаний, таких как Siemens, General Electric и Alstom, с российского рынка будет иметь негативные последствия в краткосрочной перспективе, так как около 20 % мощности теплоэлектростанций России зависят от поставок импортного оборудования из «недружественных» стран, а доля оборудования иностранных компаний превышает 70 % для более чем 30 ГВт суммарной

установленной мощности парогазовых и газотурбинных установок [6].

Также на рынке электро— и теплоэнергии наблюдаются проблемы с дефицитом оборудования и запчастей, включая нехватку деталей горячей части газовых турбин и вспомогательного оборудования. Возможности для фактического осуществления сервисного обслуживания и ремонта ограничены санкциями на государственном уровне и логистическими трудностями. Компании отрасли также ограничены в запасах импортных запчастей, инструментов и принадлежностей. Операторы генерирующих мощностей ищут решения для обслуживания зарубежного оборудования, включая параллельный импорт из «дружественных» стран, а также поставки новых запчастей от неоригинальных производителей или восстановленных запчастей со вторичного рынка [7].

Проблемы отрасли автомобилестроения

Ограничение доступа к иностранному оборудованию, комплектующим и услугам по ремонту стало наиболее важным фактором и для автомобильной промышленности России. Ранее большинство автозаводов в России выпускали зарубежные марки автомобилей и полагались на иностранный капитал и технологическую базу. Однако, после событий начала 2022 года, автопром стал страдать от ограничений доступа к импортированному оборудованию и запчастям. Индекс производства в автомобильной промышленности составил всего 56,7 % за девять месяцев 2022 года, что является значительным снижением по сравнению с общим показателем обрабатывающей промышленности, который составил 99,5 %. Несмотря на относительно невысокий вклад автопрома в валовую добавленную стоимость, эта отрасль является социально значимой, обеспечивая миллионы рабочих мест и значительный оборот розничной торговли [8, 9].

Сокращение выпуска на автозаводах России имеет системный характер и оказывает влияние на различные сферы экономики. Однако, это также может стать импульсом для ускоренного импортозамещения и развития отечественного автопрома. В марте продажи легковых автомобилей и легкого коммерческого транспорта снизились на 62,9 % по сравнению с предыдущим годом. В апреле этот показатель упал на 78,5 %, в мае и июне — на 83,5 % и 82 % соответственно. За первое полугодие 2022 года авторынок сжался на 57 %. В июле–сентябре темпы падения продаж замедлились, но по итогам года показатель динамики составил более — 60 % [10].

Один из важнейших факторов, негативно влияющих на спрос, — это рост цен. Стоимость приобретения новых отечественных легковых автомобилей с начала года увеличилась на 29,65 %, а иностранных — на 39,12 % [1]. Это обусловлено ограничениями на стороне предложе-

ния, такими как логистические трудности с поставками комплектующих и импортных автомобилей, уход с российского рынка ряда западных автопроизводителей и структурная перестройка отечественной промышленности. Все это приводит к остановке выпуска на локализованных мощностях международных производителей комплектующих.

Таким образом, автомобильная промышленность России столкнулась с негативными последствиями роста цен и ограничений доступа к импортированным запчастям и оборудованию, что привело к сокращению выпуска на автозаводах и значительному снижению продаж автомобилей. Резкое удорожание автокредитов также оказало негативное влияние на спрос на новые автомобили. Однако, эти трудности стимулируют развитие отечественного автопрома и поиск альтернативных решений для обеспечения сервисного обслуживания и ремонта автомобилей.

Проблемы химической отрасли

При содействии государства химическая промышленность России имеет потенциал стать одним из ключевых отраслей народного хозяйства и способствовать достижению технологического суверенитета. Эксперты считают, что без развития химии невозможен промышленный прорыв. Несмотря на то, что химическая промышленность в России продемонстрировала интенсивный рост в течение последних 12 лет, ситуация в мире и стране изменилась, и отрасль впервые за много лет показала отрицательную динамику. Производство химических веществ и продуктов в России сократилось на 3,2 % за девять месяцев текущего года [1]. Отрасли, такие как производство аммиака, минеральных удобрений, пластмасс, химических волокон, синтетических каучуков и лакокрасочных материалов, столкнулись с проблемами и показали отрицательную динамику.

Снижение объемов в химической отрасли связано с падением экспорта и спроса внутри страны. Например, сокращение выпуска метанола крупными производителями стало причиной снижения производства. Аналогичная ситуация сложилась с производством удобрений, где сокращение производства хлористого калия, предназначенного для экспорта, повлияло на динамику отрасли. Экспорт продукции химической промышленности из России сократился на 25 % за восемь месяцев 2022 года, и эта тенденция, скорее всего, будет продолжаться [11]. Ограничения ввоза продуктов нефтехимии из России в Евросоюз также повлияли на отрасль.

Снижение спроса внутри страны также отмечается в отраслях, зависящих от химической промышленности. Например, производство автомобилей, которое требует использования пластмасс, сократилось почти на 76 %

за девять месяцев. Это негативно сказалось на поставщиках пластмасс для автопрома. Однако эксперты уверены, что выпуск продукции можно увеличить, если будут заказы на разработку и замещение продуктов.

Однако, в отечественной химической отрасли имеется множество проблем, препятствующих наращиванию объемов. Одна из основных проблем заключается в критическом отставании в развитии базы химического машиностроения и провале программ импортозамещения, особенно в мало— и среднетоннажной химии (МСТХ). В некоторых сегментах потребления Россия приобретает до 90 % высокотехнологичной продукции МСТХ за рубежом, что серьезно зависит от импорта во многих направлениях, таких как фармацевтические субстанции, присадки, стабилизаторы и катализаторы. Это оказывает влияние на работу всего кластера подотраслей.

Отсутствие необходимых добавок сильно влияет на нефтехимию. Например, в производстве промышленных лакокрасочных материалов доля импортного сырья может достигать 70 %, а для производства базовых полимеров и переработки пластмасс до 70 % компонентов тонкой химии ввозятся из-за рубежа. В отраслях, зависящих от импорта малотоннажной химии, сейчас происходит сложный переход на аналоги сырья из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако в долгосрочной перспективе поиск альтернативных поставщиков не является идеальным решением. Россия все равно будет зависеть от внешней конъюнктуры, даже если переориентировать потоки импорта с западных на восточные направления. Поэтому необходимо развивать собственные производства, особенно в МСТХ.

Проблемы машиностроительного комплекса

Также существует острая необходимость в развитии собственных мощностей в химическом машиностроении. Исследования авторов, занимавшихся проблематикой отечественного машиностроения, указывают на несколько причин, которые привели к значительному отставанию от мировых лидеров. Одна из основных причин — отсутствие российских технологий и медленное внедрение имеющихся инноваций в реальное производство. Также отрасль страдает от нехватки финансирования и инвестиций, низкой культуры производства, потери высококвалифицированных рабочих и инженерных кадров, а также необходимости выпуска военной техники и игнорирования запросов бизнеса и населения.

В условиях политико-экономических санкций, сложившихся к 2022 году, отечественное машиностроение высоко зависит от импорта, что ставит под угрозу товарную безопасность России. Быстрым выходом из этой ситуации может быть обращение к производителям

из юго-восточной Азии, особенно Китая. Однако внешнеполитические и внешнеэкономические условия, существующие к 2022 году, также открывают «окно возможностей» для модернизации и развития отечественных производств, в том числе машиностроения. Несмотря на наличие ресурсов, этот процесс будет долгим и сложным, но все же реально возможным [12].

Таким образом, по нашему мнению, основными проблемами развития несырьевых отраслей промышленности на современном этапе являются следующие:

1. Ограниченные финансовые ресурсы, так как инвестиции в инновации, исследования и разработки, а также модернизацию производства требуют значительных средств. Однако, в большинстве случаев, государственные и частные инвестиции в несырьевые отрасли промышленности остаются недостаточными.
2. Дефицит квалифицированных кадров, что связано в основном с отсутствием соответствующего уровня образования и подготовки специалистов в необходимых областях.
3. Технологическая отсталость. Несырьевые отрасли промышленности часто сталкиваются с проблемой технологической отсталости. Отсутствие доступа к новейшим технологиям и инновациям снижает конкурентоспособность данных отрас-

лей. Кроме того, ограниченное использование информационных технологий и цифровизации процессов также затрудняет развитие несырьевых отраслей.

4. Незаразвитая инфраструктура. Недостаточная развитость инфраструктуры является еще одной проблемой, которая затрудняет развитие несырьевых отраслей промышленности. Отсутствие современных транспортных, коммуникационных и энергетических систем ограничивает возможности производства и распространения продукции.
5. Низкая конкурентоспособность на мировом рынке. Несырьевые отрасли промышленности часто сталкиваются с проблемой низкой конкурентоспособности на мировом рынке. Отсутствие инноваций, высокие затраты на производство и недостаток квалифицированных кадров делают продукцию данных отраслей менее конкурентоспособной по сравнению с другими странами.

Важно отметить, что своевременное выявление и осознание существующих проблем несырьевых отраслей промышленности, которые оказывают значительное влияние на их развитие, способствует разработке эффективной долгосрочной промышленной политики, а также высокорентабельных среднесрочных проектов в соответствующих отраслях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.09.2023)
2. Волкова Г. Промышленность как драйвер устойчивого экономического роста современной России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 9. С. 36–43.
3. Сатунина Т.А. Совершенствование методических средств оценки эффективности промышленной политики в российской федерации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 404–404.
4. Анализ показателей балансов электрической энергии и мощности ЕЭС России за IV квартал 2021 года // АО «СО ЕЭС» [Электронный ресурс]. URL: https://www.so-eps.ru/fileadmin/files/company/reports/ups-review/2021/ups_balance_analysis_2021q4.pdf (дата обращения: 01.10.2023г.)
5. Энергетические тренды. Выпуск 108. Пересмотр стратегии // Аналитический центр при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/upload/iblock/07d/brksjm6e88407011q7niif1eahpaoruj.pdf> (дата обращения: 01.10.2023г.)
6. Энергомаш перешел к освоению инновационных технологий // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/12/21/energomash-pereshel-k-osvoeniuiinnovacionnyh-tehnologij.html> (дата обращения: 05.10.2023г.)
7. Ремонтные заботы: энергетики ищут поставщиков запчастей к отопительному сезону // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1340819/valerii-voronov/remontnyezaboty-energetiki-ishchut-postavshchikov-zapchastei-k-otopitelnomu-sezonu> (дата обращения: 05.09.2023г.)
8. Отечественный автопром попал в пробку // НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/480091104.html> (дата обращения: 15.09.2023г.)
9. Розничная продажа основных товаров с 2017 г. // ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57699> (дата обращения: 10.09.2023г.)
10. Официальный сайт Автостат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autostat.ru> (дата обращения: 20.09.2023г.)
11. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 20.09.2023г.)
12. Воронина В.М. Аналитический обзор состояния, тенденций и проблем развития российского машиностроения / В.М. Воронина, О.П. Михайлова, В.А. Левадний // Экономические науки. 2022. № 212. С. 130–133.

© Газеев Мансур Хамитович (gazeevmh@tyuiu.ru); Дебердиева Елена Марсовна (deberdievaem@tyuiu.ru); Фролова Светлана Владимировна (frolovasv@tyuiu.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА УСПЕШНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ

CULTURAL POTENTIAL AS AN INSTITUTIONAL DETERMINANT OF SUCCESS OF ECONOMIC AGENTS

*E. Donskaya
O. Mikhailova*

Summary. In the context of the need to improve the regulatory mechanisms within the economic system, this article examines the socio-economic dynamics of contemporary society. This examination is viewed through the lens of non-economic development factors, with an emphasis on recognizing the defining role of cultural potential and the institutional function of culture inherent to economic actors. These elements exert a significant influence on the behavior and activities of these actors. In addition, the study takes into account the complex structural and functional features that characterize the formation of the cultural space, as well as the different levels involved in the management of the institutional culture of the organization.

Keywords: cultural potential, socio-economic institutions, institutional culture, cultural determinants of economic behavior, activity of economic agents, cultural space of organization, organizational culture management.

Значимым регулятивным фактором хозяйственной системы неэкономического характера с учётом актуализации проблемы её прогрессивной динамики и совершенствования социально-экономического развития современного российского общества выступает культура как универсальная система и одновременно специфическая совокупность норм и ценностей, определяющих способ организации жизнедеятельности человека. Потенциал культуры в своём материальном и духовном содержании, существующий инкорпорированно и объективировано, являет детерминирующую силу, влияющую на все сферы общественной жизни и прежде всего экономическую. В институциональном аспекте культура представляет нормо-ценностные отношения, складывающиеся между экономическими агентами, которые характеризуют хозяйственную деятельность как определённый набор социально-экономических институтов, что даёт право специалистам справедливо подчёркивать роль культуры в обеспечении успеха того или иного общества [6].

Культуру с её возрастающей ролью и значением в экономической жизни с линейной и прямой зависи-

Донская Елена Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент, Балаковский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
elenadon1965@rambler.ru

Михайлова Ольга Николаевна

Кандидат философских наук, доцент, филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
molniko@mail.ru

Аннотация. В контексте актуализации проблемы совершенствования регулятивных механизмов хозяйственной системы в статье исследуется социально-экономическая динамика современного общества с точки зрения неэкономических факторов развития через осмысление детерминирующей роли культурного потенциала и институциональной функции культуры экономических агентов, обуславливающих их поведение и деятельность, с учётом структурно-функциональных особенностей формирования культурного пространства и уровней управления институциональной культурой организации.

Ключевые слова: культурный потенциал, социально-экономические институты, институциональная культура, культурные детерминанты экономического поведения, деятельность экономических агентов, культурное пространство организации, управление организационной культурой.

мостью последней, на что на основании анализа реального фактологического материала указывает М. Вебер [5], правомерно рассматривать в качестве культурного потенциала общества и социетальных связей, включающего ценностно-целевые установки, нравы, обычаи, традиции, мораль, право, образованность/воспитанность, энергию творчества, дух предпринимательства, совершенство законодательства, взаимодействие власти и гражданского общества, на фундаменте которых выстраиваются соответствующие сферожизнедеятельные институты.

Структурно-функциональные характеристики институциональной сферы требуют обращения к категориальному статусу институциональной культуры, которая по определению представляет совокупность устойчивых норм, процессов, законов, ценностей, организующих и регулирующих поведение и деятельность экономических агентов в определённой социально-экономической ситуации в соответствии с существующими стандартами поведения. В различных общностях, которые характеризуются неустойчивой институциональной

средой, институциональная культура является достаточно специфическим институтом, и процесс её изменения заметно растянут во времени, поскольку испытывает зависимость от политического сознания, политической культуры, базовых ценностей, культурной и национальной идентичности, что в целом приемлемо и допустимо в отличие от влияния со стороны других видов культур, в частности, экономической, которая зачастую проявляется в декларативности (нормы существуют, но на практике не реализуются) или в определённой степени директивности (зависимость от «надсистемных» факторов, в свою очередь связанных, к примеру, с культурой власти).

Существенное влияние институциональная культура испытывает в процессе правовой институционализации, которая с позиции систематизации правовых норм изменяет такие правовые явления, как правовое и экономическое регулирование, правовая и экономическая политика. Правовая культура при этом отражает определённое состояние законности, уровень общей и экономической культуры, реализуя потребность согласованного взаимодействия экономических агентов и юридических норм. На основе этих норм деятельность экономических агентов встраивается в общественный правопорядок правокультурного пространства [3]. Правовая культура функционально может выступать регулятором правовой регламентированности с точки зрения целесообразности либо нецелесообразности как неогворённых в законах, так и узаконенных образцов экономического поведения/действия, норм деятельности и культурно-ценностных установок.

В качестве носителей институциональной культуры как части общекультурного пространства выступают представители экономических агентов, основными из которых являются домашние хозяйства, предприятия, финансовые учреждения, государство и его структуры. Институциональная культура экономического агента подвержена действию рыночного механизма и как следствие включает в себя такую характеристику, как институциональная компетентность. Под институциональной компетентностью понимается общая характеристика уровня знаний агентов, умение следовать правилам и нормам соответствующих институтов, типичными из которых являются транснациональные и национальные корпорации, акционерные общества, фирмы, финансовые учреждения, биржи и др.

Поведение домохозяйства как института и экономического агента рассматривается с позиции поставщика основных факторов производства и конечного потребителя товаров и услуг. Действуя в рамках соответствующей институциональной среды, домашние хозяйства являются участниками практически всех воспроизводственных фаз. Их роль в институциональном равнове-

сии обозначается уровнем развития институциональной культуры (на данный момент достаточно низкая), которая оказывает влияние на коллективное и индивидуальное поведение. Развитие институциональной культуры домашних хозяйств может способствовать их продуктивному поведению на рынках асимметричной информации, грамотному использованию финансовых инструментов (трансформации личных накоплений в инвестиционные ресурсы), получению экономической независимости от государства посредством использования имеющихся неиспользованных активов (повышения квалификационного и профессионального статуса, применение различных стратегий, использующихся на рынке труда, качественного изменения потребностей и пр.).

Институциональная культура выступает неотъемлемой частью организационной культуры экономического агента — фирмы — и рассматривается как комплекс определённых норм и правил, которые структурируют деятельность предприятия и содействуют адаптации коллектива к потребностям и условиям внешней среды. С нашей позиции, наиболее оптимальным пространством совершенствования деятельности предприятия как экономического агента выступают культурный капитал и организационная культура работников в качестве самобытной совокупности формальных и неформальных образцов, норм или стандартов поведения, которые выполняются всеми членами организации с соответствующей системой вознаграждений и способов их распределения, имплицитными организационными ценностями, параметрами и векторами коммуникации, основными убеждениями и ценностными ориентациями [4].

В этом смысле мы соглашаемся с авторами [9], отмечая, что именно под влиянием организационной культуры происходит социализация персонала как результат целенаправленного создания условий для его развития в соответствии с ожиданиями компании, когда неотъемлемой частью успешной деятельности корпораций в бизнес-пространстве становится ориентация на ценности институциональной культуры. Институциональная культура при этом становится тем характерным признаком предприятия, благодаря которому через активное воздействие на работников детерминируется их поведение и деятельность в соответствии с ценностно-нормативными установками компании, составляющими основу её организационной культуры.

Практико-ориентированные исследования структурно-функциональных особенностей организационной культуры предприятий показывают, что основные компоненты институциональной культуры отражаются в положениях, декларирующих экономическую культуру компании, в частности, её ценности, миссию, этические нормы предпринимательства и др. Характерологические свойства институциональной культуры находят

определённое закрепление в нормативных документах, регулирующих деятельность, возможности развития персонала, его поведение, состав компетенций, определяющих должностные требования. Отображение важности и ценности институционально-культурных аспектов хозяйствующей организации заключено и в корпоративных компетенциях, разработанных на основе положений институциональной культуры, отражающих ценностные основания корпоративной культуры определённой компании и выступающих в качестве единых для всего её персонала. В этой связи, на что обращают внимание экономисты [7], следует акцентироваться на таком важном институте, определяющем экономическое поведение хозяйствующих субъектов, как культура труда, включающую такие характеристики процесса труда, как рациональная организация труда, комфортность условий труда, использование передовых технологий, профессионализм работника, партнерские отношения между участниками совместного труда, а также социокультурные особенности различных субъектов труда, их традиции, обычаи, привычки, нормы и ценности в сфере труда.

Важно отметить, что детерминирующая функция культурного потенциала в его институциональном аспекте, выражаясь в рационально организованной деятельности, отчётливо проявляется в показателях профессионализма, индикатором которого выступает успешность. Представляются справедливыми в этой связи акценты авторов теории структурного функционализма в лице Т. Парсонса на определении профессионала как гражданина, главная цель которого заключена в достижении успеха [8], что согласуется с тезисом о том, что культурная система способствует интеграции профессионалов, а также с целевой институционально-культурной установкой на подготовку работников до высокого профессионализма, оказывающего глубокое воздействие на общественную структуру занятости в направлении общего повышения адаптивной способности общества [1].

Очевидно, что высокая степень развития организационной культуры с её функциями внутренней интеграции и внешней адаптации оказывает влияние на эффективность хозяйственной деятельности предприятия. При этом эффективная деятельность и управление организационной культурой демонстрируют как прямую, так и обратную взаимозависимость. Так, при оптимальном управлении с грамотным менеджментом появляется прямо пропорциональная возможность повышения уровня организационной культуры, что отражается в совершенствовании культуры производства, труда, управления, экологической и предпринимательской культуры и культуры отношений, способствующих повышению производительности труда, снижению издержек производства, повышению качества выпускаемой продукции и фиксирующихся в показателях эффективной успешной деятельности предприятия. Повышенная финансовая

результативность предприятия позволяет акционерам и учредителям распределять и использовать прибыль в качестве стимулирующего фактора для дальнейшего роста и поступательного развития организации, что, в свою очередь, значительно поднимает уровень организационной культуры, позволяющий добиваться существенного эффекта при достаточно экономных затратах.

Оптимальное управление организационной культурой, способствующей рациональному и эффективному ведению хозяйства, предполагает соблюдение определённых принципов, к числу которых исследователи относят [11]:

- определение и понимание границ необходимых изменений в организационной культуре;
- абсолютное лидерство руководителя в культурных изменениях;
- участие коллектива в преобразованиях и обязательное наличие обратной связи (пожелания и интересы работников должны быть в приоритете);
- анализ выгод и издержек с недопущением чрезмерной затратности и культовости, поглощающих бюджет организации.

Значимыми остаются акценты на формировании профессионально-компетентных качеств персонала, позволяющих реализовывать инновационные подходы в деятельности организации для обеспечения её социально-экономического эффекта.

Анализ корпоративной культуры указывает на то, что она имеет индивидуальные черты, присущие определённой компании, отражая при этом субкультуру определённого коллектива. Выявление характерных черт компании может осуществляться в процессе наблюдения за социокультурной практической деятельностью посредством изучения корпоративных чатов, интернет-форумов, опросов персонала о его потребностях, интересах и предпочтениях. Полученная и обработанная информация может являться основой для корректировки существующих процедур организационной культуры, а именно методов мотивации и стимулирования, механизмов, обеспечивающих соблюдение правил, норм и ценностей, а также мероприятий, связанных с социально-профессиональной адаптацией работников. Исследование содержания компонентов организационной культуры, таким образом, убеждает в том, что в основном они представлены характеристиками институциональной культуры, благодаря чему культурное пространство компании становится активно адаптивным для работников и положительно влияет на коммуникационные процессы и жизнедеятельность организации в целом.

На формирование институциональной культуры индивидов оказывают влияние такие факторы, как социальная и образовательная среда, поэтому их со-

циальный и профессиональный состав неоднороден, и это следует учитывать при организации различных исследований, составлении соответствующих программ развития, целью которых является повышение институциональной культуры агентов. Под влиянием различных институтов у экономических агентов формируются мотивационно-целевой поведенческо-деятельностный вектор, который может носить как позитивный, так и негативный характер.

Позитивная детерминация институциональной культуры определяется степенью удовлетворённости экономических агентов существующими социально-экономическими институтами и демонстрирует соответствие существующих норм и правил ментально-ценностным установкам и стимулам экономической деятельности. Негации в детерминирующем воздействии институциональной культуры характеризуются, соответственно, неудовлетворённостью теми или иными социально-экономическими институтами с побуждением агентов к игнорированию либо невыполнению институционально-культурных норм, основными причинами чего выступают, в частности [10]:

- правовые, когда прецедент к нарушению правовых норм и правил возникает в результате непроработанности соответствующих институтов;
- политические, в случае использования определённых норм и правил в качестве инструментария экономического принуждения агентов;
- экономические, когда финансовое и экономическое положение, его рыночная позиция способствуют и побуждают к нарушению норм и требований.

Формирование, мотивация и развитие институциональной культуры экономических агентов необходимо осуществляется при непосредственной поддержке государства. При этом государство, являясь особым экономическим агентом и обладая императивным статусом, имеет широкие возможности для построения механизмов принуждения и контроля, а также для пропаганды достижений и поддержки через средства массовой информации и другие информационные каналы тех агентов, которые имеют высокие показатели институциональной культуры. В предпринимательской среде государственное влияние через соответствующую культурную политику и определённые методы регулирования осуществляется, как следует из аналитических разработок социально-экономической теории [2], двухуровнево: на системном уровне государство оказывает содействие в формировании соответствующей культуры общества в целом опосредованно через рыночную или экономическую культуру; на уровне бизнес-систем государство непосредственно воздействует на гуманизацию бизнес-процессов и этику бизнеса, утверждая и пропагандируя правила корпоративного поведения. Результатом культурной политики государства становится культивирование доверительных отношений между обществом, бизнесом и властью.

Институционально-культурная детерминация на разных уровнях экономической системы и деятельности экономических агентов представлена макро-, мезо— и микро-уровнями (Рис. 1).

На результативность институциональной культуры макроуровня оказывает влияние общественное мнение и всесторонний социальный контроль, который при

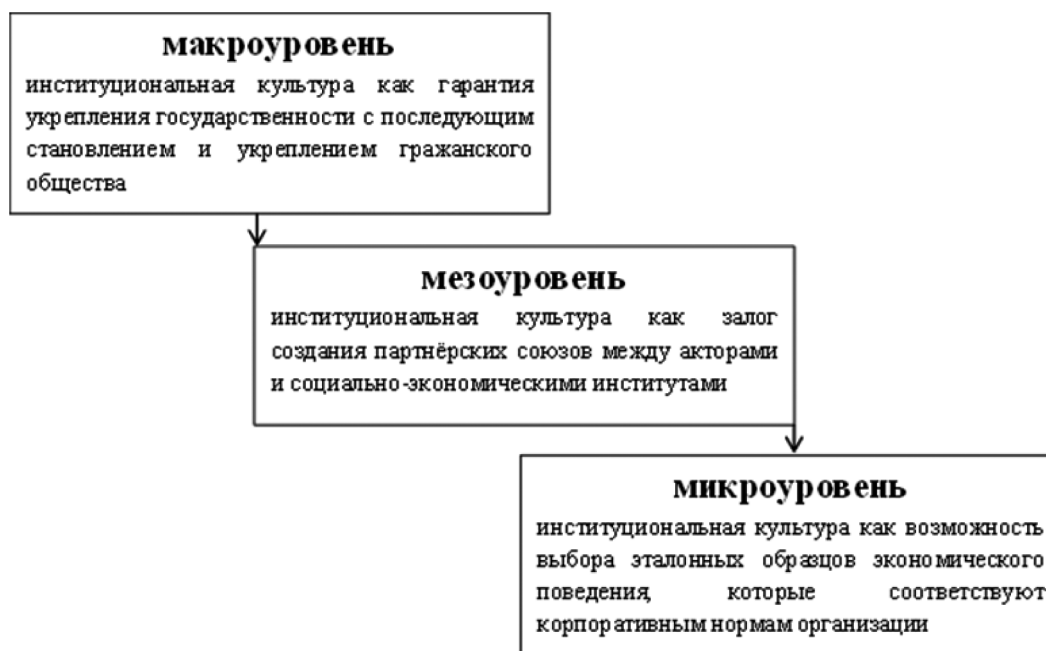

Рис. 1. Функциональные уровни институционально-культурной детерминации

определённых условиях обеспечивает юридическое регулирование и демонстрирует всеобщее одобрение соблюдения правил и норм как социальных, так и экономических институтов. На мезоуровне вектор мотивационных процессов направлен на преодоление низкой институциональной культуры с дискомфортным существованием агента в социуме со сменой ориентации на высокую институциональную культуру с предпочтениями в виде дополнительных социальных благ и фаворизирующего положения в обществе. Наконец, микроуровневые агенты с ярко выраженной институциональной культурой являют достойный пример экономического поведения в обществе, которое соответствует ценностям организации, принципам, убеждениям и философии свободного общества, что достигается посредством просветительской деятельности соответствующих институтов.

Культура, таким образом, имея собственные институциональные формы, детерминирует поддержку культурной жизнедеятельности общества через институциональную культуру как совокупность культурных комплексов, регулирующих деятельность людей и организаций. Как культура акторов институтогенеза и культура соблюдения институциональных норм институциональная культура, решая задачи внутренней интеграции и внешней адаптации через согласование потребностей, интересов, ценностей и целей в культурном пространстве экономической деятельности и поведения экономических агентов, обеспечивает тем самым их хозяйственный и жизненный успех.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) / Р.Н. Абрамов // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С.54–66.
2. Андерсен, Б. Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования / Пер. с англ. С.В. Ариничева / Науч. ред. Ю.П. Адлер. — М.: РИА «Стандарты и качество», 2003. — 272 с.
3. Анохина, А.А. Институциональная теория права и правовой культуры / А.А. Анохина, Е.Н. Донская // Актуальные проблемы современности: наука и общество. — Балаково: Изд-во «Балаковский филиал РАНХиГС». — 2021. — № 1 (30). — С. 62–65.
4. Бутенко, Ю.Б. Феномен профессиональной компетентности и проблемы качества формирования и реализации трудового потенциала современной хозяйствующей организации / Ю.Б. Бутенко, О.Н. Михайлова, Е.Н. Федина // Научное обозрение: гуманитарные исследования. — 2016. — № 4. — С. 107–112.
5. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / Пер. с нем. и общая ред. Ю.Н. Давыдова. — М.: «Прогресс», 1990. — С. 44–271.
6. Ивашковский, С. Культура, экономическое поведение и развитие / С. Ивашковский // Экономическая политика. — 2014. — № 4. — С. 177–194.
7. Мраморнова, О.В. Институциональные основы формирования экономической системы / О.В. Мраморнова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. — 2004. — № 2. — С. 457–464.
8. Парсонс, Т. Профессии и социальная структура / Пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: 11. Социология: Реферативный журнал. — 2015. — № 4. — С. 153–170.
9. Патутина, Н.А. Принципы построения социально-педагогического пространства корпорации в ходе формирования организационной культуры / Н.А. Патутина // Вестник университета (Государственный университет управления). — 2019. — № 11. — С. 166–169.
10. Шейн, Э.Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. — СПб.: Питер, 2002. — 336 с.
11. Савченко, Л.С. Управление организационной культурой в предпринимательских структурах: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (предпринимательство)»: диссертация на соискание учёной степени доктора экономических наук / Савченко Любовь Степановна; Санкт-Петербургская академия управления и экономики. — СПб., 2008. — С. 339.

© Донская Елена Николаевна (elenadon1965@rambler.ru); Михайлова Ольга Николаевна (molniko@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗРАБОТКА НАУЧНО ОБОСНОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО МЕТОДАМ И ИНДИКАТОРАМ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ БИЗНЕС-СИСТЕМ

DEVELOPMENT OF SCIENTIFICALLY BASED PROPOSALS ON METHODS AND INDICATORS FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MANAGEMENT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF ECONOMIC BUSINESS SYSTEMS

**M. Isaev
V. Spilnichenko**

Summary. The article focuses on the development of methodological foundations for assessing the effectiveness of managing digital transformation processes in economic business systems. The purpose of the study is to create scientifically based proposals regarding assessment methods and indicators that could reflect the multifaceted impact of digital technologies on the economic efficiency and strategic orientation of business systems. The methodological approach is determined by the analysis of modern assessment methods, identification of their limitations in the context of digital transformation, and the subsequent formation of a comprehensive assessment system. This system proposes a combination of production and economic indicators, taking into account strategic objectives and the expected effects from the introduction of digital technologies. The results of the study include developed scientifically based proposals, characterized by specialized indicators reflecting the degree of penetration of digital technologies in various sectors of the economy. It is noted that the proposed methods and indicators make it possible to comprehensively assess the effectiveness of digital transformation management, providing a multifaceted analysis of the impact of digitalization at the levels of management of economic business systems. Further directions of research are related to testing the proposed methodology on practical examples, developing software for automated collection and analysis of data on the proposed indicators, as well as expanding the list of indicators taking into account the rapid development of digital technologies and changes in the external business environment. Particular attention is planned to be paid to cross-industrial analyzes that reveal the relationships between various sectors of the economy in the process of digital transformation.

Keywords: digital transformation, economic business systems, efficiency assessment methods, strategic management, specialized indicators.

Исаев Мурад Гусейнович

Кандидат экономических наук, ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет»
ef.dgu@mail.ru

Спильниченко Владимир Кириллович

Доктор экономических наук, профессор, профессор,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
spilnvladimir@yandex.ru

Аннотация. В статье акцент делается на разработке методологических основ для оценки эффективности управления процессами цифровой трансформации в экономических бизнес-системах. Цель исследования — создание научно обоснованных предложений относительно методов и индикаторов оценки, которые могли бы отразить многогранность воздействия цифровых технологий на экономическую эффективность и стратегическую направленность бизнес-систем. Методологический подход обусловлен анализом современных методик оценки, выявлением их ограниченности в контексте цифровой трансформации, и последующим формированием комплексной системы оценки. В этой системе предложено сочетание производственных и экономических показателей с учетом стратегических задач и ожидаемых эффектов от внедрения цифровых технологий. Результаты исследования включают в себя разработанные научно обоснованные предложения, характеризующиеся специализированными индикаторами, отражающими степень проникновения цифровых технологий в различные отрасли экономики. Отмечается, что предложенные методы и индикаторы позволяют комплексно оценить эффективность управления цифровой трансформацией, обеспечивая многоплановый анализ воздействия цифровизации на уровнях управления экономическими бизнес-системами. Дальнейшие направления исследований связаны с апробацией предложенной методологии на практических примерах, разработкой программного обеспечения для автоматизированного сбора и анализа данных по предложенным индикаторам, а также расширением списка индикаторов с учетом быстрого развития цифровых технологий и изменений во внешнем бизнес-окружении. Особое внимание планируется уделить кросс-индустриальным анализам, выявляющим взаимосвязи между различными отраслями экономики в процессе цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, экономические бизнес-системы, методы оценки эффективности, стратегическое управление, специализированные индикаторы.

Введение

В современном мире процесс цифровой трансформации набирает все большего масштаба, охватывая различные сферы экономической деятельности и затрагивая разнообразные аспекты управления бизнес-системами. Осуществление цифровой трансформации является неотъемлемой частью стратегического управления предприятием, направленного на повышение его конкурентоспособности и эффективности. При этом актуальным становится вопрос об оценке эффективности процесса цифровой трансформации, а также определении степени влияния цифровых технологий на достижение стратегических целей компании.

Существующие методики оценки эффективности управления часто ограничиваются традиционными экономическими и производственными показателями, не учитывая полного спектра возможностей и вызовов, которые представляет цифровая трансформация. Это создает потребность в разработке новых подходов и индикаторов оценки, способных отразить многогранность воздействия цифровых технологий на бизнес-процессы и стратегическое управление.

Целью данного исследования является создание научно обоснованных предложений по методам и индикаторам оценки эффективности управления цифровой трансформацией экономических бизнес-систем. Предполагается, что разработанные предложения помогут формировать комплексный подход к оценке, учитывающий специфику цифровой трансформации и стратегических задач компаний в условиях быстро меняющегося цифрового ландшафта.

Для достижения поставленной цели планируется анализировать существующие методики оценки, выявлять их ограниченности, а также формировать новую систему индикаторов, отражающих степень проникновения цифровых технологий в различные отрасли экономики и уровни управления бизнес-системами. Важным аспектом исследования является также разработка рекомендаций по применению предложенных методов и индикаторов на практике управления цифровой трансформацией.

Обзор литературы

Обзор литературы является важным элементом научного исследования, предоставляющим возможность оценить текущее состояние изучаемой проблематики, выделить основные достижения и недостатки существующих подходов, а также определить потенциальные направления для дальнейшего исследования.

В контексте цифровой трансформации экономических бизнес-систем актуальность изучения методов

и индикаторов оценки эффективности управления неоспорима. Основные труды в данной области сконцентрированы на исследовании влияния цифровых технологий на бизнес-процессы и экономическую эффективность организаций. Авторы таких работ, как, например, Bharadwaj et al., Mithas et al., подчеркивают роль цифровых технологий в формировании конкурентных преимуществ и достижении стратегических целей компаний.

Тем не менее, существующие методики оценки эффективности управления цифровой трансформацией часто ограничиваются традиционными показателями, не учитывая многогранность и специфику цифровой трансформации. В работах таких авторов как Legner et al., Matt et al., обсуждаются сложности в оценке воздействия цифровых технологий на бизнес-системы и подчеркивается необходимость разработки новых индикаторов и методологических подходов.

Особый интерес представляет исследование специализированных индикаторов, способных отразить степень проникновения цифровых технологий в различные отрасли экономики и уровни управления бизнес-системами. Например, в работе Verhoef et al. предложены метрики для оценки эффективности цифровой трансформации в контексте маркетинговой деятельности организаций.

Таким образом, анализ существующей литературы позволяет выявить значительный потенциал для дальнейшего исследования методов и индикаторов оценки эффективности управления цифровой трансформацией. Необходимость разработки новых подходов обусловлена быстрым развитием цифровых технологий и изменением внешнего бизнес-окружения, что требует адаптации методов оценки к современным реалиям.

Методы

В данном разделе представлен подход к формированию системы индикаторов для измерения производственных и экономических результатов цифровой трансформации. Основополагающими принципами подхода являются комплексность, стратегическая направленность, статистическая измеримость, относительность значений индикаторов и сопоставимость данных по отдельным экономическим системам и отраслям.

1. Комплексность результатов: система индикаторов должна отражать как частные, так и комплексные результаты внедрения цифровых технологий на различных уровнях экономической системы. Это позволяет получить многоплановое представление о влиянии цифровизации на производственные и экономические процессы.

2. Отраслевая специфика: предложено введение дополнительных индикаторов, характеризующих степень проникновения цифровых технологий в различных отраслях, что способствует точной оценке эффективности цифровой трансформации в отраслевом контексте.
3. Стратегическая направленность: индикаторы должны соответствовать актуальным стратегическим целям и задачам Российской Федерации в области экономики, науки и экологии, обеспечивая адекватное отражение национальных приоритетов в процессе цифровой трансформации.
4. Статистическая измеримость и историческая база: индикаторы должны быть статистически измеримыми и иметь репрезентативную историческую базу для контроля стратегий цифровой трансформации. Это обеспечивает возможность анализа динамики изменений и сопоставления результатов с плановыми значениями.
5. Относительность индикаторов: предпочтение следует отдавать удельным или относительным индикаторам для исключения влияния изменений масштабов производства или спроса на их значения.
6. Использование «парных» индикаторов: рекомендуется использование «парных» индикаторов, позволяющих оценить влияние цифровизации на отдельные экономические системы по сравнению со среднеотраслевым уровнем. Это позволяет выявить отклонения от общеотраслевых тенденций и оценить эффективность принятых управленческих решений.

Среди ключевых индикаторов, предложенных для оценки степени цифровизации, можно выделить долю объектов, интегрированных с комплексными цифровыми решениями, включая их взаимодействие с корпоративными или отраслевыми платформами. Для детальной оценки предлагается классификация комплексных цифровых решений, влияющих на функциональные характеристики экономических бизнес-систем. Эта классификация включает в себя аспекты, такие как цифровая наблюдаемость, управляемость и моделируемость.

Для оценки результатов каждой задачи цифровой трансформации рекомендуется использовать количественные индикаторы, которые могут быть либо производственными, либо экономическими, или обоими одновременно. Эти индикаторы должны основываться на данных государственных или корпоративных статистических источников, обеспечивая точность и обоснованность оценок.

Результаты и обсуждение

Управление цифровой трансформацией выступает как катализатор изменений в современных экономических бизнес-системах, затрагивая все сферы деятельно-

сти организации. Рассмотрим более детально эффекты для целей первого и второго уровней управления.

Цели первого уровня управления нацелены на стратегическое развитие и укрепление технологической независимости, что является фундаментальной основой для дальнейшего технологического и экономического развития стран и компаний. Эффективное управление цифровой трансформацией позволяет снизить зависимость от иностранных технологий, что, в свою очередь, способствует укреплению экономической и технологической безопасности. Кроме того, открываются новые горизонты для коммерциализации отечественных исследований и разработок, что содействует экономическому росту и развитию национальной научной сферы. Управление цифровой трансформацией активизирует инновационную деятельность, ускоряя технологическое развитие и обновление промышленной базы, что способствует созданию продуктов и решений, конкурентоспособных на глобальном рынке.

Переходя к целям второго уровня, можно заметить, что цифровые технологии становятся мощным инструментом оптимизации производственных процессов. Это приводит к повышению производительности и качества продукции, что важно в условиях жесткой рыночной конкуренции. Автоматизация и оптимизация процессов с помощью цифровых решений ведут к снижению операционных и производственных затрат, что является залогом финансовой устойчивости. Цифровые технологии увеличивают гибкость и адаптивность бизнеса к изменяющимся рыночным условиям, что делает организацию более устойчивой к внешним шокам. Инструменты сбора и анализа больших данных обеспечивают более обоснованное и своевременное принятие решений, что критично для эффективного управления. Цифровая трансформация открывает возможности для создания новых бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях и данных, что способствует диверсификации источников дохода. Улучшение взаимодействия с клиентами через цифровые каналы коммуникации и аналитические инструменты повышает уровень лояльности и удовлетворенности клиентов. Наконец, формирование цифровой инновационной экосистемы через сеть взаимодействия между компаниями, научными организациями и государственными структурами стимулирует инновационное развитие в более широком масштабе.

Таким образом, управление цифровой трансформацией оказывает положительное воздействие на различные аспекты бизнеса и экономики, открывая новые перспективы для улучшения эффективности, инноваций и устойчивого развития на макро— и микроуровнях.

Разработанная автором система индикаторов оценки эффективности управления цифровой трансформацией

Система индикаторов оценки эффективности управления цифровой трансформацией экономических бизнес-систем (фрагмент)

Группа оценки эффективности	Уровень оценки эффективности	Индикатор эффективности	Горизонт планирования
Оптимизация эффективности	Стратегическая реализация	1. Операционная экономия от ЦТ	3-5 лет
		2. Прирост EBITDA от ЦТ	3-5 лет
		3. Экономия CAPEX от ЦТ	3-5 лет
4. Прирост выручки от ЦТ		3-5 лет	
5. Доля выручки от цифровых моделей		3-5 лет	
Стимулирование выручки			
Цифровые бизнес-модели			
Цифровое взаимодействие с клиентами	Операционная трансформация	6. Доля выручки в цифровых каналах	3 года
		7. Доля цифровых продуктов в выручке	3 года
		8. Активные пользователи ЦТ (физ. лица)	1 год
		9. Активные пользователи ЦТ (юр. лица)	1 год
10. Цифровизация в поддерживающих функциях		3 года	
Цифровизация вспомогательных функций			
Цифровая инфраструктура	Основы ЦТ	11. Доля облачных ресурсов	3 года
		12. Активные пользователи API	1 год
		13. Стандартизация доменов данных	3 года
14. Цифровая компетентность персонала		3 года	
15. Инвестиции в ЦТ		3-5 лет	
16. Доля инвестиций в ЦТ		3-5 лет	
17. Интенсивность инвестиций в ЦТ		3-5 лет	
Развитие цифровых компетенций и цифровой культуры			
Стратегия инвестирования в ЦТ			

Источник: составлено автором

экономических бизнес-систем (таблица) представляет собой инструментарий для комплексной оценки влияния цифровой трансформации на ключевые экономические показатели предприятия в контексте его стратегических задач и ожидаемых эффектов. Подробный анализ каждой из групп показателей демонстрирует многоуровневое воздействие цифровизации на различные аспекты управления организацией.

В рамках группы «Оптимизация эффективности» выявлены прямые экономические выгоды от внедрения цифровых технологий, включая операционную экономию, прирост EBITDA и экономию CAPEX. Эти показатели подчеркивают возможности для улучшения финансовой эффективности и оптимизации затрат на стратегическом уровне реализации.

Группа «Стимулирование выручки» акцентирует внимание на росте выручки, обеспеченном благодаря цифровой трансформации. При этом, группа «Цифровые бизнес-модели» рассматривает возможности для расширения рыночного присутствия и создания новых источников дохода за счет разработки и внедрения новых цифровых бизнес-моделей.

В разделах, посвященных «Цифровому взаимодействию с клиентами» и «Цифровизации вспомогательных функций», проанализированы возможности для оптимизации взаимодействия с клиентами и внутренних процессов организации соответственно. Эти аспекты отражают положительные изменения на операционном уровне управления, включая улучшение качества обслуживания, повышение эффективности внутренних процессов и увеличение гибкости бизнеса.

Разделы «Цифровая инфраструктура» и «Развитие цифровых компетенций и цифровой культуры» освещают технологические и организационные аспекты цифровой трансформации, подчеркивая важность создания современной технологической базы и формирования компетенций персонала для успешной адаптации к цифровой экономике.

Наконец, в разделе «Стратегия инвестирования в ЦТ» проведен анализ инвестиционной активности в области цифровой трансформации, оценено влияние инвестиций в цифровые технологии, отечественное ПО и радиоэлектронику на обновление технологической базы и развитие инновационной активности.

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезу о значительном влиянии управления цифровой трансформацией на эффективность функци-

онирования экономических бизнес-систем, выявляя потенциал для оптимизации управленческих процессов и улучшения экономических результатов на различных уровнях управления.

Заключение

Цифровая трансформация, являясь неотъемлемым элементом современного развития бизнеса и экономики, открывает новые горизонты для улучшения эффективности и конкурентоспособности организаций на глобальной арене. В данной статье были освещены ключевые аспекты управления цифровой трансформацией и его влияние на стратегические и операционные цели управления.

Анализ показал, что цифровая трансформация, будучи эффективно управляемой, способна дать мощный толчок в развитии технологической независимости, коммерциализации научных разработок, ускорении технологического прогресса и создании конкурентоспособных продуктов и решений на мировом рынке. Эти аспекты являются краеугольным камнем для обеспечения устойчивого экономического роста и технологического лидерства.

На операционном уровне цифровая трансформация вносит значительный вклад в оптимизацию производственных процессов, снижение издержек, улучшение управления и принятия решений, а также в развитие новых бизнес-моделей. Это, в свою очередь, приводит к улучшению взаимодействия с клиентами и формированию цифровой инновационной экосистемы, которая способствует дальнейшему инновационному развитию и созданию сети взаимодействия между ключевыми участниками экосистемы.

Авторская система индикаторов, предложенная в статье, позволяет комплексно оценить эффективность управления цифровой трансформацией, учитывая стратегические задачи и ожидаемые эффекты на различных уровнях управления экономическими бизнес-системами. Этот инструментарий является ценным ресурсом для исследователей и практиков, занимающихся вопросами цифровизации и управления в современной экономической среде.

В заключение, управление цифровой трансформацией является ключевым фактором, способствующим улучшению экономической эффективности и достижению стратегических и операционных целей организаций в условиях глобальной конкуренции и быстро меняющихся технологических трендов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Измерение и оценка результатов и эффектов цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса. Материалы, подготовленные Институтом энергетических исследований РАН (ИНЭИ РАН) по результатам выполнения НИР по теме «Разработка научно обоснованных предложений по измерению и оценке результатов и эффектов цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса»
2. Кокуйцева Т.В., Овчинникова О.П. Методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности //Креативная экономика. — 2021. — Т. 15. — №. 6. — С. 2413–2430.
3. Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием. Москва, 2022. 216 с.
4. Писарева О.М. Анализ состояния и характеристика потенциала развития инструментария стратегического планирования в условиях цифровой трансформации экономики и управления //МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2018. — Т. 9. — №. 4 (36). — С. 502–529.
5. Юркова О.Н., Казаков О.Д. Разработка теоретических основ и методов теории управления и принятия решений в условиях цифровой трансформации экономических систем и комплексов региона //Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты. — 2018. — С. 557–561.
6. Устинова Л.Н., Макаров А.М., Бритвина В.В. Модель цифровой трансформации инновационной экосистемы на основе технологической платформы //П-Economy. — 2022. — Т. 15. — №. 4. — С. 110–122.
7. Белова Е.Ю., Шевченко М.О. Трансформация систем менеджмента предприятий в контексте цифровизации //E-Management. — 2023. — Т. 6. — №. 1.— С. 17–28.
8. Акперов И.Г. Подходы к формированию методологии управления в условиях цифровой трансформации //Интеллектуальные ресурсы-региональному развитию. — 2021. — №. 1. — С. 411–416.
9. Жаринов И.О. Корпоративное управление в цифровой экономике //Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. — 2021. — Т. 18. — №. 6 (120). — С. 158–169.
10. Панфилова Е.Е. Цифровая трансформация бизнеса: тренды и модели //Московский экономический журнал. — 2019. — №. 11. — С. 312–319.
11. Пономаренко А.С., Кожухова А.В. Проблемы реализации концепции индустрия 4.0. И адаптации бизнес-систем в условиях формирования цифровой экономики //Наука и современность. — 2019. — С. 96–99.
12. Кириченко Д.А. Цифровая трансформация: влияние на деятельность современного предприятия //Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2019. — №. 4. — С. 55–59.
13. Болотников С.В. Цифровая трансформация бизнес-процессов организации на основе использования IEM (операционных бизнес-систем) //Современные парадигмы социально-экономического развития России в рамках реализации национальных проектов. — 2020. — С. 33–35.
14. Мартынов В.В., Филосова Е.И., Ширяев О.В. Технология моделирования перспективной архитектуры предприятия цифровой индустрии //Инновационные, информационные и коммуникационные технологии. — 2020. — С. 265–270.
15. Люлюченко М.В. Формирование региональных инновационных экосистем в условиях цифровой трансформации экономики //Экономика. Общество. Человек. — 2021. — С. 23–33.

© Исаев Мурад Гусейнович (ef.dgu@mail.ru); Спильниченко Владимир Кириллович (spilnvladimir@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: К ИСТОКУ

CONTROL IN THE HISTORY OF RUSSIAN ECONOMIC THOUGHT: TO THE SOURCE

N. Lebedev

Summary. The main directions of financial control in Russia are revealed, the direction of the influence of state financial control is reflected, including in the light of the activities of its individual ideologists and practitioners, the clash of their views and concepts and their impact on the implementation of financial practice.

Keywords: history of financial legislation, financial control, financial practice, economic growth, customs policy, financial reform, fiscal policy, collegiums, budget.

Лебедев Никита Андреевич

доктор экономических наук, профессор, профессор,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
swonson@bk.ru

Аннотация. Раскрываются основные направления финансового контроля в России, отражена направленность влияния государственного финансового контроля, в т.ч. в свете деятельности его отдельных идеологов и практиков, столкновения их взглядов и концепций и их воздействия на реализацию финансовой практики.

Ключевые слова: история финансового законодательства, финансовый контроль, финансовая практика, экономический рост, таможенная политика, финансовая реформа, фискалитет, коллегии, бюджет.

Раскрывая вопросы финансового контроля, отечественные литературные историографические источники дают возможность увидеть, что специальных финансовых учреждений с контрольными функциями в России на протяжении продолжительного периода не существовало. Хотя, сами по себе источники финансового контроля имели своей исходной точкой, судя по всему, 1035 год. Тогда «Русская Правда» [1] — сборник норм права (свод законов), в статьях 35–37 закрепила ключевое право — привилегию князя как высшего представителя власти на организацию денежного контроля. Финансовое управление направлено было на регулирование финансовых обязательств между государством и населением, что определялось путём учёта и контроля, возложенного на князя законом. В той или иной степени финансовые вопросы решались как на Совете князя в Боярской Думе, так и на народном Вече. С XI века функции финансовых контролёров возлагались на данщиков, специальных чиновников, собиравших и прямые налоги и отдельные пошлины [2].

Однако с повышением геополитической роли, расширением территории и внешнеэкономических связей России после распада Золотой Орды произошли значительные изменения в развитии контрольных финансовых механизмов. Так, отдельные концептуальные подходы к финансовой практике апробировались в исследуемый период, как показывает анализ, в таможенно-тарифной политике. Об охвате её воздействия на доходы казны, в частности, свидетельствует Белозёрская таможенная грамота 1497 года, установившая постоянный приток таможенных сборов [3]. В начале XV века таможенные сборы делились князьями, как правило,

между членами семьи, а право взимания разнообразных пошлин и сборов оставалось за Великим князем.

Исторический опыт подтверждает, с одной стороны, что на первых шагах централизации Русского государства встала задача, во-первых, актуализации финансового законодательства. С точки зрения эволюции финансового контроля в данном контексте сыграло весомую роль Соборное уложение 1649 года, где финансовые преступления (несоблюдение порядка взыскания таможенных сборов, фальсификация документов, поборы, вымогательство взятки и пр.) были обособлены в особо опасный вид преступлений против порядка управления и должностных преступлений [4]. С другой, — уложением ставилась ещё одна важная управленческая задача — создать новые государственные учреждения, адаптированные к изменяющимся условиям. И она была во многом решена принятием единой законодательной базы — «Судебника Ивана III» в сентябре 1497 году [5]. Воплощение его положений позволила заложить основы новых учреждений — системы Приказов — прообраза министерств. Немаловажно, что почти все из создаваемых Приказов имел специфику разнохарактерных финансовых организаций, поэтому так или иначе могли разрешать финансовые вопросы.

Вместе с тем, царём Иваном III с целью роста эффективности всей системы управления была образована Большая Казна, её предназначение состояло в эмиссии рубля и хранении драгоценностей. В свою очередь, идея создания в целях совершенствования финансового управления самостоятельных звеньев управления — отраслевых Приказов — Приказа счётных дел и Большого

прихода, которые, по мнению отечественных историков, стал первым в стране контрольным финансовым инструментом воплотилась в царском Указе, изданном 10 марта 1656 года. [6]. В частности, Счётный Приказ контролировал расходы и доходы казны по записям в приходно-расходных книгах многочисленных финансовых институтов, надзирал за финансовой деятельностью разного уровня чиновников, финансовых уполномоченных регионов — земских целовальников, собирающих подати [7].

Практика показала, что формирование постоянных приказов заложило основу государственному финансовому контролю на современных для того времени принципах, что по большей части регламентировало финансовый учёт.

Следует подчеркнуть, что вся работа по становлению финансового учёта и контроля в исследуемый период легла на яркого представителя нашего Отечества — А.Л. Ордин-Нащокина (1645–1680), убеждённого в увеличении казённой прибыли путём развития торговли [8]. Ордин-Нащокин установил «указные» (твёрдые) цены на широкий ассортимент товаров и ограничил беспошлинную торговлю с иностранных купцов [9].

Определённо, идеологически и практически финансовый контроль продолжал свою перестройку, принимал характерные черты и адаптированный к сложившимся условиям стиль управления. Но при том, что система приказов в целом гармонизировала с изменившейся управленческой структурой, всё же, с точки зрения Б.Н. Миронова, известного исследователя социально-экономической истории, она требовала обновлённой системы финансового контроля [10].

На самом деле, в условиях, сложившихся к концу XVII— началу XVIII веков, сложилась потребность реформировать систему финансового управления и контроля, приблизив её к устройству органов государственного финансового контроля по типам европейских стран. В этом отношении принципиальная причина реформирования системы финансового управления лежит на поверхности и определена острой необходимостью в средствах, которая возникла на фоне Северной войны (1700–1721), когда резко возросли военные расходы [11]. Но, с другой стороны, тогда как при Алексее Михайловиче ещё не было замысла обеспечивать экономический рост, и, соответственно, не было широкой необходимости финансирования развития образования, науки, создания академии наук, открытия школ и учебных заведений, когда, в частности, в 1701 году была открыта школа навигацких наук для подготовки кадров для флота, Артиллерийская школа, в 1707 году создана первая медицинская школа, в 1712 году — Инженерная школа, в 1715 году — Морская академия [12], то к концу XVII — началу XVIII вв., кроме необходимости совершен-

ствования военного мастерства, у государства стал складываться интерес к развитию технического потенциала, подъёму промышленности, повышению уровня образования, государство выделяло средства на модернизацию. Финансирование государственных потребностей приобретает систематический характер. Это привело к необходимости гиперболизации роли финансового контроля. И Пётр I сменил Приказы на коллегиальную систему по шведскому образцу, создав десять коллегий с совещательным порядком решения вопросов [13].

В ряду петровской реорганизации и создание контрольного финансового органа — Ближней (Большой) канцелярии, и губернская реформа, и образование Правительствующего сената как высшего органа управления [14].

Круг дел Большой канцелярии (1701–1718) был широким: там копились сведения об имуществе казны, информация о денежных средствах государства [16], что давало как составлять планы на финансовую деятельность, так и проводить финансовый контроль. В канцелярии разрабатывались «государственные росписи» (бюджет), а с 1705 года регистрировались указы Государя, на заседаниях Консилии обсуждался самый широкий круг вопросов государственной важности — это и введение налогов, и оформление судебных постановлений о причинении ущерба казне и т.п. [17].

Губернская реформа 1708 года [18] в определённой мере децентрализовала финансовый контроль, когда часть полномочий передали губернаторам, одно из которых касалось поручения изыскивать денежные средства. Высший же финансовый контроль возложили на Правительствующий Сенат, тем самым его усилив, хотя по сути своей Сенат оставался судебным органом власти. Проведение текущих надзорных мероприятий царь доверил фискалитету как особому органу сенатского управления [19].

Фискальная служба организационно представляла собой трёхуровневую вертикаль. Обер-фискал как глава службы подчинялся непосредственно Правительствующему Сенату, в провинциях работали городские фискалы.

Фискальные органы стимулировались материально — получали половину от суммы начисленных штрафов с взыскиваемых по суду, а повышение эффективности их деятельности усиливалось кадровой всеословностью, как бы сейчас сказали — социальным лифтом, что было введено Петром Первым в 1722 году.

Дальнейшие структурные перемены касались введения системы коллегий. Во-первых, по мнению С.М. Соловьёва, финансовый контроль со стороны Сената резко

ослаб [20]. Во-вторых, как образец модели устройства коллегий Пётр I выбрал чёткую и единообразную шведскую модель. А, в-третьих, причину введения коллегий П.Н. Милюков видел в неупорядоченности бюджета [21]. В этом вопросе он скорее всего исходил из того, что неупорядоченность состояла в высоком военном бюджете, когда в 1725 году он достиг 6,5 млн рублей, хотя, как нам представляется, нельзя забывать одно очень важное обстоятельство — русский бюджет всегда был военным (около 4 млн рублей в год), ведь только Северная война продолжалась 21 год; тем не менее, система налогообложения последовательно изменялась и в итоге подушная подать заменила все прямые налоги. Поэтому коллегии, три из которых имели финансово-экономический характер, как нам представляется, формировались исходя из острой финансовой необходимости.

В частности, Ревизион-коллегия функционально контролировала расходы, инспектируя счета, открывала судопроизводство в отношении фискалов за ложные доносы, [22].; Камер-коллегия ведала сбором доходов, а Штатс-контор-коллегия — государственными расходами. Позднее Ревизион-коллегия вошла в состав Сената уже как Ревизион-контора, чем был повышен её статус.

С другой стороны, нижестоящие региональные ревизионные органы обязывались направлять Генерал-ревизору отчёты о пресечении казнокрадства, что стало, помимо попыток борьбы со взяточничеством одной из доминирующей направленности в работе надзорных органов.

Этот период пристальное внимание отводилось проведению ревизий, и новую схему финансового контроля открыла Инструкция о правах и обязанностях Ревизион-конторы. По линии Инструкции обвинения выдвигались беспристрастно не взирая на должности и лица.

Не секрет, что и обычаи, и законодательство начала XVIII века видело важную обязанность в доносительстве. Поэтому неудивительно, что в фискальные ведомства шли различные доносы о криминальной деятельности в том числе на П. Шарифова, М. Аврамова, Д. Соловьёва, А. Веселовского [23].

Краткий анализ дел, возбуждённых и против мелких чиновников и отдельных представителей элиты, обвинённых в лихоимстве в исследуемый период, показывает, что фискальное ведомство открывало уголовные дела и на представителей госаппарата, и на высших сановников. Расследовалась т.н. «подрядная афера», где среди прочих были замешены сенаторы Г.И. Волконский и В.А. Апухтин [24], раскрыто мошенничество в Мундирной канцелярии о закупке для армии партии некачественной одежды и обуви, разоблачены массовые злоупотребления важского коменданта Д.А. Соловьёва

и белозерского коменданта В.Н. Римского-Корсакова, крупная растрата в С.-Петербургской губернской канцелярии и воровство в Военном приказе.

Как правило, по доносам расследовались факты недоимок, беспошлинной торговли, о тайной торговле медикаментами, несвоевременности оплаты пошлин и сборов, об уклонении от воинской службы. В Поместном приказе возбуждались дела о фальсификации деловых бумаг, о небрежном хранении продуктов на базе в Козельске, о взяточничестве солигалицкого коменданта и пр. [25].

В формировании и развитии государственного финансового контроля отразились неповторимый дух эпохи и личность Петра I. Его реформы вызвали рост производительных сил, образование всероссийского рынка, расширение внешнеторговых связей и увеличение государственного бюджета. Конечно же, это вызвало качественную перестройку контрольной работы. И никто иной как Пётр I впервые в истории страны позволил себе ответить на современные ему вызовы с позиции понимаемых им принципов коллегиальности и законности, централизации в рамках коллегий финансового контроля, фискалитета и Сената, что носило в большинстве своём комплексную финансово-экономическую устремлённость. Всё это потребовало создания сословия чиновников и введения абсолютизма.

Закономерно, что практические вопросы государственного управления занимали и передовых мыслителей своей эпохи, среди которых вызывает интерес Иван Тихонович Посошков (1652–1726). В своём главном труде «Книге о скудности и богатстве ...» [26], он призвал углублять петровские преобразования, развивать институты финансового контроля. Автор «Книги...» предложил царю комплекс геополитических, социально-экономических и внешнеэкономических задач, то есть, по существу, стратегию реформ. В стратегии основной линией он избрал протекционизм; покровительство промышленности, рекомендуемое Посошковым, реализовалось в таможенном тарифе 1724 года — первом систематизированном тарифе, в котором ставки пошлин, имели запретительный характер, составив 3/4 от стоимости товаров.

Как убеждённый сторонник государственного регулирования, Посошков развил основы кредитной системы.

Несмотря на то, что в открытой полемике с Петром I Посошков высказывал оригинальные идеи по насущным проблемам, хотя вся его многогранная программа в полной мере востребована не была, а его мнение, в частности, о совершенствовании финансового контроля не потеряло актуальности [27].

В постпетровский период неперменной чертой государственного финансового контроля стали попытки совершенствовать отчётность перманентно. Что касается Екатерины II (1762–1796 гг.), то ещё на раннем этапе своего царствования в рамках проведения реформы местного самоуправления она сформировала финансовые органы — Казённые губернские палаты, и которые, с точки зрения Екатерины II, представляли собой «соединение Камер и Ревизион-коллегии», скорее всего, поэтому и выделила их в обособленную единицу «для управления казённых доходов». А доходы, согласно статистическим данным, составили в 1763 году 18,55 млн руб., в 1773 году — 30,7 млн руб., в 1781 году — 40,16 млн руб., и в 1796 году — 73,1 млн руб. Расходы бюджета составили, в частности, в период с 1762 по 1773 гг. на армию — 39,5 % или 116,6 млн руб., на флот — 6,5 % или 17,4 млн руб., расходы на госаппарат — 43,3 % или 127,4 млн руб. [28].

Казённые губернские палаты включали разнообразные структурные компетенции: сбор сведений, касающихся расходов и прихода средств, управление питейными сборами и откупами, отслеживание своевременности поступлений в Экспедицию доходов, ознакомление Сената с губернскими финансовыми сводками. Порядок работы Казённой палаты был частично изменён в марте 1781 года, когда её подразделили на 7 самостоятельных экспедиций. с точки зрения анализа статьи, представляет интерес деятельность шестой и седьмой экспедиций: так, шестая экспедиция стала вести дела о расходах и приходах, вела широкую ревизионную деятельность, а седьмая экспедиция осуществляла общий финансовый контроль.

Как показывает анализ, в исследуемый период со стороны всех финансовых органов эффективно сочетались децентрализация и государственный контроль.

Начало XIX столетия ознаменовалось новым этапом в преобразовании сферы государственного финансового контроля, приспособленного к современным для своего времени социально-экономическим условиям. Значение приобрело «максимальное совершенствование практики управления, создание условий контроля за деятельностью ведомств» [29].

В первой четверти века основополагающая роль в реформировании деятельности финансовых учреждений принадлежит М. М. Сперанскому (1772–1839). Если при оценке реформирования использовать целостный подход, можно выделить основные этапы реформирования, с одной стороны, отразившиеся на проведении финансового контроля, а, с другой, на которые финансовый контроль обнаруживал принципиальное влияние.

Сперанский так обозначил экономическую роль государства: «Государственная экономия имеет два главные

предмета: приумножение вообще массы государственного богатства; извлечение из неё доходов образом наименее отяготительным и распределение их на содержание управления без недостатка и излишества. Посему два главных отделения должно себе представлять в управлении экономическом. В одном ведаются источники народного богатства в отношении к их приумножению. В другом ведаются доходы, из сих общих источников извлекаемые, распределяемые и охраняемые. Сюда принадлежат подати, таможи, оброчные и откупные статьи и прочее».

Сперанским был составлен план государственных преобразований, известный как «План финансов...», где он отмечал, что при управлении финансами возможно выделить три главные части: «источники доходов; движение капиталов; общая их поверка, или ревизия счетов». Ревизию счетов, как отмечал Сперанский, необходимо передать специальному ведомству. При этом, ревизии финансовой деятельности ставилась задача не только выявить нарушения при сборе доходов или проведении расходных операций, но и обобщать опыт реализации бюджета. [30]. Контрольно-надзорными функциями в области финансов в июле 1810 года был наделён Государственный контролер.

Им была выдвинута идея жёстко классифицировать государственные доходы и расходы по источникам и пространству употребления. Предусматривалось подразделять расходы на постоянные и непостоянные, на чрезвычайные и обыкновенные.

Видя возможное расширение расходов бюджета в условиях дефицита, Сперанский считал, что «всякий расход, вновь назначаемый, если не удовлетворяется он или отсечением других расходов, или удобрением хозяйственных источников, правительству принадлежащих, в существе своём и в самом строгом смысле есть новый налог».

С принятием плана финансов, существенно сократились государственные расходы, предполагалось, усилить контроль над бюджетными расходами и постепенно их снизить до до показателей доходной части бюджета.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что рост доходов бюджета достигается за счёт дополнительных поступлений от повышения налогов, сборов, пошлин или изменения правил их взимания, что также приводит к росту налогов.

Как на один из вариантов роста государственных доходов Сперанский указал на необходимость изменений в налоговом законодательстве, бюджетобразующей трансформации казённых учреждений и рост всяких сборов. Согласно «Плану финансов», основными зада-

чами которого ставилось преодолеть дефицит бюджета и ликвидировать государственный долг, прежде всего была в три раза увеличена подушная подать, как и ряд налогов и сборов [31], что диктовалось позицией самого Сперанского в отношении помещиков, купцов и наёмных работников, которые практически не облагались налогами, а в гораздо более сложной ситуации оказались те, кто был связан обязательствами с казной.

В итоге финансовый контроль не мог не привести к росту государственных доходов.

В первой четверти XIX изначально все вопросы управления финансами были возложены на Комиссию по погашению долгов, позднее её полномочия были переданы Министерству финансов и таким образом сформировалась модель, по мнению Сперанского, максимально эффективно выполняющая возложенные на неё задачи.

Как мы видим, основная идея финансового контроля по плану Сперанского состояла в чётком структурировании всей финансово-хозяйственной практики. Это затра-

гивало, во-первых, формирование компонентов, составляющих доходную и расходную части бюджета с одной стороны, для осуществления строгого постоянного контроля за целесообразным использованием средств, а, во-вторых, реализуемость вариантов ограничения расходов. С другой стороны, структурирование не в меньшей мере наблюдалось и в задачах, касающихся административного управления монетарной инфраструктуры.

Анализ показал, что практика финансового контроля апробировалась представителями русской экономической мысли первой четверти XIX века как на теоретическом уровне, на котором определялись основные постулаты, выражающие прежде всего государственные интересы; на программном уровне, на котором высшие структуры управления разрабатывали доктрины, где идеалы и интересы воплощались в политические программы и становились идейной основой в принятии управленческих решений; на практическом уровне, очерчивающим на практике уровень освоения и реализации идей и принципов финансового контроля на всех трёх уровнях в масштабе страны, что не потеряло актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юшков С.В. (ред.). Зимин А.А. (сост.) Памятники русского права. — М., 1952 — Вып.1.
2. Милюков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. — СПб., 1892.
3. Белозёрская таможенная грамота 21 мая 1497 года. Российское законодательство X–XX вв. — Т.2. — М., 1984.
4. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 года. — М.: Изд-во Московского университета, 1961.
5. Фроянов И.Я. (ред.). Судебник Ивана III: становление самодержавного государства на Руси. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
6. Щербakov С.Н. Боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков — государственный деятель России 20 — начала 80-х гг. XVII века // диссертация на соискание уч. степени канд. истор. наук. — М., 2009; Кошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. — Изд. 1-е. — СПб., 1840. — С.92.
7. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. — СПб., 1872. — Т.1. — С. 70; Устюгов Н.В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII веке // Абсолютизм в России (XVII–XVIII в.). Сб. статей. — М., 1964. — С. 134; Ялбулганов А.А. Зарождение государственного контроля в России во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-правовое исследование) // Государство и право. 2001. — № 10. — С. 89.
8. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. — Кн. 2. — М., 1994. — С.434; Лебедев Н.А. Таможенная и тарифная политика России: идеологи и творцы. — М., ИЭ РАН, 2002. — С.16–49.
9. ПСЗ-1. Т.1. СПб., 1830. — С.302; Чистякова Е.В. Социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нащокина. — Воронеж, 1950. — С. 34.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). — Том 2. — СПб., 1999. — С. 196–199.
11. Михеев С.П. История Русской армии. — Вып.1. — М., 1910–1912.
12. Веселаго Ф.Ф. Морские училища при Петре Великом // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. — СПб., 1848. — Ч.6. — С. 329–385; Очерк истории Морского кадетского корпуса. С приложением списка воспитанников за сто лет. — СПб., 1852; Кротков А.С. Морской кадетский корпус: Краткий исторический очерк. — СПб., 1901; Пребывание русских навигаторов за границу // Морской сборник. — СПб., 1901. — № 1. Неофиц. отд. — С. 1–41; Сукновалов А.Е. Первая в России военно-морская школа // Исторические записки. — М., 1953. — Т. 42. — С. 303–311; Чему и как обучали в Петербургской Морской академии при Петре I: (Из истории школы в России XVIII века) // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института. — Л., 1956. -Т. 13. — Вып. 2. — С. 123–145; Сергеев В.К. Московская Математико-Навигацкая школа // Вопросы географии. — М., 1954. — Сб. № 34. — С. 150–160; Зуев Г.И. Историческая хроника морского корпуса 1701–1925». — М.-СПб.: Центрполиграф, — 2005.
13. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. — М., 1966. — С. 157.
14. Сакович В.А. Государственный контроль в России. Его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы кассового порядка и устройства государственной отчётности. — СПб., 1896. — Ч.1. — С.112.
15. Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг Дворцовых приказов. — Вып.1. — М., 1877. — С. 286; Токарев Н.Я. Ближняя канцелярия при Петре Великом и её дела. — М., 1888. — Кн. 5. — С. 51.
16. Государственные учреждения России XVIII века (Словарь-справочник). — Тюмень, 1996–1999. — С.556.

17. По Указу от 18 декабря 1708 года было образовано 8 губерний, поделённых на уезды: Московская (39 уездов), Ингермандландская (позже С.-Петербургская (29 уездов), Киевская (56 уездов), Смоленская (17 уездов), Архангелогородская (20 уездов), Казанская (71 уезд), Азовская (77 уездов), Сибирская (30 городов).
18. Указ от 22 февраля 1711 г. «Об учреждении Правительствующего Сената . . .» // — ПСЗ — 1. — Т.4. — № 2321; Иванов П.И. Сенат при Петре Великом // Журнал Министерства Юстиции. — 1859. — № 7. — С. 34–70; «Указ о фискалах и о их должности и действии» // ПСЗ-1. Т.5. № 2786; — Т.8. — № 4698;
19. Соловьёв С.М. История России. — СПб., 1868. — Кн.8. — С. 463.
20. Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. — СПб., 1905. — 2-е изд. — С. 127.
21. Князьков С.А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1909. — С. 164–166.
22. Серов Д.О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2023. -2-е изд., пересмотр.; Павленко Н.И. (ред.). Россия в период реформ Петра I. — М.: Наука, 1973.
23. РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 89; Л. 4, 16 об., 17, 19, 24 об., 37.
24. Антилогов Г.Н. Фискалитет при Петре Первом // Вестник Московского университета. Историко—филологическая серия. 1956. — № 2.
25. Посошков И.Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. — М., 1951. Сочинения И. Посошкова. — М., 1863; Погодин М. Крестьянин И. Посошков, государственный муж времен Петра Великого // Москвитянин. 1842. — № 3;
26. Лебедев Н.А. Иван Тихонович Посошков. Русский предтеча Адама Смита. Альманах «Золотая книга России». 2001. Часть 1. Серия «XXI век. Элита бизнеса». — С. 176–179.
27. Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX-XX вв.). — М.: Госфиниздат, 1954.
28. Шепелёв Л.Е. Торгово-промышленные ведомства России в первой четверти XIX в. // Английская набережная, 4: Ежегодник С.—Петербургского научного общества историков и архивистов. — СПб.: Лики России, 2000. — С. 165–166.
29. Валк С.Н. Законодательные проекты М.М. Сперанского в печати и в рукописях // «Исторические записки». Т.54. М., 1955; Валк С.Н. (ред.). М.М. Сперанский. Проекты и записки. Из -во АН СССР. М; Л., 1961.
30. Козырин А.Н. (ред.). Сперанский М.М. План финансов. — М.: Статут. 1998. — С. 17–106; Ключевский В.О. Соч. в 9-ти т. Т.5. Ч.5. Курс русской истории. — М.: Мысль. 1989. — С.206.

© Лебедев Никита Андреевич (swonson@bk.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ МЕРКАНТИЛИСТОВ

ECONOMIC VIEWS OF RUSSIAN MERCANTILISTS

N. Lebedev

Summary. The economic views of the ideologists of Russian mercantilism, advanced thinkers of their era — an outstanding politician and economist of the second half of the XVII century — A. Ordin-Nashchokin and an outstanding thinker — I. Pososhkov, many of whose ideas were subsequently implemented by Peter I, are briefly considered; their activities still arouse genuine interest today.

Keywords: economic thought, mercantilism, manufactories, internal customs, foreign economic relations, protectionism, privileges of merchants.

Зарождение русской экономической мысли вызвано своеобразием исторического и социально-культурного развития страны. Отечественная историография подтверждает, что русская экономическая мысль стала развиваться с образованием Древнерусского государства [1].

Среди источников русской экономической мысли выделяются свод законов «Русская Правда» (XI век), описывающая высокий уровень развития социально-экономических отношений, широкие хозяйственные связи, сложившиеся на Руси. Основа, на которой базировалось русское хозяйство — трудолюбие, — обозначена в «Получении Владимира Мономаха» (XI—XII вв.). Особенности организации хозяйства в Великом Новгороде определяет «Устав князя Ярослава о мостех», а «Рукописание князя Всеволода» включает устав купеческой гильдии новгородцев (XIII век) [2].

На Руси экономические школы и направления, где передовые мыслители выражали свои взгляды, сложились несколько позже, чем в Европе. Собственно говоря, научная русская экономическая мысль рождалась в столкновениях с экономической мыслью Запада.

В XVII—XVIII веках экономика страны испытала прорыв; впечатляюще яркой была экономическая жизнь. Доминирующей экономической концепцией укрепился меркантилизм, «имевший огромное значение для России того времени» [3]. И одними из первых мыслителей — выразителей отечественного меркантилизма в Московском государстве стали Ордин-Нащокин и Посошков.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1605–1680) занимает выдающееся место в ряду передовых

Лебедев Никита Андреевич

*доктор экономических наук, профессор, профессор,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
swonson@bk.ru*

Аннотация. Кратко рассмотрены экономические взгляды идеологов русского меркантилизма, передовых мыслителей своей эпохи — незаурядного политика и экономиста второй половины XVII в., — А.Л. Ордин-Нащокина и незаурядного мыслителя — И.Т. Посошкова, многие идеи которых осуществил впоследствии Петр I; их деятельность и сегодня вызывает неподдельный интерес.

Ключевые слова: экономическая мысль, меркантилизм, мануфактуры, внутренние таможи, внешнеэкономические связи, протекционизм, привилегии купечества.

деятелей своей эпохи. В лекциях по истории В.О. Ключевский отметил, что А.Л. Ордин-Нащокин был самым замечательным из московских государственных людей, имел тонкий, цепкий и ёмкий ум, мог быстро схватывать данное положение [4].

Понимание идей Ордин-Нащокина даёт осознание эпохи, в которой он жил. Действительно, будучи государственным деятелем, советником царя Алексея Михайловича, Ордин-Нащокин значительное внимание уделял вопросам торгово-промышленной политики.

Экономические взгляды А.Л. Ордин-Нащокина можно проследить, в частности, в написанных им в марте — апреле 1665 года трёх «памятках», также как и в «Псковских уставах», включавших в том числе предложения по установлению твёрдых («указных») цен на каждый вид товара и по ограничению времени беспошлинной торговли с иноземными купцами с 6 по 20 января и с 9 по 23 мая — в период высоких оборотов в торговле для защиты «русских людей маломочных» от богатых «заморских иноземцев», имевших «торги великие», предвосхитивших разработку и принятие Новоторгового устава 1667 года, разработкой которого он непосредственно руководил [5].

Вместе с тем, Ордин-Нащокин в практической политике стремился учитывать интересы не только людей «маломочных», но и купечества, желающего усилить свой потенциал, решительно урезать монопольные права иностранных купцов на русском рынке, что отчётливо зафиксировано в Новоторговом уставе, принятом 22 апреля 1667 года [6].

Обзор научных источников, охватывающих экономические теории и идеи, несущие принципиальное моби-

лизирующее координирующее и преобразующее значение, даёт возможность увидеть, что хотя прогрессирующие противоречия среди русского и иноземного купечества частично были устранены с принятием в 1653 году Торговой уставной грамоты (устава) «О взимании таможенной пошлины...» [7], установившей единую таможенную пошлину, что, однако, оставило тогда на повестке дня необходимость дальнейшей разработки законодательства.

Поэтому принятие Новоторгового устава 1667 года во многом и диктовалось в том числе и необходимостью изменения сложившейся системы таможенного обложения, когда в 1555 году «Московская компания», созданная в Британии, заняла монопольное положение на русском рынке, включая право английских купцов не только на беспошлинный ввоз товаров, но и абсолютную свободу их оптовой и розничной торговли на территории России, как и всяческое содействие в транзитной торговле по азиатскому направлению, что конечно же заметно сдерживало расширение российских внешнеэкономических связей, снижало глобальную конкурентоспособность отечественного купечества, тормозило развитие товарно-денежных отношений, и, соответственно, вызывало недовольство русских купцов, всё решительнее требовавших ликвидацию привилегий [8], что и предредило принятие нового закона, с одной стороны, закрепившего прежние положения, а, с другой, обусловившего впоследствии смену внешнеэкономической стратегии с фритредерства на протекционизм [9].

Это выразилось в том, что Устав на всей территории страны впервые установил чёткие правила взаимоотношений с иностранными купцами, согласно которым торговля на внутренних рынках им запрещалась и выводилась в пограничные рубежи — в Архангельск, Новгород, Псков, Путивль. Вводились ввозные откупные и внутренние перекупные и иные сборы, фискальный характер которых проявлялся в их трёхкратной переоценке. В частности, детализировалось таможенное обложение предметов роскоши или как их тогда называли, «узорчатых товаров», в том числе сахара и импортных вин, а по соображениям добронравия запрещался ввоз табака. Пошлины на соль достигали 10 % или гривну с рубля, с сибирских соболей 2.5 %. Высокой пошлиной облагались все прочие товары, например, рыба, а вывоз хлеба, шелка-сырца и пеньки запрещался.

Согласно уставу, пятипроцентная пошлина при приобретении русскими торговцами зарубежных товаров не взималась при предварительной оплате товаров, чем поддерживалась их концентрация в регионах торговли.

Устав предусматривал, как бы сейчас сказали, осуществление функции контроля качества ввозимых товаров, наличия на них товарных знаков, чтобы «худые товары не возили и добрым товарам цены не портили», и при

выявлении некачественных товаров «оглашался приговор», а товар «с бесчестьем с ярмарки» удалялся [10].

Наряду с контролем качества ввозимых товаров развёрнуто прописан порядок таможенного контроля, обеспечивавший тщательный («накрепко») двойной досмотр всех ввозимых товаров. При приобретении иностранными купцами русских товаров на валюту, таможенные органы несли ответственность за достоверность заполнения декларации («выписи»); за заключением важнейших сделок и за оценкой товаров при взимании пошлин представители таможни обязаны были присутствовать лично. Если обнаруживался сокрытый от досмотра товар, товар конфисковывался с одновременным крупным штрафом. Со своей стороны, на руководителей таможен возлагалась обязанность не допускать вывоза драгоценных металлов, равно как и контрабанду ювелирных изделий, а населению запрещалось приобретать неоплаченные пошлиной драгоценности, что пополняло казну страны.

Стало быть, ограничив тем самым государственное регулирование внешнеторговых сделок, правительство проводило, во-первых, политику фритредерства, по необходимости демонстрировав миролюбие по отношению к сопредельным странам, и, прежде всего, к Швеции, а, во-вторых, только в известной мере ограничивало эту свободу из-за отсутствия или невозможности выпуска широкой товарной структуры, поступающей по импорту.

С другой стороны, работа по практическому становлению экономики лежала на видных государственных деятелях, и в исследуемый период осмысление вопросов управления вытекало из теоретического анализа.

Важно отметить, что с завершением Смутного времени ключевая цель виделась уже в формировании политически единого, мощного Русского государства, которое стало бы масштабным европейским звеном, соответственно в последней трети XVII века возник интерес на развитие технологии, рост промышленности, повышение культурного и образовательного уровня населения. Становилось важным на государственном уровне выделять средства на модернизацию [11].

И А.Л. Ордин-Нащокин будучи государственным деятелем стоял у истоков укрупнения мелкотоварного производства и появления первых подмосковных мануфактур — бумажных, кожевенных, стекольных, определял ассортимент и нормы поставок, сам принимал участие в организации мануфактур. Так для удовлетворения потребностей сельского хозяйства увеличилось производство пахотных орудий, ручных мельниц, «путных топориков», кровельного железа, гвоздей и другой мелкой металлической продукции. Возросли темпы специализации промыслов — варки мёда и пива, сыроварения,

винокурения, кожевенного, пушечного и шелкоткацкого производства.

Архивные документы свидетельствуют, что расширение экспорта и сокращение импортных операций, так и меры по развитию производства в 1680 году позволили сформировать положительный торговый баланс, появилась «Роспись доходов и расходов» как прототип государственного бюджета.

Как мы видим, Ордин-Нащокин воплотил себя в донесениях и письмах царю, проектах составленных им законодательных инициатив, и это говорит о нём как незаурядном политике и экономисте второй половины XVII в., многие идеи которого осуществил впоследствии Петр I [12].

Среди идеологов русского меркантилизма и передовых мыслителей своей эпохи не меньший интерес вызывает Иван Тихонович Посошков (1652–1726). Его перу принадлежит основное литературное произведение, имеющее для нас наибольшее значение — «Книга о скудности и богатстве...» [13], сочинение, составившее решающее основание его славы. Так оно и есть, — по силе языка, по богатству мысли, по злободневности затронутых вопросов это даёт полное основание называть его русским предтечей Адама Смита.

Действительно, «Книге ...» соответствует свой исторический период. Её настрой неповторим, у неё характерная аура и в ней запечатлена личность Посошкова как и дух его эпохи.

Читая «Книгу...» мы как бы беседуем с её автором. Вопросы торговли, денег, кредита Посошков рассматривает как практические вопросы государственного управления. В петровский период, период возвышения роли нашей страны, территориальных приобретений и расширения внешнеэкономических связей, широта идей Посошкова позволила ему предложить царю комплекс геополитических, социально-экономических и внешнеэкономических задач, то есть, по существу, стратегию реформ [14].

Основной линией стратегии он избрал протекционизм; политика покровительства русской промышленности, рекомендуемая Посошковым, была, в частности, реализована в таможенном тарифе 1724 года — первом системном тарифе, в котором ставки пошлин, имея фактически запретительный характер, составляли три четверти от стоимости товаров.

Доминанта мысли Посошкова позволила ему создать оригинальное учение о богатстве, которое во многом обусловило экономикой политические преобразования, тем самым даже выйти за рамки меркантилизма

с его увлечением положительным торговым балансом, позволила ему преодолеть бытующую точку зрения о богатстве, создающемся единственно для государства. Источник народного богатства Посошков видел в труде, и он не классифицировал его по социальному или структурному характеру на промышленный и сельскохозяйственный.

Но более важное значение с его точки зрения имеет рост общественного благосостояния, что невозможно без развития национального хозяйства; полагая, что «все могут быть богаты», в «Книге» он пытался ответить на вопрос «отчего изобильное богатство умножается и отчего приключается напрасная скудость».

В бюджете домохозяйств Посошков видел ключевую силу в производстве и распределении благ, подчёркивая, что воспроизводство уже закладывает «прибыток» как бы на и «продукт для себя», и на «продукт для общества», а в общественном значении труда не исключал возможности получения прибыли — как он писал, «разницы между ценой и издержками». Рассуждения Посошкова о богатстве спустя много лет повторил Адам Смит.

В свете релевантного объекта его изучения — ресурсного роста торговли и промышленности, находилась тема денег. Посошков видел прагматичным установить курс рубля «царским штампом» при том, что деньги должны быть полноценными.

Полноценность денег Посошков связывал с торговлей. С его точки зрения, торговля в экономике страны должна играть принципиальную роль. Объявив, что «торг — дело великое», он наметил задачу реорганизации торговых порядков введением «свободного торга», обеспечить русскому купечеству, а не «иночинцам», режим наибольшего благоприятствования в торговле.

Акцентируя кабальность торговли «иночинцев», когда, «приехав с своими безделками, да нашим материальным товарам цену устанавливают нискую, ведут торговлю в убыток казне, не оплачивают налоги и пошлины, а своим ставят цену двойную, а иным товарам и выше двойной», Посошков предложил повесить экспортные пошлины, ограничить торговые операции иностранных купцов, запретить ввоз предметов роскоши, а невыгодные торги отменять, что последовательно отмечал и А.Л. Ордин-Нащокин.

В свою очередь, в целях реформирования внешней торговли, и роста эффективности товарно-денежных отношений, Посошков рекомендовал с одной стороны, расформировать внутренние таможи (что было принято в 1754 году), и ввести единую десятипроцентную пошлину, а, с другой, изменить структуру импорта прямым запретом ввоза производящихся в стране това-

ров, что, в частности, прагматично применялось в Италии по предложению флорентийского теоретика Макиавелли [15].

Посошков выступал за преодоление экстенсивного характера экспорта и широкое вовлечение в товарооборот готовой продукции, что, как он считал, потребует использования новых форм и инструментов, максимально отвечающих показателям развития производительных сил, реальной социально-экономической обстановки в стране.

Призывая углублять петровские преобразования, в корне изменить социальную базу, преобразовать институт финансового контроля, Посошков как один из лидеров отечественной школы экономической мысли, ставил роль общего блага выше индивидуального [16], видел острую потребность страны в подготовке национальных квалифицированных финансовых кадров, поэтому советовал учиться «мастерству», привлекая специалистов в страну [17].

При этом Посошков считал важным формировать интерес к профессиональной подготовке мастеровых в аспекте создания и укрепления индустриальных мануфактур, решительно выходящих на экспортный рынок, считал важным обучаться у иностранцев «мастерству именованному и у нас на Руси небывалому», а для обучения и организации производства вводить договорную

оплату и вознаграждения иностранных специалистов, что прямо перекликается с предложениями Макиавелли «поощрять всякие полезные изобретения и усовершенствования», при том, что «государство должно награждать всех, кто каким-либо образом способствовал его обогащению и росту» [18].

Не менее серьезной виделась Посошкову и проблема инфляции — в первой четверти XVIII века цены, к примеру, на мясо, возросли в семь раз, а на двенадцать основных видов сельскохозяйственной продукции почти в шесть раз [19], и как сторонник установления твердых государственных цен, Посошков, полемизируя в «Книге...» с Петром I, советовал устанавливать цену, «чтоб какова в первой лавке, такова была и в последней», хотя в этом проявился утопизм Посошкова, не сомневавшегося, что «цене подобает быть равной и неизменной».

Сочинения Посошкова показывают, что как публицист, он достиг известности задолго до «Книги...». Но многие его сочинения не дошли до нашего времени и частично изложены в других трудах, таких как «Завещание отеческое к сыну», «О ратном поведении», ряде других этических и богословских сочинениях [20].

В открытой полемике с Петром I Посошков высказывал оригинальные идеи по насущным проблемам и его мнение не потеряло актуальности [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А.З. «О начале, ходе и успехах критической российской истории...». — М., 1827; Федотов А.Ф. «О главнейших трудах по части критической русской истории...». — М., 1839.
2. Юшков С.В. (ред.). Зимин А.А. (сост.) Памятники русского права. — М., 1952 — Вып.1.
3. Пашков А.И. (ред.). История русской экономической мысли. — Т.1. — Ч.1. — М., 1955. — С.246.
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. — Кн. 2. — М., 1994. — С.434.
5. Чистякова Е.В. Социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нащокина. Воронеж, 1950. — С. 34; Лебедев Н.А. Таможенная и тарифная политика России: теоретики и творцы. — М.: ИЭ РАН, 2002. — С.50–60.
6. ПСЗ РИ. Собр.1.Т.1. — СПб., 1830. — № 408.
7. См.: ПСЗ-1. Собр.1. Т.1. — СПб., 1830.
8. Базилевич К.В. Коллективные челобитья русских купцов и борьба за русский рынок в первой половине XVII века // — Известия АН СССР, 1932. — Вып. II.
9. Тимошина Т.М. Экономическая история России. — М., 1998. — С.58–59.
10. Лебедев Н.А. Таможенная и тарифная политика России: теоретики и творцы. — М., 2002. — С.23–48.
11. Рагулина Ю.В. и др. Влияние идеологии и практики финансового контроля в России на обеспечение экономического роста: начало пути // Вестник Аккор. — № 2. — 2015. — С.206.
12. Лебедев Н.А. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Русский Ришелье. Альманах «Золотая книга России». — 2001. — Часть 1. — Серия «XXI век. Элита бизнеса». — С. 168–171.
13. Посошков И.Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. — М., 1951.
14. Лебедев Н.А. Иван Тихонович Посошков. Русский предтеча Адама Смита. Альманах «Золотая книга России». -2001.— Часть 1. — Серия «XXI век. Элита бизнеса». — С. 176–179.
15. Николло Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. — М.: Мысль. — 1997.
16. Ядгаров Я.С. История экономических учений. Сер. Высшее образование. Бакалавриат (Финуниверситет). (Изд. 5-е, перераб. и доп.). — М., 2020. — С.398.
17. Погодин М. Крестьянин И. Посошков, государственный муж времен Петра Великого // Москвитянин.1842. № 3; Сочинения И. Посошкова. — М., 1863.
18. Николло Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. — М.: Мысль. -1997. — С.29.
19. Миронов Б.Н. Достоверности ведомостей о хлебных ценах XVIII века. «Вспомогательные исторические дисциплины». — Вып. 2. — Л., 1969. — С. 249–262.
20. Посошков И.Т. Завещание отеческое к сыну». — М., 1873; Посошков И.Т. О ратном поведении. — М., 1951.
21. Лебедев Н.А. Иван Тихонович Посошков. Русский предтеча Адама Смита. Альманах «Золотая книга России». -2001. -Часть 1. — Серия «XXI век. Элита бизнеса». — С. 176–179.

© Лебедев Никита Андреевич (swonson@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ БАЛАНСЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ ДРЕВЕСНОГО СЫРЬЯ С УЧЕТОМ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

TERRITORIAL BALANCES OF PRODUCTION AND CONSUMPTION OF WOOD RAW MATERIALS, TAKING INTO ACCOUNT THE PROSPECTIVE LOCATION OF TIMBER ENTERPRISES

**I. Nazarenko
E. Tikhomirov**

Summary. The article examines the territorial balances of production and consumption of raw materials, gives a forecast of the development and placement of wood processing industries of the timber industry, the balances indicate data on the volume of production of logging products, export and import of timber in a round form, the volume of interregional transportation, presents the use of wood in the timber industry in the context of the production of the main types of products of mechanical processing and deep chemical-mechanical.

Keywords: forest complex, territorial location, production and consumption balances, efficiency of placement of enterprises, sawmilling products, estimated cutting area, wood raw materials.

Назаренко Ирина Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана»
nasarenko37@mail.ru

Тихомиров Евгений Александрович

Кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана»
tikhomirov@mgul.ac.ru

Аннотация. В статье рассматриваются территориальные балансы производства и потребления сырьевых ресурсов, дан прогноз развития и размещения деревоперерабатывающих производств лесопромышленного комплекса, в балансах указаны данные об объемах производства продукции лесозаготовок, экспорте и импорте леса в круглом виде, объемах межрегиональных перевозок, представлено использование древесины в лесопромышленном комплексе в разрезе производства основных видов продукции механической обработки и глубокой химико-механической переработки древесины.

Ключевые слова: лесной комплекс, территориальное размещение, балансы производства и потребления, эффективность размещения предприятий, продукция лесопиления, расчетная лесосека, древесное сырье.

К 2030 году объем лесозаготовок на территории Российской Федерации прогнозируется увеличить по сравнению с уровнем 2013 года на 73,1 %. Объем потребления и переработки древесного сырья предприятиями лесопромышленного комплекса, с учетом использования отходов, увеличится почти в 2,3 раза, а в иных сферах экономики — на 11,3 %. Объем экспорта древесины в круглом виде прогнозируется увеличить на 35,8 %, но удельный вес экспорта, в общем объеме заготавливаемой древесины, снизить с 9,8 % в 2013 году до 9,3 % в 2022 году, а в 2030 году — до 7,7 %. В целом в экономике Российской Федерации в 2022 году объем использования древесного сырья с учетом полезного использования отходов увеличится на 18,0 %, а в 2030 году — на 75,0 %.

В рассматриваемый период приоритетное развитие отраслей лесопромышленного комплекса будет иметь место в районах Сибири и Дальнего Востока.

Центральный, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный округа в период до 2030 года бу-

дут донорами древесного сырья для Северо-Западного, Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, но объем межрегиональных перевозок леса в круглом виде сократится в 2030 годом по сравнению с 2022 годом почти в 2 раза.

В связи с этим, необходимо разработать и проанализировать территориальные балансы производства и потребления древесного сырья с учетом размещения лесопромышленных предприятий по субъектам Российской Федерации.

Прогноз развития производства продукции деревообрабатывающих и деревоперерабатывающих производств обоснован результатами анализа внутреннего и внешнего рынков сбыта, предложенными территориальными органами управления по реконструкции и расширению производственных мощностей действующих предприятий, строительству новых.

Территориальные балансы производства и потребления сырьевых ресурсов разработаны на основании

прогноза развития и размещения деревоперерабатывающих производств лесопромышленного комплекса, территориального размещения лесосырьевых ресурсов и разрешенных объемов лесопользования с целью заготовки древесины.

В балансах представлены данные об объемах производства продукции лесозаготовок, экспорте и импорте леса в круглом виде, объемах межрегиональных перевозок, использования древесины в лесопромышленном комплексе в разрезе производства основных видов продукции механической обработки и глубокой химико-механической переработки древесины, использовании леса в круглом виде в других сферах экономики Российской Федерации.

В разработке территориальных балансов использованы сложившиеся в отраслях лесопромышленного комплекса нормы расхода сырья, нормы и нормативы образования древесных отходов, используемых как дополнительные ресурсы в производстве продукции и на топливно-энергетические нужды. Дополнительные ресурсы включают использование древесных отходов на производство технологической щепы для целлюлозно-бумажных и плитных производств, а также объем использования древесной биомассы из отходов на производство биотоплива и тепловой энергии.

Лесоперерабатывающие производства до 2022 года, в основном, были сосредоточены в Европейской части Российской Федерации, на долю которой в 2019 г. приходилось 49,7 % производства пиломатериалов, 82,6 % производства фанеры, 88,3% производства древесностружечных и 77,2 % древесноволокнистых плит, 75,5 % производства целлюлозы, 97,0 % производства бумаги и 90,6 % картона. При этом на долю Северо-Западного федерального округа приходилось 28,5 % пиломатериалов, 62,9 % целлюлозы, 56,3 % бумаги и 61,0 % картона.

В настоящее время в лесопромышленном комплексе Российской Федерации ожидается поступательное наращивание объемов производства. Объем производства продукции лесопиления увеличится по сравнению с уровнем 2019 года на 47,4 %, фанеры — на 57,4 %, целлюлозы (по варке) — на 12,1 %.

В 2022–2030 годы лесопромышленный комплекс будет развиваться ускоренными темпами за счет увеличения спроса на лесобумажную продукцию как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Внутреннее потребление пиломатериалов прогнозируется увеличить по сравнению с уровнем 2022 г. в 3,2 раза, фанеры клееной — в 1,9 раза, древесностружечных и древесноволокнистых плит соответственно — в 2,0 и 1,8 раза, бумаги и картона — на 20 %. Внутреннее потребление леса в круглом виде увеличится с 212,9 млн м³ до 307,7 млн м³ или на 44,5 %.

Увеличение объемов производства продукции лесопиления прогнозируется на 88,0 %, в том числе на территории Европейско-Уральской части Российской Федерации с 15,3 млн м³ до 22,4 млн м³ или на 46,0 %, в районах Сибири и Дальнего Востока — с 15,5 млн м³ до 35,5 млн м³ или в 2,3 раза. Технологические процессы производства продукции лесопиления будут предусматривать, по требованиям потребителей, специальные пропитки лесоматериалов антипиренами для предохранения строительных конструкций от возгорания и ароматизированными составами для использования в объектах домостроения.

Производство клееной фанеры увеличится в 1,8 раза. В Европейско-Уральской зоне, где сосредоточены преобладающие запасы лиственных пород производство увеличится с 4,4 млн м³ до 7,7 млн м³ или на 76,6 %. В районах Сибири и Дальнего Востока объемы производства увеличатся с 0,9 млн м³ до 2,5 млн м³ или более чем в 2,9 раза. Здесь в объемах производства будет преобладать клееная фанера хвойных пород.

В 2022–2030 годах производство продукции целлюлозно-бумажных производств, вследствие насыщения мирового и внутреннего рынка прогнозируется увеличивать более низкими темпами. Производство целлюлозы (по варке) — на 18 %, а бумаги и картона — на 32 %. Производство целлюлозы в Европейско-Уральской зоне увеличится на 17,0 %, в районах Сибири — на 19,8 %. В Дальневосточном регионе в рассматриваемый период не прогнозируется развитие данного вида продукции. Здесь прогнозируется создание производств по переработке целлюлозы и древесной массы в продукты конечного потребления с более высокой добавленной стоимостью.

Производство древесностружечных и древесноволокнистых плит прогнозируется увеличить соответственно в 2,2 и 1,9 раза. Основные объемы производства древесностружечных плит будут наращиваться в Европейско-Уральской зоне — с 8,4 до 18,4 млн условных м³ или в 2,2 раза, в районах Сибири и Дальнего Востока — с 1,5 до 3,0 условных м³ или в 2,0 раза. Объемы производства древесноволокнистых плит прогнозируется увеличить в Европейско-Уральской зоне — с 470 до 717 млн условных м² или в 1,5 раза, в районах Сибири и Дальнего Востока — с 114 до 380 условных м² или более чем в 3,3 раза.

В сфере лесопиления объем получаемой для использования древесной биомассы из отходов включает 50 % отходов и внебалансовый в системе учета пиловочного сырья объем коры. В производстве фанеры, древесностружечных, древесноволокнистых плит, целлюлозы и древесной массы — 100 % отходов и внебалансовый объем коры.

В результате увеличения спроса на продукцию лесозаготовок прогнозируется значительно увеличить использование разрешенного отпуска леса в рубку — расчетной лесосеки. Использование расчетной лесосеки в 2013, 2022 и 2030 годах представлено в таблице 1.

В целом по Российской Федерации уровень использования разрешенного отпуска леса (расчетной лесосеки) повысится с 27,7 % в 2013 году до 33,8 % в 2022 году и до 48,0 % в 2030 году, в том числе в Центральном федеральном округе соответственно с 48,3 % до 56,4 % и 69,9 %, в Северо-Западном — с 41,5 % до 48,8 % и до 71,0 % в Сибирском — с 21,4 до 26,0% и до 42,8 % в Дальневосточном — с 15,2 % до 19,7 % и до 24,8 %.

Использование древесного сырья с учетом отходов повысится по сравнению с уровнем 2013 года в 2022 году на 18,0%, а к 2030 году — на 75,0%. Использование древесного сырья с учетом отходов представлено в таблице 2.

Более чем в 2 раза увеличатся объемы использования древесного сырья с учетом отходов в районах Сибири и Дальнего Востока, в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Уральском федеральных округах более чем в 1,7 раза. В южном и Северо-Кавказском федеральных округах прогнозируется снижение темпов использования древесного сырья за счет снижения объемов потребления дровяной древесины населением.

Таблица 1.

Использование расчетной лесосеки в 2013, 2022 и 2030 годах

Федеральный округ	Расчетная лесосека млн м ³	Рубка леса, млн м ³			Использование расчетной лесосеки, %		
		2013	2022	2030	2013	2022	2030
		факт.		прогноз			
Российская федерация — всего	695,2	192,7	234,9	333,5	27,7	33,8	48,0
в том числе:							
Центральный	47,2	22,8	26,7	33,0	48,3	56,4	69,9
Северо-Западный	122,7	50,9	59,9	87,1	41,5	48,8	71,0
Южный	2,3	0,8	0,8	0,9	36,1	32,7	39,1
Северо-Кавказский	1,1	0,2	0,2	0,4	18,2	16,3	36,4
Приволжский	72,4	32,0	39,0	46,7	44,1	53,8	64,5
Уральский	92,5	15,3	21,3	29,2	16,6	23,0	31,6
Сибирский	265,2	56,8	69,0	113,4	21,4	26,0	42,8
Дальневосточный	91,7	13,9	18,1	22,7	15,2	19,7	24,8

Таблица 2.

Использование древесного сырья с учетом отходов

Федеральный округ	Годы			2022 в % к 2013	2030 в % к 2013	2030 в % к 2022
	2013	2022	2030			
	факт		прогноз			
Российская федерация — всего	217,7	256,9	380,9	118,0	175,0	148,3
в том числе:						
Центральный	21,7	26,7	38,6	123,0	177,9	144,6
Северо-Западный	65,9	76,4	103,4	115,9	156,9	135,3
Южный	7,2	8,0	6,3	111,1	87,5	78,8
Северо-Кавказский	4,9	5,2	3,8	106,1	77,6	73,1
Приволжский	30,5	37,6	54,1	123,3	177,4	143,9
Уральский	17,4	22,8	30,0	131,0	172,4	131,6
Сибирский	46,1	62,3	122,1	135,1	264,9	196,0
Дальневосточный	10,6	16,8	22,6	158,5	213,2	134,5

Объем производства продукции лесозаготовок на территории Российской Федерации достигнет в 2030 году 333,5 млн м³, что на 42,0 % выше уровня который прогнозируется достигнуть в 2022 году. Объем потребления и переработки древесного сырья предприятия лесопромышленного комплекса с учетом использования отходов в 2030 г по сравнению с уровнем 2013 г. увеличится почти в 2,3 раза, а в иных сферах экономики — на 11,3 %. Объем экспорта древесины в круглом виде прогнозируется увеличить на 35,8 %, но удельный вес экспорта в общем объеме заготавливаемой древесины снизить с 9,8 % в 2013 году до 7,7 % в 2030 году. В целом в экономике Российской Федерации в 2030 году по сравнению с 2013 годом объем использования древесного сырья, с учетом полезного использования отходов, увеличится на 75,0 %.

В рассматриваемый период приоритетное развитие отраслей лесопромышленного комплекса будет иметь место в районах Сибири и Дальнего востока.

Центральный, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный округа в период с 2022–2030 гг. будут осуществлять поставки древесного сырья в Северо-Западный, Южный и Северо-Кавказский федеральных

округа, но объем межрегиональных перевозок леса в круглом виде сократится в 2030 году по сравнению с 2022 годом почти в 2 раза.

Наша страна обладает уникальными запасами лесных ресурсов. Необходимость эффективного использования ресурсов основана на принципах неистощительного использования, воспроизводства, защиты и охраны лесных насаждений.

Таким образом, анализ территориальных балансов производства и потребления древесного сырья с учетом перспективного размещения лесопромышленных предприятий позволяет сделать вывод, что к 2030 году объем поставок леса в круглом виде в другие сферы экономики Российской Федерации прогнозируется увеличить по сравнению с 2022 годом только на 1,5 % за счет развития внутреннего рынка и потребления в этих сферах.

Прогнозируется увеличить объем потребления обработанной в лесопромышленном комплексе древесины, в том числе и с более высокой добавленной стоимостью — пиломатериалов и брусьев для деревянного домостроения, пропитанных антипиренами и ароматизированными веществами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 №488-ФЗ
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76496
3. Кожемяко Н.П. Методический подход к обоснованию производственных мощностей лесопромышленного комплекса России // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2018. №9 (56). С.96–99.
4. Лесная отрасль. Современное состояние // Инвестиционный портал регионов России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.investinregions.ru/industry/lesnaya-otrasl/current>.
5. Никонец О.Е., Кожемяко Н.П., Дузкрятченко С.Н. Организационно-экономический механизмы пространственного размещения предприятий лесного сектора России // Управленческий учет. 2021. №9. С. 187–201
6. Федеральное агентство лесного хозяйства РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Rosleshoz.gov.ru/>

© Назаренко Ирина Николаевна (nasarenko37@mail.ru); Тихомиров Евгений Александрович (tikhomirov@mgul.ac.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПЛАЕНС-КОНТРОЛЬ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

COMPLIANCE CONTROL IN THE BANKING SECTOR

I. Kholodkov
V. Pryadkin

Summary. The relevance of this paper is due to the fact that in 2023 Rosfinmonitoring found a number of violations in the activities of banking organisations concerning the compliance control system. The purpose of this study: to analyse compliance control in the banking sector. This goal will mediate the implementation of the following tasks: to disclose the content of the concepts of «compliance control» and «internal control»; to identify the main Russian and international legal acts regulating this area; to list the principles of compliance control of banking organisations as defined in the requirements of the Basel Committee; to analyse whether the compliance control of Sberbank PJSC meets the requirements of the Basel Committee. The material basis of the study was the work of M.M. Panarina. In addition, the following documents were analysed: «The 2013 COSO Framework & SOX Compliance»; «Basel Committee on Banking Supervision. Compliance and the compliance function in banks. April 2005». The following Russian laws and regulations were also analysed: Decree of the Central Bank of the Russian Federation dated 7 July 1999 No. 603-U (which became invalid on the basis of Decree of the Central Bank of the Russian Federation dated 16 December 2003 No. 1354-U); Regulation of the Bank of Russia dated 16 December 2003 No. 242-P «On Organisation of Internal Control in Credit Institutions and Banking Groups». As a result, it was concluded that compliance control in the banking sector of the Russian Federation is carried out in accordance with the requirements of the Basel Committee. However, there is a situation where Rosfinmonitoring continues to identify violations in the area of compliance control. In this regard, we propose the creation of an independent compliance service, which would not report to the bank's management, but to a truly independent service or organisation, such as the Central Bank of Russia.

Keywords: compliance-control, internal control, banking organisations, credit organisations, risks, services.

Сегодня вопрос внутреннего (комплаенс) контроля в кредитных организациях представляет особую актуальность, поскольку с каждым годом он все больше доказывает свою эффективность при достижении коммерческих целей указанных организаций. Так, в 2022 году Федеральная служба по финансовому мониторингу Российской Федерации осуществила ряд запланированных мероприятий, цель которых — выявить нарушения в деятельности банков [1]. При условии, что 85 % проверок являлись камеральными, надзирающий орган выявил нарушения в деятельности всех проверяемых организаций (сто процентов), большая часть из которых касалась противодействия отмыванию денежных

Аннотация. Актуальность настоящей работы обусловлена тем фактом, что в 2023 году Росфинмониторинг обнаружил ряд нарушений в деятельности банковских организаций, касающихся системы комплаенс-контроля. Цель настоящего исследования: проанализировать комплаенс-контроль в банковской сфере. Указанная цель опосредует реализацию следующих задач: раскрыть содержание понятия «комплаенс-контроль» и «внутренний контроль»; обозначить основные российские и международные нормативно-правовые акты, регулирующие указанную сферу; перечислить принципы комплаенс-контроля банковских организаций, обозначенные в требованиях Базельского комитета; проанализировать, соответствует ли комплаенс-контроль ПАО «Сбербанка» требованиям Базельского комитета. Материальную основу исследования составила работа М.М. Панариной. Кроме того, были проанализированы следующие документы: «The 2013 COSO Framework & SOX Compliance»; «Basel Committee on Banking Supervision. Compliance and the compliance function in banks. April 2005». Также был проведен анализ следующих НПА РФ: Указание ЦБ РФ от 7 июля 1999 г. № 603-У (утратил силу на основании Указания ЦБ РФ от 16 декабря 2003 г. № 1354-У); Положение Банка России от 16 декабря 2003 г. № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах». В результате сделан вывод о том, что комплаенс-контроль в банковской сфере Российской Федерации осуществляется в соответствии с требованиями Базельского комитета. Однако при этом имеет место ситуация, при которой Росфинмониторинг продолжает выявлять нарушения в сфере комплаенс-контроля. В связи с этим нами предложено создание независимой комплаенс-службы, которая будет подчиняться не руководству банка, а действительно независимой службе или организации, например, Центральному Банку России.

Ключевые слова: комплаенс-контроль, внутренний контроль, банковские организации, кредитные организации, риски, услуги.

средств и финансированию террористических организаций (далее — ПОД/ФТ). В результате было возбуждено множество дел об административных правонарушениях и ряд уголовных дел. Проблема заключалась в том, что банки несвоевременно разъясняли своим клиентам с те изменения, что были внесены в нормативно-правовые акты, касающиеся ПОД/ФТ, в результате чего:

- банковские организации не выполнили отдельные требования, касающиеся идентификации своей клиентской базы;
- внутренние проверки по блокированию финансовых средств (в случае обнаружения подозритель-

ных действий клиента) были проведены несвоевременно.

Полагаем, тот факт, что деятельность всех проведенных кредитных организаций в 2022 году продемонстрировала наличие нарушений требований законодательства, свидетельствует об актуальности настоящей работы, цель которой — проанализировать, каким образом осуществляется комплаенс-контроль в банковской сфере.

В первую очередь, представляется необходимым проанализировать содержание понятия «комплаенс-контроль». Так, М.М. Панарина в рамках своего учебного пособия указывает, что «комплаенс» подразумевает наличие трех определений [6, с. 13]:

- это система, приводящая деятельность отдельно взятой организации в соответствие с действующими нормативно-правовыми актами;
- способ, с помощью которого компания нивелирует конфликтные ситуации и обеспечивает соблюдение основных прав гражданина;
- внутренняя корпоративная культура организации.

Автор утверждает, что фармацевтика — это сфера, где впервые появляется понятие «комплаенс», однако изначально оно обозначалось в качестве «комплаентности», под которой понималась ситуация, при которой пациент получает эффективное и своевременное лечение [6, с. 14]. При этом под «удобством» подразумевалось то, насколько пациент соблюдает врачебные предписания.

Термин «комплаенс-контроль» раскрывается в положениях Указания Центрального Банка России от 7 июля 1999 года № 603-У, согласно которым комплаенс-контроль представляет собой деятельность самой банковской организации по выявлению несоответствий, возникающих между ее деятельностью и требованиями нормативно-правовых актов РФ и настоящего Указания [3]. Однако 16 декабря 2003 года ЦБ РФ своим Указанием № 1354-У признал Указание от 1999 года утратившим силу, в связи с чем актуальным НПА, регулирующим указанную сферу, является Положение Банка РФ от 16 декабря 2003 года № 242-П [2], [1]. При этом в Положении отсутствует термин «комплаенс-контроль», вместо него используется термин «внутренний контроль», имеющий схожее значение.

Следует отметить тот факт, что банковские организации РФ при формировании системы комплаенс-контроля опираются на международные нормативные акты и стандарты, к которым следует отнести Концепцию COSO от 2013 года (включает в себя семнадцать принципов), а также требования Базельского комитета: «Комплаенс и комплаенс-функция в банках» от 2005 года (со-

держит десять принципов); «Принципы корпоративного управления для банков» от 2015 года (девятый принцип которого касается формирования системы комплаенс-контроля). Акцентируем на них более подробное внимание.

Концепция COSO 2013 года включает в себя пять следующих разделов: контролирующая среда (соответствие добросовестности и принципам этики; осуществление надзорных функций; наличие структуры, соответствующих полномочий и ответственности за несоблюдение международных требований; компетентность; ведение отчетности); оценка комплаенс-рисков (определение целей; выявление и анализ риска; борьба с мошенничеством; выявление и анализ областей, требующих внесения изменений); контрольные мероприятия (выбор и их разработка; выбор и разработка инструментов, позволяющих осуществить контроль; реализация политики организации и процедур, которые ей соответствуют; предоставление информации клиентам и коммуникация с ними (использование релевантной информации; осуществление внутреннего взаимодействия между банковскими подразделениями; внешняя коммуникация); мониторинг (оценка собственной деятельности; оценка недостатков и сообщение о них в вышестоящие инстанции) [11, р. 5].

Согласно требованиям Базельского комитета, банковские организации должны соответствовать следующим принципам [10]:

- совет директоров банка несет ответственность за управление комплаенс-риском банка, утверждает политику организации в указанной сфере (с помощью внутренней документации), не менее одного раза в год оценивает эффективность управления комплаенс-рисками;
- руководство организации разрабатывает решения, позволяющие реализовать политику комплаенс-контроля, и информирует клиентов об эффективности указанных мер;
- руководство организации создает независимую комплаенс-службу;
- комплаенс-служба реализует свою деятельность независимо от руководства и иных банковских сотрудников;
- комплаенс-служба должна обладать необходимыми для достижения поставленных целей ресурсами;
- комплаенс-служба оказывает помощь руководству организации по управлению возникающими комплаенс-рисками;
- деятельность указанной службы подлежит контролю со стороны внутреннего аудита;
- банки должны соблюдать действующие законы и нормативные акты во всех юрисдикциях, касающихся их деятельности.

Несмотря на то, что Центральный Банк России на протяжении десяти лет внедряет указанные принципы в деятельность кредитных организаций и требует их соблюдения, часть руководителей банков не согласны с этой политикой [4]. Так, например, А.Л. Костин, председатель правления Банка ВТБ, убежден, что внедрение указанных принципов является неактуальным по следующим причинам. Во-первых, международные рейтинговые агентства, среди которых следует отметить «Fitch» и «S&P», на сегодняшний день отказываются работать с организациями из России. Во-вторых, российские подразделения зарубежных компаний, реализующих аудит деятельности банков, также отказываются от сотрудничества с РФ. Однако Э.С. Набиуллина, председатель Центрального Банка России, не согласна с указанной точкой зрения, так как отказ от Базельских принципов может привести к накоплению дополнительных рисков внутри финансовой системы наряду с еще большей самоизоляцией страны.

Далее, представляется необходимым проанализировать, насколько банковские организации России соблюдают принципы комплаенс-контроля, обозначенные в Базельских требованиях. Так, наиболее крупными банками РФ в 2023 году являются следующие (см. диаграмму 1).

Из представленных данных следует, что чистые активы ПАО «Сбербанк» составляют порядка пяти с половиной триллионов рублей, что превосходит совокупные активы других банков, включенных в данную выборку. В связи с этим полагаем необходимым проанализировать организацию комплаенс-контроля в ПАО «Сбербанк» как лидера российской банковской системы.

Так, основные функции внутреннего контроля в организации выглядят следующим образом (см. рисунок 1).

Согласно первым двум принципам Базельских требований, совет директоров банка разрабатывает решения, реализующие политику комплаенс-контроля. Из организационной структуры Сбербанка следует, что коллегиальными органами организации являются Наблюдательный Совет Банка (не менее одного раза в год занимается рассмотрением отчета, составляемого комплаенс-службой) и Правление Банка (именно эта структура несет ответственность при условии, что деятельность организации ведется с нарушениями законодательства). Кроме того, Правление одобряет отчет комплаенс-службы; внутренние нормативные документы организации находятся на контроле именно у этого подразделения, следовательно, между двумя этими органами разделены обязанности и функции, которые, согласно Базельским принципам, должны принадлежать совету директоров банка.

Независимая комплаенс-служба банковской организации руководствуется внутренними регламентами и положениями. Из положений «Системы комплаенс в Сбербанке» следует, что комплаенс-служба реализует следующие функции:

- идентифицирует и оценивает комплаенс-риски;
- разрабатывает методологию (на основе «Политики управления комплаенс-риском» и «Политики по управлению конфликтом интересов [7]), реализует комплаенс-процедуры;
- разрабатывает новые или изменяет те продукты и услуги, что уже активно используются;
- обучает сотрудников и дает разъяснения по вопросам, сопряженным с комплаенс-контролем;
- формирует отчетность;
- взаимодействует с надзорными органами, саморегулируемыми организациями и организаторами торговли;
- контролирует, насколько качественно ПАО «Сбербанк» предоставляет своим клиентам комплаенс-процедуры.

Кроме того, следует акцентировать внимание на следующем факте. Деятельность комплаенс-службы ПАО «Сбербанк» контролируется Управлением внутреннего аудита, что также соответствует Базельским требованиям.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, комплаенс-контроль представляет собой деятельность самой банковской организации по выявлению несоответствий, возникающих между ее деятельностью и требованиями нормативно-правовых актов РФ. Кроме того, ЦБ РФ требует от всех банковских и кредитных организаций соблюдение принципов Базельского комитета, к которым следует отнести следующие: разделение функции комплаенс-контроля между различными подразделениями; формирование комплаенс-системы советом директоров организации; наличие не зависящей от иных подразделений банка комплаенс-службы; проведение внутреннего аудита за деятельностью комплаенс-службы. В рамках настоящей работы нами были проанализированы НПА и ВНД ПАО «Сбербанк», так как, согласно рейтингу банковских организаций 2023 года, именно этот банк играет наибольшее значение в банковском секторе РФ, что подтверждается количеством чистых активов. В результате сделан вывод о том, что комплаенс-контроль ПАО «Сбербанк» в полной мере соответствует требованиям Базельского комитета. Однако данные Росфинмониторинга свидетельствуют о том, что в 2022 году наблюдалось большое количество нарушений, связанных с уведомлением банками своих клиентов об изменениях, касающихся комплаенс-контроля. В связи с этим следует сделать следующий вывод: соблюдение требований Базельского комитета не является абсолютной гарантией того, что комплаенс-контроль в банках РФ будет проводиться надлежащим образом. Как уже было

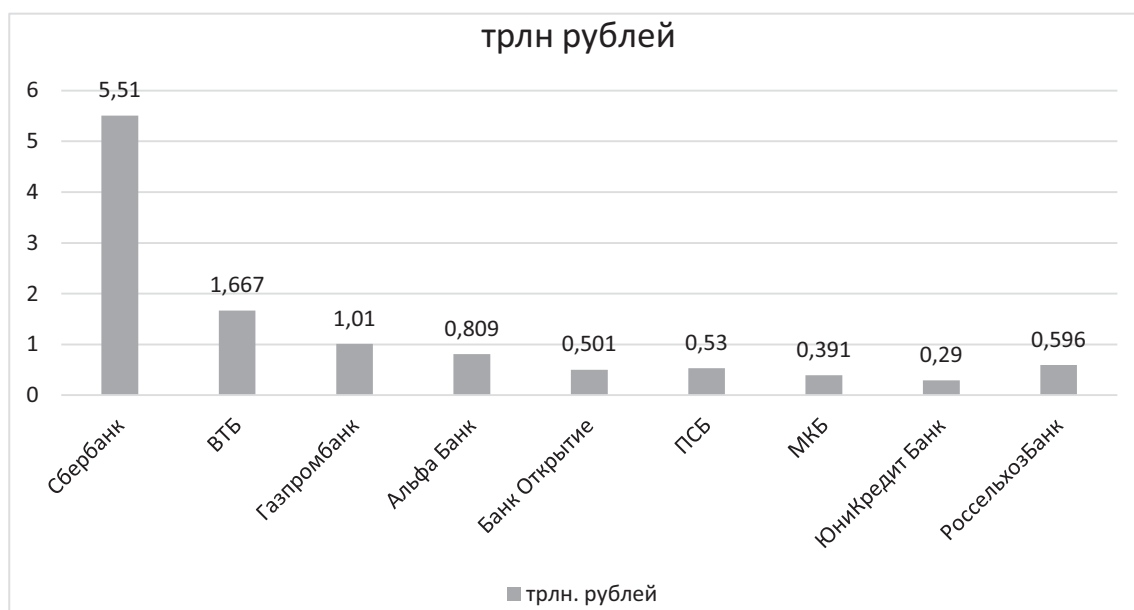

Диаграмма 1. Чистые активы банковских организаций РФ, 2023 год.
Составлено автором самостоятельно на основании [5]

Рис. 1. Основные комплаенс-функции в ПАО «Сбербанк» [9]

отмечено ранее, комплаенс-служба должна создаваться самой банковской организацией, что, полагаем, является причиной недостаточного контроля. Тот факт, что сотрудниками комплаенс-службы являются сотрудниками самого банка, в отношении которой проводится про-

верка, позволяет предложить следующее: комплаенс-служба должна создаваться не внутри банковской организации, а быть независимой структурой, проводящей надзорные мероприятия. Несмотря на то, что часть этой функции возложена на Росфинмониторинг, полагаем,

что деятельность указанной службы не предупреждает совершение правонарушений в сфере комплаенс-контроля, а лишь фиксирует уже произошедшие нарушения, в связи с чем полагаем, что создание комплаенс-службы,

например, Центральным Банком РФ, может позволить наиболее эффективно и оперативно предупреждать нарушения в сфере комплаенс-контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Положение Банка России от 16 декабря 2003 г. № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // Доступ: <https://base.garant.ru/584330/> (дата обращения: 02.10.2023).
2. Центральный Банк Российской Федерации. Указание от 16 декабря 2003 г. № 1354-У «Об упорядочении актов Банка России». [Электронный ресурс] // Доступ: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=190540> (дата обращения: 02.10.2023).
3. Центральный Банк Российской Федерации. Указание от 7 июля 1999 г. № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях». [Электронный ресурс] // Доступ: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=33226> (дата обращения: 02.10.2023).
4. Банкиры призвали задуматься об отказе от требований «Базеля». [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/05/26/923857-bankiri-trebovanii-bazelya> (дата обращения: 02.10.2023).
5. Информация о кредитных организациях (по состоянию на 19.10.2023). [Электронный ресурс] // Доступ: https://cbr.ru/banking_sector/credit/ (дата обращения: 20.10.2023).
6. Панарина М.М. Корпоративная безопасность: система управления рисками и комплаенс в компании: учебное пособие для вузов / М. М. Панарина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт. — 2023. — 155 с.
7. Политика ПАО «Сбербанк» по управлению конфликтом интересов. [Электронный ресурс] // Доступ: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/pki-29092015.pdf (дата обращения: 02.10.2023).
8. Росфинмониторинг. Обзор результатов обобщения и анализа правоприменительной практики контрольной (надзорной) деятельности Федеральной службы по финансовому мониторингу за 2022 год. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.fedsfm.ru/results> (дата обращения: 02.10.2023).
9. Система комплаенс в Сбербанке. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://fs.moex.com/files/13982> (дата обращения: 02.10.2023).
10. Basel Committee on Banking Supervision. Compliance and the compliance function in banks. April 2005. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.bis.org/publ/bcbs113.pdf> (дата обращения: 02.10.2023).
11. The 2013 COSO Framework & SOX Compliance. [Электронный ресурс] // Доступ: https://www.coso.org/_files/ugd/3059fc_c98a93b420a34d28a4c79f57db0d2c93.pdf (дата обращения: 02.10.2023).

© Холодков Илья Николаевич (ikhodkov@gmail.com); Прядкин Владислав Александрович (v.pryadkin@bk.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОРАТОРИЙ НА БАНКРОТСТВО В ПЕРИОД ТУРБУЛЕНТНОСТИ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПЕРИОД САНКЦИЙ

Белова Ирина Евгеньевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Российский университет кооперации, г. Мытищи
advbelova@mail.ru

MORATORIUM ON BANKRUPTCY DURING TURBULENCE AS A FORM OF STATE REGULATION DURING SANCTIONS

I. Belova

Summary. In the article, the author considers such a form, an instrument of state regulation, as a moratorium on bankruptcy. Our country continues to move in difficult conditions, which began during the spread of the COVID-19 infection and continued during the period of turning point against the backdrop of economic sanctions against the financial system and industry of Russia. Against this background, the state has taken anti-crisis measures aimed at regulating the economic movement of society, to keep it on a controlled vector in order to minimize the consequences of the turning point. The economy is seriously affected, and the moratorium should essentially act as a rehabilitation component of bankruptcy.

The article reveals the basic concepts, provides an analysis of the main procedures, examines the effectiveness of such measures, and highlights the main problems.

Keywords: government regulation, moratorium on bankruptcy, government support for business, efficiency of procedures.

Аннотация. В статье автором рассматривается такая форма, инструмент государственного регулирования, как мораторий на банкротство. Наша страна продолжает свое движение в непростых условиях, которые начались в период распространения инфекции COVID-19 и продолжились в период переломного состояния на фон действия экономических санкций в отношении финансовой системы и промышленности России. На фоне этого государством предприняты антикризисные меры, направленные на регулирование экономического движения общества, для его удержания на контролируемом векторе, чтобы минимизировать последствия переломного момента. Экономика подвержена серьезному влиянию, а мораторий, по сути, должен выступить той реабилитационной компонентой банкротства.

В статье раскрыты основные понятия, дан анализ основных процедур, рассмотрена эффективность таких мер, выделяются основные проблемы.

Ключевые слова: государственное регулирование, мораторий на банкротство, государственная поддержка бизнеса, эффективность процедур.

Цикличность происходящих в мировом масштабе событий накладывает свой отпечаток на всю системность, которой фактически является Россия, как совокупная взаимосвязь множества структур и институтов. Возникшая внезапно пандемия, губительно повлиявшая не только на человечество, но и на множество государственных, общественных и предпринимательских структур, была далеко не единственным, хотя и достаточно мощным испытанием для отечественной экономики. Практика санкционного воздействия — достаточно сильная и далеко не новая мера воздействия, к которой прибегают различные недружественные нашей стране государства. Цель данного инструмента — экономическое воздействие с намерением лоббирования определенных политических интересов отдельных стран. Незыблемость суверенности и стратегический курс на укрепление государства — важные столпы, на которых выстраивается политика минимизации негативных санкционных воздействий.

Санкционное давление недружественных стран — это не только «катализатор», усугубляющий положение граждан и бизнеса, недавно испытывавших трудности локдауна. Это основание для развития инструментов

государственного регулирования. Одним из таких инструментов стал мораторий на возбуждение дел о несостоятельности (банкротстве), объявленный с 01 апреля 2022 года. Целевое назначение данной меры как раз состояло в поддержке граждан и бизнеса в сложившейся ситуации давления на Россию посредством санкций.

Важно отметить, что данный мораторий — уже не первая попытка нивелирования неблагоприятных последствий санкций. Срок данного моратория оканчивался 1 октября 2022 года.

Сама по себе, такая терминологическая конструкция, как «мораторий на банкротство», появилась еще в апреле 2020 года. Это явилось логичным следствием стремительного распространения коронавирусной инфекции как на территории России, так и всего мира в целом. Именно в тот период законодатель внес коррективы в Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Для этого был принят Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». [1,2].

Законодательные коррективы стали фундаментом для существования новой статьи 9.1 «Мораторий на возбуждение дел о банкротстве». Это в значительной степени масштабировало полномочия Правительства РФ, наделив его правом на введение моратория на определенные действия. В данном контексте речь идет непосредственно о возбуждении дел о несостоятельности в отношении должников на базе формирования необходимых групп ОКВЭД, а также отдельных категорий лиц. Данная мера нашла отклик в арбитражной практике, что может полноправно расцениваться как активная попытка обеспечить стабилизацию экономики.

Реабилитационная компонента, характеризующая мораторий, фактически демонстрирует его ключевую задачу. Это видится логичным, поскольку сам перевод понятия с латинского выглядит как «moratorium — замедляющий, задерживающий». Таким образом, мораторий, в сущности, позиционирует себя в роли отсрочки по долговым обязательствам на определенный временной отрезок, регламентированный на законодательном уровне. Само по себе, банкротство в восприятии законодателя является неспособностью должника по определенным причинам рассчитаться по своим обязательствам. Данная позиция достаточно четко зафиксирована в законе и подкреплена положениями статьи 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В роли инициатора процедуры банкротства могут выступать как кредиторы, так и сами должники. Важно также отметить, что государственный орган также может выступать в роли инициатора процедуры банкротства должника. В качестве наглядного примера можно назвать Федеральную Налоговую службу [1].

Если рассматривать мораторий в контексте его экономической природы, то можно проследить как реабилитационная процедура переформатировалась в полноценный правовой механизм регулирования экономики в кризисных условиях. Ключевое назначение названного правового механизма заключается в нормотворческой регламентации возможности отсрочки для предпринимателей, которым важно именно в данный момент поправить свое положение. Существует перечень обстоятельств, наличие которых актуализирует возможность использования регламентированной законодателем возможности не заявлять о банкротстве. В данном контексте речь идет о таких обстоятельствах как:

- финансовые трудности;
- невозможность одной стороны (должника) удовлетворить требования другой стороны (кредиторов) по обязательствам.

Важно также отметить, что возможность не заявлять о банкротстве оберегает должника от санкционных последствий со стороны государства и надзорных служб. Однако, несмотря на это в случае, если процедура бан-

кротства уже инициирована, то она не может быть прекращена или приостановлена. Таким образом, мораторий может быть полноправно охарактеризован как краткосрочная приостановка действия закона до того момента, пока основная проблема не будет решена.

Как уже ранее говорилось, первый мораторий появился еще в 2020 году. Он был регламентирован Постановлением Правительства РФ № 428 от 3 апреля 2020. Срок его действия продлился с 6 апреля до 6 октября 2020 года. Тем не менее, наличие непростых кризисных аспектов актуализировали перед Правительством РФ задачу о продлении действия моратория на банкротство, что было и сделано. Срок действия был увеличен еще на три месяца [3]. Важно также отметить, что действие данного моратория не распространялось на обычных граждан, затрагивая бизнес и индивидуальных предпринимателей.

Важно также отметить, что с целью обеспечения дополнительной защиты финансового положения предприятий и индивидуальных предпринимателей были введены некоторые меры, отраженные схематично на рисунке 1.

Как уже ранее говорилось, 2022 год был отмечен принятием нового Постановления Правительства РФ по исследуемому вопросу. Новый документ был неразрывно связан с временным запретом на возбуждение дел о несостоятельности в отношении юридических лиц и граждан, среди которых индивидуальные предприниматели. Отличительным аспектом был тот факт, что новая процедура моратория не предусматривала каких-либо глобальных законодательных трансформаций [5]. Достаточно неясным является тот факт, что в отличие от предыдущего моратория на банкротство необходимости в продлении действий временного запрета на новый срок не возникло.

Анализируя особенности предыдущего моратория, то можно отметить некоторые различия с новым мораторием. Детальнее данные различия отражены на рисунке 2.

В дополнение к рисунку отметим, что новый мораторий содержал некоторое исключение. Оно содержалось в Постановлении Правительства РФ № 497 от 28 марта 2022 года и относилось к застройщикам объектов недвижимости, которые содержались в едином реестре проблемных [3,5].

В качестве проблемных рассматриваются те застройщики, которые работали в сфере долевого строительства. Чтобы попасть в проблемную категорию застройщику, к примеру, достаточно пропустить изначально зафиксированный срок сдачи объектов. В данном кон-

Рис. 1. Меры дополнительной защиты финансового положения предприятий и индивидуальных предпринимателей

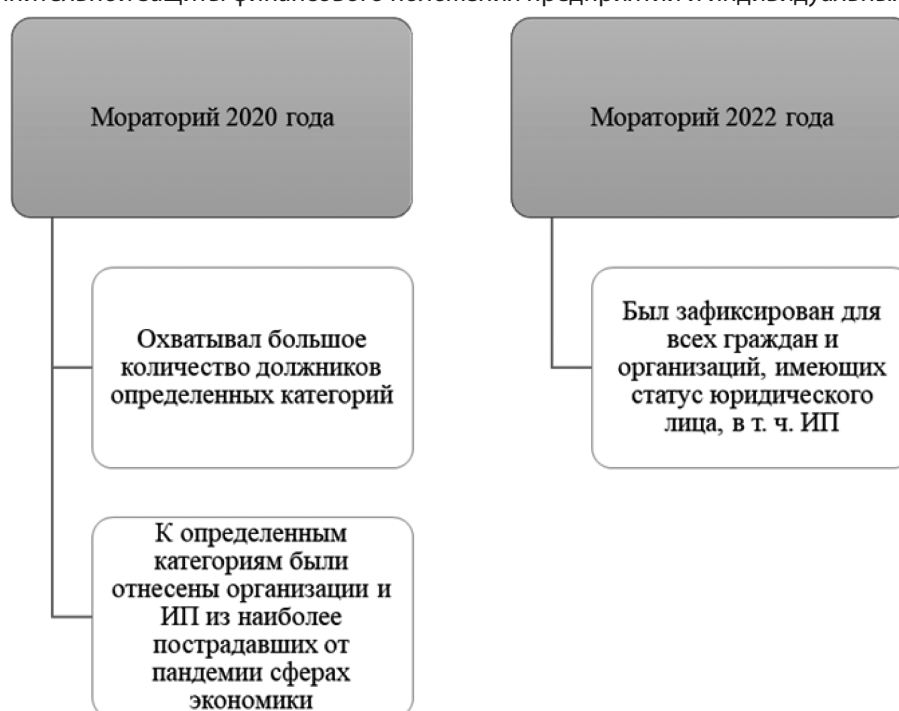

Рис. 2. Различия между старым и новым мораторием

тексте речь идет о просрочке, превышающей 6 месяцев. В такой ситуации кредиторы имели полное право подавать заявление об их банкротстве.

Важно также отметить, что мораторий, как таковой, не ограничил право Фонда развития территорий на подачу заявлений о банкротстве застройщика. Данный Фонд также наравне с кредиторами имел полное право подавать заявления о несостоятельности (банкротстве)[5].

Было бы ошибочным считать, что застройщики оказались категорией, для которой не было никаких мер поддержки. Законодатель Постановлением Правительства РФ № 479 от 26 марта 2022 года также предусмотрел для них меры поддержки. Детальнее данные меры представлены на рисунке 3.

В дополнение к рисунку отметим, что указанные на рисунке меры поддержки применимы и в отношении участников строительства. В таком случае, кредиторы этих застройщиков, в рамках законодательства, получили возможность подавать заявления об их банкротстве [4].

Акцентируем внимание на том, что введенный законодателем мораторий в обозначенный временной период выступал в качестве ограничителя в вопросах подачи иска в суд о введении процедуры банкротства только для кредиторов. Вместе с тем, важно отметить, что должник не лишился права на подачу в суд заявления о собственном банкротстве. Здесь важно отметить, что в случае подачи должником заявления в суд о собственном банкротстве в период действия моратория, он получал возможность выплаты задолженности с судебной рас-

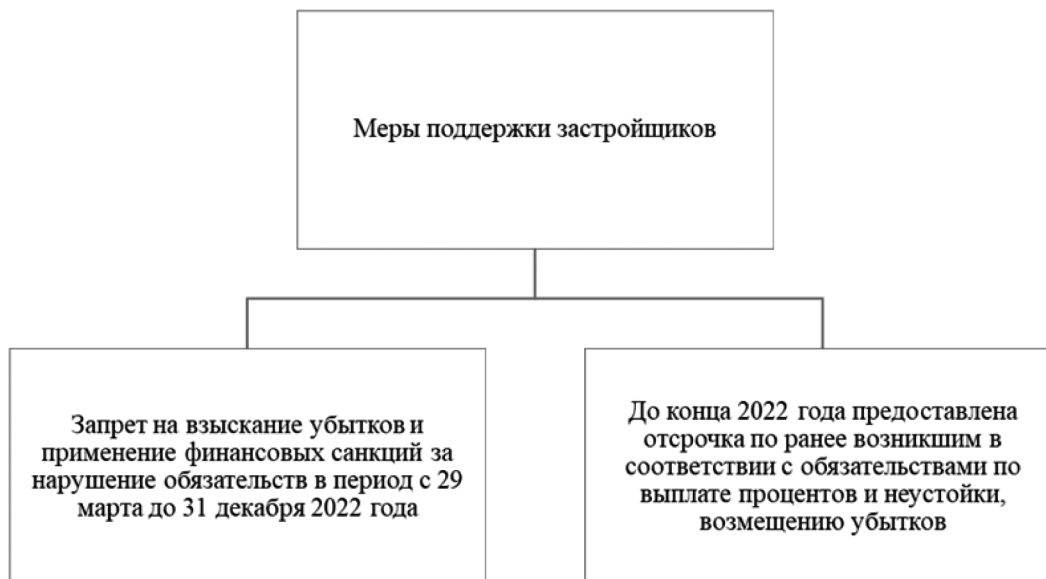

Рис. 3. Меры поддержки застройщиков

срочкой, но в срок не более трех лет. Согласия кредиторов, при этом, не требовалось.

Что касается освобождения должника от финансовых санкций, то данная мера осуществлялась в соответствии с теми требованиями, которые еще до внедрения в отечественную практику моратория были предъявлены. Неустойка подлежала взысканию в том случае, если возникновение денежного обязательства произошло после введения моратория. Проще говоря, финансовые санкции не взыскивались за весь период действия моратория (т.е. до 1 октября 2022 года) в том случае, если обязательство возникло до 1 апреля 2022 года.

Мораторий на банкротство нельзя считать исключительно позитивным инструментарием ввиду того, что не смотря на его способность повлиять на улучшение финансового положения организаций, он способен негативно повлиять на самих кредиторов, ожидающих оплату за свой товар или услугу.

Если сравнивать мораторий на банкротство с лекарством, призванным исцелить экономику России от негативного влияния внешних факторов, то важно принимать во внимание тот факт, что у любого лекарства есть побочные эффекты, что наглядно демонстрируется ситуацией с кредиторами.

Таким образом, мораторий предусматривал ряд ограничений. Если возникала необходимость, то физические лица и организации могли избежать нежелательных ограничений. Это была достаточно несложная процедура. Необходимо было подать соответствующее заявление через ЕФРСБ России. Это было доступно на официальном сайте в специальном разделе «Срочная публикация заявления об отказе от применения мора-

тория на банкротство в Федресурсе» [6]. Важно также отметить, что все исполнительные производства после регистрации подобного отказа были повторно приведены в исполнение судебными приставами-исполнителями. Из этого следовало, что в отношении того или иного должника кредиторы вполне могли инициировать процедуру банкротства.

Резюмируя все сказанное выше, можно заключить, что санкционное давление на Россию не смотря на свое мощное воздействие не смогли дисквалифицировать отечественный бизнес. И в этом особая заслуга именно моратория, позволившего физическим и юридическим лицам отложить разрешение определенных проблем до более благоприятного времени.

Завершающим звеном в цепочке последовательных шагов в процедуре банкротства является ликвидация компании. Мораторием же была предоставлена возможность компаниям продолжить свою деятельность. Это предоставляет дополнительную возможность выбраться из кризисной ситуации, сохранив рабочие места и сам бизнес, что исключает саму актуальность процедуры банкротства для данного предприятия. В данном контексте мораторий можно воспринимать в качестве принципиально новой специфики отечественного законодательства.

Таким образом, именно с помощью внедренных государством экстраординарных мер, у населения и бизнеса появилась возможность избежать цепной реакции банкротств. Это дает возможность при грамотном и слаженном подходе не только сохранить рабочие места, но и сам бизнес в целом.

Важно отметить, что последние несколько лет можно охарактеризовать как время значительных транс-

формаций. Именно возникающие сложности выступают в роли инструмента, saniрующего бизнес-сообщество от слабых игроков. При этом, важно понимать, что именно государство способно сдерживать данную санацию до разумных пределов, чтобы в итоге получить действительное оздоровление и укрепление экономики, а не тотальный крах предпринимательства и всех сфер от него зависящих. Отсрочка, которой фактически является предоставленных законодателем мораторий, дает возможность не только поправить свое экономическое положение и, как следствие, стать способным отвечать

по своим обязательствам. Это прекрасная возможность переформатировать свои бизнес-процессы, внести коррективы в стратегические планы своего развития, сформировать новые коллаборации. Сложившаяся сегодня ситуация — прекрасная возможность стать сильнее. Она может быть достигнута только в слаженном партнерстве государства и всех заинтересованных сторон (общества и бизнеса). Мораторий — наглядная демонстрация нацеленности государства на поддержание и законодательное укрепление как экономики в целом, так и бизнеса, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, № 43, 28.10.2002.
2. Федеральный закон от 01 апреля 2020 года № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Российская газета, № 72, 03.04.2020.
3. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» [Электронный ресурс] // Портал Garant.ru // URL: <https://base.garant.ru/738424280/>.
4. Постановление Правительства РФ от 26 марта 2022 г. № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» [Электронный ресурс] // Портал Garant.ru // URL: <https://base.garant.ru/403780764/>.
5. Постановление Правительства РФ от 28 марта 2022 г. № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» [Электронный ресурс] // Портал Garant.ru // URL: <https://base.garant.ru/403806710/>.
6. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве / [Электронный ресурс] // Федресурс: [сайт]. — URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/?attempt=&attempt=1>.

© Белова Ирина Евгеньевна (advbelova@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИГРАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Воронов Алексей Михайлович

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник, НИЦ 4 ВНИИ МВД России
alex_voronoff@mail.ru

MIGRATION SECURITY: FROM THEORY TO PRACTICE

A. Voronov

Summary. The author notes that an ethnic component poses a significant threat to the security of modern Russia, which has now transformed from a security challenge into a more capacious concept — migration security. Migration security issues did not find their expression in regulatory legal acts, are not spelled out in the concept of migration policy, and therefore only the practice of countering this negative phenomenon is being formed.

To neutralize the criminogenic threat in modern Russia, according to the author, attention should be paid to migration security, which is one of the negative factors of social tension in modern Russia, at the same time, the indigenous population should unite under the auspices of a national idea, which should be the patriotic education of the younger generation, based on the principles of good and justice, love for the Motherland, satisfying the spiritual needs of the individual, developing the democratic foundations of Russian statehood.

Keywords: migration security, ethnic component, threats and challenges, social tension, national idea.

Аннотация. Автор отмечает, что существенную угрозу безопасности современной России представляет этническая составляющая, которая в настоящее время трансформировалась из вызова безопасности в более емкое понятие — миграционная безопасность. Вопросы миграционной безопасности не нашли своего выражения в нормативных правовых актах, не прописаны в концепции миграционной политики, в связи с чем только формируется практика противодействия данному негативному явлению.

Для нейтрализации криминогенной угрозы в современной России, по мнению автора, следует уделять более пристальное внимание миграционной безопасности, являющейся одним из негативных факторов социальной напряженности в современной России, при этом коренному населению следует объединиться под эгидой национальной идеи, которая должна заключаться в патриотическом воспитании подрастающего поколения, основанном на принципах добра и справедливости, любви к Родине, удовлетворении духовных потребностей личности, развитии демократических основ Российской государственности.

Ключевые слова: миграционная безопасность, этническая составляющая, угрозы и вызовы, социальная напряженность, национальная идея.

По мнению автора настоящих строк, существенную угрозу безопасности современной России представляет этническая составляющая, которая в настоящее время трансформировалась из вызова безопасности в более емкое понятие — миграционная безопасность. В настоящее время руководство страны в контексте этнической безопасности наибольшее внимание уделяет вопросам нежелательной, скрытой, неконтролируемой, нелегальной миграции, составляющих содержание миграционной безопасности.

Об актуальности данной проблематики свидетельствует проводимая 13 октября 2023 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ», на которой профессор А.А. Смоляков проблеме миграционной безопасности уделил особое внимание. В своем докладе «Миграционная безопасность — вид национальной безопасности (актуальные проблемы незаконной миграции)» отмечалась актуальность и значимость противодействия данной угрозе в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства в целом.

Бесспорно «миграционная безопасность в современной России представляет собой государственно-правовой институт, включающий комплекс механизмов и структур по обеспечению и защите основ легальной миграции, прав и свобод человека, устойчивого миграционного порядка. При этом неперенным условием обеспечения миграционной безопасности является основанная на международных стандартах государственная правовая политика страны, имеющая целевую, инструментальную и результативную составляющие» [1].

Однако, представляется понятие «миграционная безопасность» в современных условиях более емкое и охватывает своим содержанием прежде всего интересы личности, права и свободы именно граждан страны пребывания мигрантов — Российской Федерации.

На наш взгляд именно вопросы реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, обеспечения защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в первую очередь являются основой понятия миграционная безопасность.

В современной России обострились проблемы миграционной безопасности, в контексте обеспечения за-

щищенности граждан России от заполонивших ее мигрантов, которые зачастую живут по своим шариатским законам определяющих убеждения, а также формирующих религиозную совесть и нравственные ценности мусульман, игнорируя при этом Российское законодательство, традиции и обычаи Россиян, нормы этики и морали. Именно вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации должны быть приоритетными при разработке миграционной политики нашего государства.

Говоря о трактовке понятия «миграционная безопасность, представляется целесообразным отталкиваться от основополагающего термина «национальная безопасность, под которым в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. (далее — Стратегия) понимается «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданские мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны, при этом под национальными интересами понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии»[2].

Анализируя трактовку данного понятия, уместно обратить внимание, что в нем прописаны положения о состоянии защищенности, при этом без указания конкретных субъектов, а именно защищенности национальных интересов, под которым понимаются объективно значимые потребности личности общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Следует отметить, что ситуация в стране очень сложная, Россия находится в сложных санкционных ограничениях, вызванных противодействием США и их Европейских сателлитов проводимой Российской Федерацией специальной военной операцией с целью защиты мирного населения Донецкой и Луганской республик и денацификации и демилитаризации Украины.

В условиях этих экстремальных обстоятельств законодатель выразил особый взгляд государства на содержание понятие национальной безопасности поэтому неудивительно, что в действующей редакции Стратегии прописаны новые словосочетания, которые излагают новые основополагающие принципы в теории безопасности, такие как: гражданский мир и согласие стране; сбережение народа России; развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия и проч.

Также в ст.25 раздела III. Стратегии «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты» прописаны положения о том, что с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются:

- сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;
- поддержание гражданского мира и согласия в стране,
- укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;
- развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия и т.д.

Представляется целесообразным раскрыть сущность национальных интересов, так как в теории безопасности современной России они наделены собственным, специфическим содержанием, в контексте исследуемой нами проблематики, с учетом геополитических событий, происходящих в мировом социуме.

Здесь уместно отметить, что геополитическая ситуация в мире постоянно меняется и 2023 год не стал исключением. Первое полугодие нового года принесло с собой ряд вызовов, противостояний и глобальных перемен, влияющих на геополитическую обстановку.

Одной из главных тем, затрагивающих геополитику, является растущая конкуренция между великими державами. Главными игроками остаются США, Китай и Россия, каждая из которых стремится укрепить свою позицию и влияние в мире. Другой важной темой является ситуация на Ближнем Востоке т.к. она представляют значительную угрозу не только для этого региона, но и для мировой стабильности в целом.

При таком подходе прогнозы на первое полугодие 2023 года указывают на то, что геополитическая обстановка останется напряженной и неустойчивой. Ключевыми факторами, которые будут оказывать влияние на динамику в мире, являются геополитическая конкуренция между великими державами, ситуация на Ближнем Востоке и другие региональные конфликты [3]

Обращаясь к новациям ст. 25 раздела III. Стратегии, в которой прописаны положения о том, что с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются — *сбережение народа*

России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан.

Речь здесь идет о демографической ситуации в стране, а точнее тех демографических «ямах», которые имели место быть в современной России. Так 27.01.2023 г., на официальном сайте Кремля была размещена информация о поручениях В. Путина Правительству РФ, от данные по итогам совещания Совета по нацпроектам и стратегическому развитию 26.01.2023. В качестве национального интереса тема сбережения народа была главной в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 21.04.2021 года. Тогда В. Путин тогда четко обозначил: Сбережение народа России — высший национальный приоритет, который впервые был введен в практику правотворческой деятельности в сфере безопасности.

21 апреля 2021 г. Президент РФ Владимир Путин заявил о судьбоносной стратегии страны. Сбережение народа России — «наш высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции по обеспечению безопасности гражданского общества, защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении социальных гарантий, развитии экономики, образования и культуры»[4].

Представляется эта цель в полной мере актуальна именно сегодня. Справедливость данного умозаключения уместно аргументировать мнением экспертов, которые текущую ситуацию с демографией в стране характеризуют чрезвычайной, следствием которой явилась пандемия коронавируса COVID 19, а также совпали и наложились друг на друга последствия демографических кризисов 40-х и 90-х гг. прошлого века.

В связи с изложенным, превалирующим концептом Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве основных стратегических национальных приоритетов являются прежде всего вопросы сбережения народа России именно для того, чтобы русскоязычное коренное население было доминирующим в России, а страна к концу века не превратилась в мусульманское государство с доминирующим азиатским населением кардинально поменявшим культуру, обычаи, нормы поведения, религию. Ученые подсчитали, что уже через два поколения государствообразующий народ России превратится в национальное меньшинство. А к концу века славян в России практически не останется.

Далее, обращение к новациям ст.25 раздела III. Стратегии, в которой прописаны положения о том, что с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном также является — *поддержание гражданского мира и согласия в стране.*

На наш взгляд, данный постулат уместно аргументировать крылатой фразой Уинстона Черчилля, которая в современной России является архиактуальной: «Россию невозможно победить силой, но её можно уничтожить изнутри.» [5].

Во время своей 17-й ежегодной пресс-конференции 23 декабря 2021 г. президент В. Путин практически дословно подтвердил справедливость данного тезиса, немного перефразировав его — «Россию нельзя победить — ее можно только развалить изнутри». Далее он отмечал «К сожалению, и сегодня в нашей стране немало прозападных лоббистов, а политические элиты не оставляют попыток разрушить Россию. Создание «человекиков», миграционный бум, попытки влезть в семью, атаки на Русскую Православную Церковь... — всё это в конечном итоге работает для одной-единственной цели, о которой предупредил глава государства: развалить страну изнутри. Вот эти три особостораживающих плана уничтожения России» [6].

Здесь особо следует отметить именно миграционный бум, который имеет место быть в современной России и уже давно трансформировался из вызова в угрозу национальной безопасности. В связи с изложенным необходимо спланировать гражданское общество России под эгидой национальной идеи, которая должна дать нации цель, сплотить её и мобилизовать её активность, повысить уровень его «пассионарности», т.е. устремлении к единой идее и осуществлению её для всеобщего блага, желании и способности изменить мир в лучшую сторону.

Далее, новацией ст.25 раздела III. Стратегии национальной интересом на современном также, среди прочих, является — *развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества.*

Нами ранее была дана новая трактовку понятия «национальная безопасность», при этом под обеспечением национальной безопасности понимается реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности» [7].

Как нами отмечалось ранее в своих публикациях — «данный методологический посыл является определяющим в теории безопасности.

Впервые в документе такого уровня конкретно прописаны институты гражданского общества и организации, как думается, правоохранительной направленности, в качестве субъектов обеспечения национальной безопасности. Таким образом законодатель предпри-

нимает попытки статуирования негосударственной системы обеспечением национальной безопасности и ее субъектов. Именно в развитии негосударственной системы обеспечения безопасности видится тот резерв, которым располагает гражданское общество и который не в полной мере используется в обеспечении защищенности интересов личности, общества и государства в целом» [8].

Также в качестве новаций национальных интересов, прописанных в ст.25 раздела III. Стратегии, среди прочих, является — *защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия*.

Ни для кого не секрет что коллективный Запад во главе с США ведет против Российской Федерации гибридную войну как в политической, экономической, так и социальной сфере, насаждая при этом в головы простых обывателей свою идеологию и моральные ценности, находящиеся на грани, а точнее противоречащие, здравому смыслу. Данные деяния направлены на деградацию граждан и воспитание так называемых «служебных людей».

При таком подходе очень существенную угрозу суверенитету и территориальной целостности современной России представляет когнитивная угроза, суть которой заключается во «взломе личности» с помощью использования «уязвимостей человеческого мозга» [9].

Данная проблематика, по мнению автора, является архиактуальной, так как посягает на умы граждан именно для деградации их личности. В данном контексте следует обратиться к примеру Украины. В 2004 г. посредством США была предпринята попытка свержения законной власти на Украине, так называемая «оранжевая революция», для реализации которой были затрачены многомиллиардные. Однако данные помыслы США не были реализованы, в связи с тем, что гражданское общество не было готово к таким кардинальным переменам. Однако в последующие десять лет, вложив еще большие ресурсы в «демократизацию», по их мнению, а точнее в деморализацию украинского общества, сплотив из наиболее деградированных граждан определенные группы, так называемые «спящие боевые ячейки» представители США и Брюсселя добились желаемого результата, который привел к свержению законного правящего режима. Последствия данного «внедрения демократии» мы видим сегодня на Украине...

Подводя некоторые промежуточные умозаключения, уместно отметить, что в контексте вышеизложенного диссонируют вопросы миграционной безопасности, которые в современной России не нашли своего выражения в нормативных правовых актах, не прописаны в концепции миграционной политики, в связи с чем

только формируется практика противодействия данному негативному явлению.

Как нами отмечалось ранее, миграционная безопасность в современных условиях понятие более емкое и охватывает своим содержанием прежде всего интересы личности, права и свободы именно граждан страны пребывания мигрантов — Российской Федерации. Именно вопросы реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, обеспечения защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в первую очередь являются основой понятия миграционная безопасность.

Проблема здесь заключается в том, что некоторые мигранты не желают жить по правилам нашего общества. Они дебоширят, устраивают драки, наплевательски относятся к традициям, культурным ценностям, устоям, принятым в России. Итог: рост преступности со стороны гостей из Средней Азии.

Во властных кругах России заговорили о том, что число мигрантов в стране достигло критической массы. У всех свои заботы, связанные с этим: например, налоговики видят гигантский объем оборота средств среди мигрантов, который никак не контролируется государством. По сути, полноценная теневая экономика. Следственный комитет отмечает взрывной рост числа преступлений с их участием, и каждое второе из категории тяжких. МВД предупреждают, что не смогут справиться с таким числом людей в следствие большого некомплекта сотрудников, если дело дойдет до силового противостояния.

Здесь уместно отметить, что ни о какой трудовой миграции уже давно речи не идет, в Россию устремились как раз те, кто честный труд презирает, кто изначально настроен на нарушение закона. Нередко уже состоявшиеся преступники, уголовники, экстремисты, фанатики и душевнобольные люди. В их родных странах рады избавиться от такого «соседства», там как раз все строго с нарушением общественного порядка и устоев жизни. Поэтому маргинальная когорта устремилась в Россию, которая оказалась слишком доброй и доверчивой.

По мнению экспертов, о котором свидетельствуют реалии современной России, миграционный кризис незрел уже давно. Количество мигрантов, в том числе и не легальных в нашей стране исчисляется порядка 10–12 миллионов человек. Однако по мнению Кирилла Кабанова, главы Национального антикоррупционного комитета (НАК), председателя Комиссии Совета по правам человека (СПЧ) по гражданскому участию в развитии правоохранительной системы, только в Москве и Подмосковье находится около 15 млн гастарбайтеров, из них только 30 % легально [10]. А сколько их всего по стране — эта ста-

тика по разным источникам имеет существенные порядковые различия и официально в печати отсутствует.

Продолжается невидимый «захват» России. А как ещё назвать тот факт, что коренное население русских городов выдавливают те, кто сначала приезжает на заработки, затем получает или покупает гражданство, а потом начинает диктовать свои условия, не подчиняясь законам страны.

МВД обновило статистику преступлений среди мигрантов за первое полугодие. Криминогенная миграционная ситуация в стране выходит продолжает оставаться крайне напряженной. С января по июнь текущего 2023 года мигрантами было совершено 22 тысячи преступлений, что на 6,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (АППГ). При этом 18,5 тыс. (82 %) приходится на граждан СНГ, что на 6,5 % больше, чем в прошлом году.

По информации из официальных источников каждое второе преступление в Москве на совести мигрантов: изнасилований 69 %; убийств 17 %; кража составляет также 17 %; более 33% продажа наркотиков составляя грабежи; разбои составляют около 40 %; квартирные кражи 19 %; автомобильные кражи 25 %; умышленное причинение вреда здоровью 19 % [11]. Даже краткий анализ такой статистики говорит о беспределе мигрантов, которые объявили войну коренным жителям столицы, да и в Санкт-Петербурге и других региональных городах обстановка не лучше.

Согласно той же статистике МВД по количеству вставших на учёт в России иностранных граждан за текущий год увеличение не фиксируется. За первые полгода 2023 года зарегистрировано 7455001 мигрантов. Тогда как за весь 2022 год на миграционный учёт встали 16870094 человек, а за 2021 год — 13392897 человек. Устойчивая тенденция увеличения числа иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших на территорию Российской Федерации, негативно сказывается на криминогенной обстановке.

Министр внутренних дел Владимир Колокольцев и руководитель Следственного комитета Александр Бастрыкин постоянно говорят о росте преступности в мигрантской среде. О резком росте числа преступлений, причём тяжких и особо тяжких, совершаемых мигрантами. Также обсуждается проблема наркотрафика, который активно развивается в данной среде. И особое опасение вызывает формирование ячеек экстремистских и террористических организаций, которые могут представлять угрозу для национальной безопасности.

При этом «недружественные государства» для раскачивания ситуации против России активно используется

миграционная составляющая. В условиях противостояния с Западом, тревожит не только количество иностранных граждан и новоиспеченных «россиян» в нашей стране, но и их низкий уровень знания русского языка и нежелание идентифицировать себя с российским государством. Эта ситуация представляет огромную опасность для национальной безопасности.

Колониальный опыт западных стран показывает, что они умеют управлять исламским фактором и использовать его в своих интересах. Именно благодаря этим навыкам они смогли захватить обширные территории и подчинить их своему контролю, при таком подходе не следует думать, что это может миновать Россию: Россия тем и отличалась, что всегда была не менее умна и проводила свою политику. Если же ничем не заниматься и пустить проблемы на самотек, то планы Запада исполнятся в лучшем виде, который для нас будет — худшим из всех возможных.

Представляется для нейтрализации криминогенной угрозы в современной России следует уделять более пристальное внимание миграционной безопасности, являющейся одним из негативных факторов социальной напряженности в современной России, при этом коренному населению следует объединиться под эгидой национальной идеи, которая, на наш взгляд, должна заключаться в патриотическом воспитании подрастающего поколения, основанном на принципах добра и справедливости, любви к Родине, удовлетворении духовных потребностей личности, развитии демократических основ Российской государственности.

В настоящее время крайне нерационально используется труд мигрантов — гастарбайтеров, при этом при квотировании необходимого количества работников учитываются только иностранцы, которым для въезда в Российскую Федерацию нужна виза, а для работы в стране — разрешение на работу. Мигрантов из же стран СНГ можно нанимать в неограниченном количестве, что влечёт за собой нехватку иностранных работников в тех отраслях экономики, в которых это наиболее необходимо и напротив, явный избыток трудовых мигрантов в тех сферах, где без них можно легко обойтись, создавая рабочие места для граждан Российской Федерации.

Представляется целесообразным принять исчерпывающие законодательные меры для наведения жёсткого порядка в сфере трудовой миграции, учитывая, в первую очередь, интересы коренных жителей, при этом. определить те отрасли экономики, где может применяться труд мигрантов (строительство, ЖКХ, сельское хозяйство, клининговые услуги, мусоропереработка и проч.), при таком подходе в интересах коренного населения России в любых других отраслях труд неквалифицированных мигрантов должен быть запрещён.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов А.В. Миграционная безопасность Российской Федерации на современном этапе: содержание, проблемы, предложения. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/71513-migracionnaya-bezopasnost-rossijskoj-federacii-sovremennom-ehtape-soderzhanie?ysclid=ll28trdpul754217861>.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
3. URL: <https://investim.guru/stati/geopoliticheskaya-obstanovka-v-2023-godu-analiz-i-prognozy-za-pervoe-polugodie>
4. URL: <https://www.interfax.ru/russia/762430>
5. URL: <https://лобс.рф/ostrayatema/22-rossiju-nevozmozhno-pobedit-siloj.html>
6. Путин назвал единственный способ разрушить Россию. URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2021/12/23/vladimir-putin/893783-putin-nazval-edinstvennyi-sposob-razrushit-rossiyu>
7. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021г. № 400 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-400-ot-2-iyulja-2021-goda-03-07-2021.html>.
8. Воронов А.М. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021: анализ правовых новаций // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 29–35.
9. URL: <https://russtrat.ru/analytics/24-dekabrya-2021-0010-7763?ysclid=lcoztr1bf155650932>
10. Кабанов К.: В России нужен новый законопроект о контроле за мигрантами // URL :<https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-nuzhen-novyuy-zakonoproekt-o-kontrolе-za-migrantami.html?ysclid=lkmjyr77du526837646>
11. URL:<https://dzen.ru/a/ZTCV4-xw-1Zb71qz> (дата обращения — 19.10.2023).

© Воронов Алексей Михайлович (alex_voronoff@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ АВТОРСКОГО ПРАВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ ПРИ СОЗДАНИИ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА И РАЗМЕЩЕНИЯ ИХ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

PROBLEMS OF APPLICATION OF COPYRIGHT NORMS IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF TEACHERS WHEN CREATING OBJECTS OF COPYRIGHT AND PLACING THEM ON THE INTERNET

L. Gorelova

Summary. The problems of copyright in the professional activity of teachers when creating objects of copyright and placing them on the Internet are considered, and the possibilities of solving these problems are analyzed. This article discusses the problem of protecting intellectual property rights on the Internet. The need to protect copyright on the Internet in order to maintain one's own prosperity and the development of one's state is identified and justified. It is said that personal rights to a work on the Internet can be violated by assigning authorship to the work, incorrectly indicating the name of the author when posting the work, or making changes to it without the consent of the creator. Proprietary copyrights are most often violated by profiting from the use of a creative work by a person who does not have the right to make money from the work. Violations of personal and property rights on the Internet are often interrelated.

Keywords: copyright, internet, e-learning, distance technologies.

Горелова Людмила Игоревна

Старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический
университет» (РТУ МИРЭА);
Соискатель,
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»,
lyudmila.gorelova.mgupi@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы авторского права профессиональной деятельности педагогов при создании объектов авторского права и размещения их в сети «Интернет» и анализируются возможности решения данных проблем. В данной статье рассматривается проблема защиты прав на интеллектуальную собственность в сети Интернет. Выявляется и обосновывается необходимость защиты авторских прав в Сети для поддержания собственного достатка и развития своего государства. Говорится о том, что личные права на произведение в Интернете могут быть нарушены путем присвоения авторства на произведение, неверного указания имени автора при размещении работы, внесения в нее правок без согласия создателя. Имущественные авторские права чаще всего нарушаются путем извлечения прибыли от использования творческой работы лицом, которое не имеет прав зарабатывать на произведении. Часто нарушение личных и имущественных прав в Интернете взаимосвязано.

Ключевые слова: авторское право, интернет, электронное обучение, дистанционные технологии.

Педагог, будучи агентом авторских правоотношений, является создателем и интересантом использования интеллектуальной собственности. Как создатель оригинального контента педагог играет решающую роль в написании материалов, защищенных авторским правом, в рамках своей профессиональной деятельности. Преподаватели часто разрабатывают различные образовательные ресурсы, планы уроков, учебники, презентации и другие материалы, чтобы улучшить учебный процесс. Эти материалы считаются интеллектуальной собственностью и защищены законом об авторском праве. Учителя также разрабатывают учебные материалы, которые соответствуют стандартам учебной программы, привлекают студентов и способствуют эффективным результатам обучения. Сталкиваясь с нехваткой подходящих учебных материалов для конкретных предметов, они могут создавать свои собственные ресурсы для устранения этих пробелов и удовлетворения конкретных требований своих студентов. Это включает

в себя адаптацию существующих материалов или создание нового контента для удовлетворения возникающих образовательных потребностей, изменений в учебной программе.

Как пользователи материалов, созданных другими авторами, педагоги полагаются на широкий спектр интеллектуальной собственности, такой как учебники, статьи, изображения, видео и программные приложения, для поддержки своего обучения, в том числе размещенные в сети «Интернет». Они ищут и используют эти ресурсы для улучшения своих методов обучения и предоставления всесторонних возможностей обучения для своих студентов. Преподаватели проявляют интерес к использованию интеллектуальной собственности, поскольку они играют решающую роль в создании, распространении и использовании учебных материалов.

Для учителей важно понимать законы и положения об авторском праве, чтобы гарантировать, что продукты

их творчества защищены и используются надлежащим образом. Им также следует знать об ограничениях и исключениях, применимых к образовательным учреждениям, таких как положения о добросовестном использовании, чтобы найти баланс между защитой авторских прав и образовательными потребностями.

Появление Интернета произвело революцию в способах создания, образовательного контента, значительно повлияв на распространение учебных материалов, открыв новые возможности и вызовы как для преподавателей, так и для учащихся. Интернет сделал образовательный контент доступным для широкой аудитории. Преподаватели могут делиться своими материалами со студентами, коллегами по всему миру, преодолевая географические границы. Онлайн-платформы и цифровые репозитории предоставляют широкий спектр образовательных ресурсов (учебники, статьи, мультимедийный контент и интерактивные учебные материалы), к которым учителя и ученики могут легко получить доступ в любом месте и в любое время. Интернет способствовал созданию среды для совместного обучения, где преподаватели и учащиеся могут общаться, обмениваться идеями и совместно работать над образовательными проектами. Это позволяет коллективно создавать и улучшать образовательный контент. Онлайн-сообщества, форумы и платформы социальных сетей предоставляют учителям пространство для обмена ресурсами, планами уроков и стратегиями обучения, способствуя профессиональному развитию и обмену знаниями.

Появление Интернета в то же время породило проблемы, связанные с нарушением авторских прав и прав интеллектуальной собственности. Простота обмена и копирования цифрового контента привела к случаям несанкционированного использования и распространения материалов, защищенных авторским правом. Учителя должны помнить о законах об авторском праве, положениях о добросовестном использовании, и лицензионные соглашения при совместном использовании или использовании образовательного онлайн-контента для обеспечения соблюдения и уважения прав интеллектуальной собственности.

Учителя, как создатели учебных материалов, обладают определенными правами и сталкиваются с определенными ограничениями в отношении авторского права. Понимание этих прав и ограничений имеет решающее значение для педагогов, чтобы ориентироваться в законах об авторском праве. Добросовестное использование позволяет учителям использовать материалы, защищенные авторским правом, без разрешения правообладателя при определенных обстоятельствах. Оно позволяет задействовать контент, защищенный авторским правом, для таких целей, как критика, комментарии, новостные репортажи, обучение, стипендии или иссле-

дования. Учителя могут включать ограниченные части произведений, защищенных авторским правом, в свои уроки, презентации или учебные материалы, если их использование соответствует критериям добросовестного использования. Факторы, учитываемые при определении добросовестного использования, включают цель и характер использования, характер работы, защищенной авторским правом, количество и существенность используемой части, а также влияние на потенциальный рынок. Также стоит отметить, что чужое произведение, взятой педагогом для реализации образовательной деятельности должно являться не основным объектом использования, а быть частью основного произведения для пояснения некоторых вопросов [2].

Во многих странах предусмотрены определенные исключения и ограничения авторского права исключительно в образовательных целях, что позволяет учителям использовать материалы, защищенные авторским правом, в классах или учебных заведениях, не нарушая авторских прав. Образовательные исключения часто охватывают такие виды деятельности, как демонстрация, исполнение или воспроизведение произведений в образовательном контексте, если их использование осуществляется в образовательных целях, а не для получения прибыли и не наносит ущерба рынку правообладателя.

Касательно Российской Федерации Статья 1274 Гражданского кодекса затрагивает вопросы использования педагогическими и научными работниками произведений, охраняемых авторским правом, в образовательных целях [1]. Данная статья содержит конкретные положения, которые позволяют преподавателям и исследователям использовать материалы, защищенные авторским правом, без получения разрешения правообладателя при определенных условиях. Ключевые положения статьи включают: 1) некоммерческое использование — задействие произведений, защищенных авторским правом, преподавателями и исследователями должно осуществляться в некоммерческих целях, что означает, что использование не должно приводить к какой-либо прямой или косвенной финансовой выгоде; 2) образовательная деятельность — использование произведений, защищенных авторским правом, должно быть непосредственно связано с образовательной деятельностью (обучение, исследования или научные занятия); 3) требование об указании авторства — хотя преподаватели и исследователи могут использовать работы, защищенные авторским правом, без предварительного разрешения, они по-прежнему обязаны предоставлять надлежащую информацию об авторстве первоначального создателя или владельца авторских прав. Преподавателям необходимо указывать имя автора и источник работы; 4) ограничения сферы применения: статья 1274 не предоставляет неограниченной свободы использо-

вания материалов, защищенных авторским правом. Использование должно быть ограничено в той мере, в какой это необходимо для достижения образовательных целей, и не должно ущемлять законные интересы владельцев авторских прав.

Важно отметить, что хотя данная статья Гражданского кодекса предоставляет определенные права и исключения для образовательных целей, она не освобождает преподавателей и исследователей от их ответственности за соблюдение других положений закона об авторском праве. Они по-прежнему должны придерживаться принципов добросовестного использования, уважать неимущественные права создателей, и обеспечить, чтобы использование материалов оставалось в рамках закона. Понимая свои права и ограничения в отношении авторского права, учителя могут ответственно создавать, использовать и делиться учебными материалами, обеспечивая как соблюдение закона, так и уважение прав правообладателей [4]. Педагогам важно быть в курсе законов об авторском праве, при необходимости обращаться за советом и продвигать культуру этичного и ответственного использования материалов, защищенных авторским правом, в образовательных учреждениях.

Педагоги и другие лица, заинтересованные в использовании объектов авторского права в своей профессиональной деятельности, сталкиваются с рядом трудностей, которые возникают из-за необходимости получать надлежащие разрешения и обеспечивать этичное и законное использование материалов, защищенных авторским правом. Вот некоторые проблемы, с которыми обычно сталкиваются учителя и специалисты при использовании объектов авторского права:

1. Риск нарушения авторских прав. Без надлежащего знания и понимания законов об авторском праве, отдельные лица могут неосознанно использовать материалы, защищенные авторским правом, не получив соответствующих разрешений или лицензий. Данный риск особенно высок при использовании цифрового контента, поскольку он легко доступен;
2. Сложные законы об авторском праве. Законы и положения об авторском праве различаются в разных юрисдикциях. Преподавателям может быть сложно ориентироваться в юридических нюансах и понимать объем своих прав и ограничений. Отсутствие ясности в законах об авторском праве может привести к путанице и затруднить определение того, соответствует ли использование материалов, защищенных авторским правом, допустимым ограничениям.
3. Добросовестное использование. Определение того, квалифицируется ли конкретное использование как добросовестное и подпадает ли оно под исключения в образовательных целях является

довольно расплывчатым. Доктрина добросовестного использования разрешает ограниченное использование материалов, защищенных авторским правом, без разрешения, но интерпретация факторов добросовестного использования может быть субъективной.

4. Получение лицензии. Получение надлежащих разрешений и лицензий на использование материалов, защищенных авторским правом, может потребовать много времени от педагога. Часто это связано с обращением к правообладателям, лицензирующим агентствам, согласованием условий и уплатой лицензионных сборов. Выявление и определение местонахождения правообладателей, особенно в отношении старых или переставших издаваться материалов, может быть особенно проблематичным, что приводит к трудностям в получении необходимых разрешений.
5. Управление цифровыми правами (DRM) и технологические ограничения. Цифровой контент часто поставляется с DRM и технологическими мерами защиты, которые ограничивают или контролируют его использование. Эти меры могут ограничить возможность изменять, воспроизводить или распространять материалы, защищенные авторским правом. Преподаватели рискуют столкнуться с трудностями при работе с DRM-защищенным контентом, особенно когда данные материалы требуют адаптации для удовлетворения конкретных образовательных потребностей.
6. Ограниченный доступ к ресурсам. Высокая стоимость учебников, журналов и других материалов, защищенных авторским правом, может ограничивать доступ, особенно в условиях недостаточного финансирования. Педагоги могут столкнуться с трудностями при поиске подходящих альтернатив или открытых образовательных ресурсов, соответствующих их обучению или профессиональным потребностям.

Решение проблем, с которыми сталкиваются преподаватели при использовании объектов авторского права в своей профессиональной деятельности, требует комплексного подхода с участием различных заинтересованных сторон. В качестве стратегий, способствующих решению обозначенных проблем мы выделяем следующие:

1. Обеспечение всестороннего обучения учителей законам об авторском праве, добросовестном и этичном использовании лицензионных материалов. Этого можно достичь с помощью программ профессионального развития, семинаров и онлайн-ресурсов; сотрудничая с образовательными учреждениями, экспертами по авторскому праву и организациями для разработки учебных материалов, специально адаптированных к потребно-

стям учителей, с упором на практические примеры и рекомендации. Необходимо разрабатывать и распространять четкие инструкции и передовой опыт для учителей в отношении использования материалов, защищенных авторским правом. Несмотря на то, что многие ВУЗы имеют в учебной программе предметы затрагивающие вопросы интеллектуальной собственности, они как правило являются факультативными и практически не изучаются будущими учителями [3]. Эти рекомендации должны содержать практические советы по добросовестному использованию, установлению авторства и получению разрешений, когда это необходимо. Установление внутренней политики в образовательных учреждениях для обеспечения последовательного соблюдения законов об использовании интеллектуальной собственности также является адекватной мерой.

2. Доступ к открытым образовательным ресурсам (ООР). На уровне государства и отдельных регионов особую важность имеет поддержка использования открытых образовательных ресурсов, лицензированных для бесплатного использования, адаптации и распространения. ООР могут помочь облегчить финансовое бремя доступа к материалам, защищенным авторским правом, и предоставить преподавателям более широкий спектр ресурсов для разработки педагогических материалов. Необходимо поощрять сотрудничество учителей для разработки и распространения ООР, способствуя культуре обмена знаниями и ресурсами в образовательном сообществе.
3. Упрощение процесса проверки авторских прав. При Оптимизации процессов получения разрешений и лицензий на материалы, защищенных авторским правом, учителя будут иметь четкую информацию о том, как пройти процесс проверки авторских прав. Необходимо создать упрощенные модели лицензирования (например, коллективные лицензионные соглашения), которые облегчают образовательным учреждениям доступ к контенту, а также обеспечивают справедливую компенсацию для создателей.
4. Технологические решения. Разработка технологических платформ, облегчающих законное использование материалов, защищенных авторским правом, таких как системы управления цифровыми правами (DRM) и инструменты управления авторскими правами будет важным шагом в разрешении проблемы использования лицензионного

контента. Данные платформы помогут преподавателям управлять лицензиями, отслеживать использование и обеспечивать соблюдение законов об авторских правах. Со стороны государства необходимо поддерживать разработку и внедрение образовательных платформ, обеспечивающих доступ к лицензированному образовательному контенту, чтобы учителя имели в своем распоряжении широкий спектр высококачественных ресурсов.

5. Сотрудничество с правообладателями и издателями. Разумным подходом в решении обозначенной проблемы является диалог и сотрудничество между образовательными учреждениями, учителями и правообладателями/издателями для поиска взаимовыгодных решений. Сюда могут быть включены переговоры о выгодных лицензионных соглашениях, изучение скидок на учебные материалы и удовлетворение конкретных потребностей и проблем преподавателей.

Реализуя описанные стратегии, педагоги, образовательные учреждения и правообладатели имеют возможность совместно решать проблемы, с которыми сталкиваются учителя при использовании объектов авторского права в своей профессиональной деятельности. Тесное сотрудничество данных лиц обеспечит баланс между защитой прав интеллектуальной собственности и продвижением эффективных методов преподавания и обучения.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что вопрос сохранения авторского права остается очень актуальным и по сей день, даже, возможно, актуальнее, чем был ранее, так как сейчас достаточно легко получить ту или иную информацию посредством сети интернет. Следовательно, педагоги нуждаются в постоянном повышении квалификации в области авторского права. Также мы считаем необходимым ввести в образовательных организациях города Москвы, а в последствии и интегрировать по всей России, следующее: бесплатная юридическая консультация по вопросам авторского права и помощь профессиональных юристов при осуществлении педагогической деятельности педагогов. Данная служба будет осуществлять мониторинг, который будет выявлять проблемные места и подсказывать педагогам как им правильно решить вопрос авторского права, как правильно защитить свои профессиональные разработки и как самим педагогам не преступить закон, опираясь на богатый опыт коллег, который несомненно так же может помочь в профессиональной деятельности педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // Российская газета. — № 289 — 2006. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=376379&dst=100009#M3lovsSemVX6tHTY>
2. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 ноября 2013 г. № С01-113/2013 по делу № А76-13283/2012 // ГАРАНТ.РУ [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425070/#review>
3. Хафизова А.А., Халметова А.А. Авторское право практикующих педагогов и будущих учителей в условиях трансформации образования // Universum: психология и образование. 2022. №9 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-praktikuuyuschih-pedagogov-ibuduschih-uchiteley-v-usloviyah-transformatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 11.04.2023).
4. Соблюдение авторского права: цитирование и использование чужих трудов в публикациях и деятельности: методические рекомендации для педагогов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры / авт. — сост. О.Г. Ярлыкова; Автономное учреждение дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Институт развития образования». — Ханты-Мансийск: Институт развития образования, 2016. — 12 с.

© Горелова Людмила Игоревна (lyudmila.gorelova.mgupi@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫМИ ПРАВАМИ

Демидов Эдуард Александрович

Аспирант,

Международный юридический институт, г. Москва;

Адвокат, председатель Московской коллегии адвокатов

«Демидов, Макаров и партнеры»

lawyerdemidov@mail.ru

LEGAL REGULATION OF THE ABUSE OF SUBJECTIVE RIGHTS

E. Demidov

Summary. Within the framework of this article, the essence of the abuse of subjective civil rights is considered, the question of the forms of such abuse is analyzed. Based on the analysis of various scientific positions on the topic under consideration, it is concluded that it is necessary to find a balance in understanding the content of such a form of abuse of subjective civil rights as chicane. The question of the expediency of identifying other forms of abuse of civil rights, except chicane, is analyzed, the points of view of various scientists on the issue under consideration are considered. Also, based on the analysis, it is stated that it is expedient to amend the current version of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation, within the framework of which a clear separation of chicane from other forms of abuse of subjective civil rights will be carried out, responsibility for such offenses will be tightened due to the increased degree of their public danger.

Keywords: abuse of law, subjective law, forms of abuse of law, chicane, legitimate interests.

Аннотация. В рамках настоящей статьи рассматривается сущность злоупотребления субъективными гражданскими правами, анализируется вопрос форм такого злоупотребления. На основании анализа различных научных позиций по рассматриваемой теме делается вывод о необходимости поиска баланса в вопросе понимания содержания такой формы злоупотребления субъективными гражданскими правами, как шикана. Анализируется вопрос целесообразности выделения иных форм злоупотребления гражданскими правами, кроме шиканы, рассматриваются точки зрения различных ученых по рассматриваемому вопросу. Также на основании проведенного анализа констатируется целесообразность внесения изменений в действующую редакцию ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, в рамках которых будет осуществлено четкое отграничение шиканы от иных форм злоупотребления субъективными гражданскими правами, ужесточена ответственность за такие правонарушения в силу повышенной степени их общественной опасности.

Ключевые слова: злоупотребление правом, субъективное право, формы злоупотребления правом, шикана, законные интересы.

В современном российском государстве, которое является правовым и демократическим, каждому лицу предоставлена определенная совокупность правомочий, которые, однако, имеют свои границы. В данном аспекте совершенно справедливо знаменитое высказывание о том, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. Все возможные варианты проявления нарушений гражданских прав, объективно, учесть достаточно сложно, в связи с чем, в Российской Федерации закреплен принцип запрета злоупотребления гражданскими правами [7].

Злоупотребление гражданскими правами как явление в современных условиях является достаточно распространенным, рассматриваемая категория прочно вошла в научно-терминологический аппарат. Несмотря на данные обстоятельства, на доктринальном уровне до настоящего времени не достигнуто единого мнения даже относительно правовой природы рассматриваемого явления.

По своей сути злоупотребление правом представляет собой поведение управомоченного лица, осуществляемое им в рамках законодательных предписаний. Однако неправомерность такого поведения при всей

его формальной законности состоит в том, что лицо реализует предоставленные ему правомочия с единственной целью создания неблагоприятных условий для иного участника гражданского правоотношения [8]. Так, ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» [1].

Таким образом, законодатель под злоупотреблением правом представляет одну из форм недобросовестного поведения субъекта правоотношений. Злоупотребление субъективным гражданским правом представляет собой гражданское правонарушение, субъектом которого может выступать исключительно управомоченное лицо, поскольку если лицу определенное право не принадлежит, либо оно добросовестно заблуждается относительно наличия у него такого права, как таковое злоупотребление не будет иметь места.

Современное гражданское законодательство предусматривает несколько форм злоупотребления гражданскими правами: шикана; злоупотребление правами

в иных формах; злоупотребление правом в конкурентных правоотношениях. Особое внимание в рамках настоящего исследования представляется необходимым уделить такой форме злоупотребления гражданскими правами, как шикана, в силу повышенной степени общественной опасности такого неправомерного поведения. Шикана по своей сущности представляет собой такое осуществление субъективного гражданского права, которое подразумевается с единственной целью — причинить вред иному субъекту правоотношения, какого-либо иного корыстного мотива носитель субъективного права не преследует.

Шикана как форма злоупотребления субъективными правами изначально была единственной формой такого поведения, которая преследовалась и пресекалась со стороны органов публичной власти, что также, по справедливому мнению, О.А. Поротиковой, в полной мере соотносилось с постулатом о «непогрешимости правообладателя» [6, с. 132]. Однако, впоследствии законодателем верно была произведена оценка рассматриваемого явления и было констатировано (что и нашло свое отражение в нормах российского законодательства), что шикана — узкое понятие, означающее довольно нетипичное и не столь распространенное явление, в рамки которого не могут быть вменены все случаи ненадлежащей реализации субъектами правоотношений своих субъективных гражданских прав. Как верно отмечено О.А. Поротиковой, после этого «... категория шиканы могла применяться либо в качестве действительно редкого, радикального вида злоупотребления, сохраняя свой исконный состав признаков, либо ее следовало толковать шире, по существу, использовать вместо термина «злоупотребление правом» [6, с. 140].

В рамках современного ГК РФ шикана не отождествляется с иными формами злоупотребления правом и «обособляется» в рамках положений ст. 10 ГК РФ. Мнения ученых относительно сущности и пределов толкования шиканы не едины, что в полной мере способно дестабилизировать правовую охрану и процесс применения нормы о недопустимости злоупотребления гражданскими правами.

Традиционно, как уже было отмечено, под шиканой рассматриваются только такие злоупотребления гражданскими правами, которые не предусматривают никакой иной цели такого поведения, кроме как причинение вреда иным лицам, при наличии какого-либо иного мотива, цели, такое злоупотребление в качестве шиканы не квалифицируется. На наш взгляд, данный подход к пониманию рассматриваемой формы злоупотребления гражданскими правами является слишком ограничительным, что, фактически, практически полностью исключает возможность квалификации неправомерных действий лица как шиканы. Мы согласны с теми

авторами, которые предлагают под шиканой понимать также такую реализацию лицом своего субъективного права, которая также помимо цели причинения вреда другому человеку, обусловлена желанием достичь иной противоправной или безнравственной цели. Также под шиканой, как представляется, можно понимать злоупотребление субъективным правом, которое обусловлено и целью причинения ущерба иной стороне, и другой правомерной целью, которая могла бы быть достигнута иным способом, не обуславливающим наступление для иных субъектов правоотношений негативных последствий [5, с. 11].

Стоит, на наш взгляд, также согласиться с авторами, которые указывают, что шикана имеет место и в тех случаях, когда кроме цели причинения иному субъекту определенного вреда лицо также преследует собственный правомерный интерес, который, однако, является крайне незначительным и фактически не обуславливает получение выгоды лицом и является крайне несоразмерным тому ущербу, который будет причинен иной стороне правоотношения [3].

В целом, подход законодателя к пониманию шиканы как действия, направленного «исключительно» с целью причинения вреда другому лицу, вызывает критику со стороны многих ученых. Так, например, Т.С. Яценко также считает, что понятием «шикана» должны охватываться действия, которые наряду с целью причинения вреда иным субъектам, обусловлены личностными целями управомоченного субъекта — например, получения материальной выгоды, привлечения числа покупателей, иных клиентов и проч. [9, с. 10].

Не умаляя авторитетности исследователя, на наш взгляд, в данном случае допущено слишком широкое понимание категории шиканы, и, фактически, данной категорией объединены все формы злоупотребления субъективным гражданским правом. В данном случае, как представляется, необходим четкий анализ тех сопутствующих целей, которые преследовало лицо при злоупотреблении своим субъективным правом. Если лицо преследовало сугубо личные цели, существенный результат которых явился бы более ощутимым, нежели объем причиненного иному лицу вреда, на наш взгляд, такие действия, не должны рассматриваться как шикана. Учитывая всю степень общественной опасности рассматриваемого гражданско-правового нарушения, необходимо учитывать основной его признак — наличие конкретного намерения причинить вред интересам иного субъекта, которое одновременно и является основной целью определенного поведения управомоченного субъекта, квалифицируемого как злоупотребление субъективным гражданским правом. Если такой вред иным субъектам является «сопутствующим» — то есть предполагается, фактически, безразличное отношение

лица к возможности наступления таких последствий, когда неправомерное поведение лица, в первую очередь, направлено на получение собственной правомерной выгоды — шикана, на наш взгляд, отсутствует.

Таким образом, на наш взгляд, шикана отечественными правоприменителями должна трактоваться не только как реализация субъективного гражданского права исключительно с целью причинения вреда иному лицу, но и также как:

- злоупотребление гражданским правом с целью причинения вреда интересам иных субъектов, а также одновременно с иными заведомо противоправными, безнравственными целями;
- злоупотребление гражданским правом с целью причинения вреда интересам иных субъектов, а также одновременно с целью достижения собственного правомерного интереса, который, однако, является крайне незначительным и фактически не обуславливает получение выгоды лицом и является крайне несоразмерным тому ущербу, который будет причинен иной стороне правоотношения.

Несмотря на тот факт, что на протяжении длительного времени многими учеными высказывалась позиция относительно признания шиканы в качестве единственной формы злоупотребления гражданскими правами и необходимости исключения иных форм, на наш взгляд, согласиться с данным подходом нельзя [4, с. 260]. Во-первых, это противоречит положениям ст. 10 ГК РФ, из текстуального содержания которой проистекает вывод о наличии нескольких форм злоупотребления гражданским правом, во-вторых, данный подход не основан на дифференциации неправомерных действий в зависимости от степени их общественной вредности (опасности), что также представляется нецелесообразным.

В связи с этим, на наш взгляд, рационально на законодательном уровне отграничить шикану от иных форм злоупотребления гражданскими правами, определить пределы содержания данной категории, а также ужесточить меры гражданско-правовой ответственности за совершение таких правонарушений. На наш взгляд, в полной мере можно поддержать авторов, которые высказываются о возможности прекращения гражданского права на основании судебного решения в том случае, если лицо осуществляло его с целью причинения вреда иным лицам [5, с. 11]. Таким образом, на наш взгляд, возможно предложить дополнение ст. 10 ГК РФ отдельным

пунктом следующего содержания: «злоупотребление правом, предусмотренное частью 1 настоящей статьи с целью причинения вреда иным лицам, либо одновременно с этим сопряженное с заведомо неправомерной, безнравственной целью, а также правомерной целью, несоразмерной причиненному ущербу, в случае, если в результате права и интересы иных лиц были нарушены (шикана) может влечь за собой прекращение гражданского права на основании судебного решения».

Помимо цели, некоторые авторы к числу обязательных признаков шиканы считают наличие определенных правовых последствий реализации лицом своих субъективных гражданских прав в виде причинения вреда иным субъектам [2]. С данной позицией представляется возможным согласиться в полной мере, поскольку, такая форма злоупотребления гражданским правом, как шикана, является достаточно редким явлением и, как правило, труднодоказуемым. Если предоставить органам судебной власти и иным правоприменителям возможность разрешать вопрос относительно наличия признаков шиканы в действиях лиц на основании внутреннего усмотрения (в случае признания шиканой даже таких действий, которые не повлекли за собой негативных последствий для иных лиц), создадутся широкие возможности для излишне широкой трактовки рассматриваемой категории и отнесение к ней всех способов осуществления субъективных гражданских прав, которые в теории могли бы повлечь за собой наступление неблагоприятных последствий и таких действий, которые предположительно были совершены с целью причинения вреда иным лицам.

Таким образом, можно констатировать, что в рамках современного Гражданского кодекса Российской Федерации правовой регламентации форм злоупотребления субъективными гражданскими правами посвящена лишь одна норма — ст. 10 ГК РФ, которая в настоящее время совершенной не является и уже достаточно длительное время критикуется на доктринальном уровне, причем вполне обоснованно. Как представляется, четкое разграничение законодателем форм злоупотребления субъективным гражданским правом (в особенности — отграничение шиканы от иных форм такого злоупотребления), выбор адекватного и сбалансированного подхода к определению содержания категории «шикана» и ужесточение гражданско-правовой ответственности за такое противоправное поведение положительно скажется на эффективности правового регулирования злоупотребления субъективными гражданскими правами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Дамбаева И.В., Карпухин М.Ю., Курманбаев М.М. К вопросу о шикане как особой форме злоупотребления правом // Право и практика. 2021. № 2. С. 142–148.
3. Пашин В. Выявление злоупотребления // ЭЖ — Юрист. 2005. № 5. // Доступ из Справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. 352 с.
5. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: дис. . . . канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 206 с.
6. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. Монография. М.: Юрайт, 2023. 242 с.
7. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Несоблюдение принципа «шикана» как злоупотребление процессуальным правом в гражданском судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2022. № 8А. С. 39–45.
8. Стрельникова С.О. Правовое регулирование злоупотребления правом // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2022. № 1. С. 59–64.
9. Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве: дис. . . . канд юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 185 с.

© Демидов Эдуард Александрович (lawyerdemidov@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕУСТОЙКА — КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СТОРОНАМИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ СТОРОНЕ В УКАЗАННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

PENALTY — AS A WAY TO ENSURE PROPER FULFILLMENT OF OBLIGATIONS BY THE PARTIES IN BUSINESS ACTIVITIES OR A MEASURE OF RESPONSIBILITY TOWARDS AN UNSCRUPULOUS PARTY IN THESE OBLIGATIONS

O. Efimtseva

Summary. This paper highlights the actual problems of determining the legal nature of the penalty in practice, in the process of implementing the obligations assumed by business entities, through the analysis of its dual nature. The consequences of its application in contractual obligations are highlighted. Based on the analysis, it is concluded that the use of the institution of penalty as a way to ensure the fulfillment of obligations is ineffective, but the effectiveness of its application as a measure of responsibility of the debtor's party to the creditor.

Keywords: right, obligation, security, liability, contract.

Ефимцева Ольга Александровна

Аспирант, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);
Ведущий эксперт, Департамент недвижимого
имущества АО «Системный оператор
единой энергетической системы»
sagata1@mail.ru

Аннотация. В данной работе освещены актуальные проблемы определения правовой природы неустойки на практике, в процессе реализации принятых на себя обязательств субъектами предпринимательской деятельности, через анализ ее двойственного характера. Освещены последствия ее применения в договорных обязательствах. На основании проведенного анализа сделан вывод о малоэффективности применения института неустойка как способа обеспечения исполнения обязательств, но эффективности ее применения как меры ответственности стороны должника перед кредитором.

Ключевые слова: право, обязательство, обеспечение, ответственность, контракт.

Основным вопросом, возникающим в практике применения сторонами в предпринимательской деятельности такого способа обеспечения надлежащего исполнения обязательств, как неустойка, является вопрос ее правовой природы. Другими словами, что такое на самом деле неустойка? А самое главное, правильно ли мы понимаем ее основные правовые функции при реализации договорных правоотношений субъектами предпринимательской деятельности? И может ли неустойка быть именно способом обеспечения надлежащего исполнения обязательств для субъектов предпринимательской деятельности в чистом его проявлении?

На первый взгляд, закрепление такого инструмента обеспечения надлежащего исполнения обязательств как неустойка в главе 23 Гражданского кодекса Российской Федерации на ряду с другими способами обеспечения обязательств наталкивает на мысль о том, что данный институт служит/ должен служить именно тем механизмом, первостепенной задачей и целью которого явля-

ется обеспечение надлежащего исполнения, принятого на себя стороной по договору обязательства. В свою очередь, не будем забывать о том, что само по себе **обеспечение это гарантия исполнения чего-либо**. А следовательно, по средствам включения в положения договора данного механизма, основное обязательство, как результат, ожидаемый от реализуемой сделки, при прочих равных условиях, не может быть не исполнен указанной стороной.

В действующем законодательстве, в статье 330 Гражданского кодекса Российской Федерации, дано понятие неустойки. В соответствии с данными нормами, неустойка это определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредиторю в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения. И как привило, в договорных (*обязательственных*) правоотношениях неустойка представляет собой штрафы и пени, выставяемые в адрес недобросовестной стороны по договору.

И на основании вышенаписанного, мы наблюдаем некую двойственность института неустойки.

Определениями Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 N 1365-О и Верховного Суда РФ от 09.01.2020 N 305-ЭС19-15922, также указывается на двойственность, рассматриваемого института. То есть, сам механизм неустойки определен как дающий стороне в обязательстве (*кредитору*) дополнительные гарантии на случай, если вторая сторона (*должник*) допустит со своей стороны нарушение принятых на себя обязательств и служит неким побуждающим средством для должного, своевременного исполнения последних. Также, в данных определениях, неустойка определена как одна из мер ответственности недобросовестной стороны (*должника*) за неисполнение или ненадлежащее исполнение принятых на себя обязательств. Она взыскивается в виде денежной суммы и своей регламентацией в договорных нормах должна способствовать (*призвана стимулировать, мотивировать*) сторону к исполнению основного обязательства¹. Также, на указанную двойственность указывает тот факт, что положения о неустойке закреплены нормами действующего законодательства и в главе 25 гражданского кодекса российской федерации «Ответственность за нарушение обязательств».

Но не кажется ли Вам, что описанная «двойственность» в действительности носит субъективный характер, по сути, не являясь таковой, а **побуждение, стимулирование и мотивация по своей природе не являются гарантией исполнения, принятых на себя сторонами обязательств?**

Так же, мы видим, что результат применения механизма неустойки, это денежная компенсация (защита имущественного интереса) за неисполнение основного обязательства, а не само безоговорочное его исполнение.

И ведь действительно, в процессе реализации договорных обязательств стороны в предпринимательской деятельности используют институт неустойки как превосходный санкционный /штрафной механизм восстановления как своих финансовых убытков, связанных с неисполнением стороной должником каких-либо обязательств (в том числе не связанных с исполнением основного обязательства по договору), так и как мера ответственности за просрочку исполнения обязательств. В настоящее время, в период постпандемийный, а также период постоянно меняющегося в сторону увеличения пакета санкционных ограничений в отношении Российской Федерации со стороны недружественных государств, просрочка исполнения обязательств субъектами предпринимательской деятельности с каждым днем

¹ Готовое решение: Неустойка: что это, для чего и как применить (КонсультантПлюс, 2023).

приобретает все более глобальные масштабы, и затрагивает буквально все аспекты предпринимательской деятельности и от «обеспечительного института неустойки» неустойка предстает в практике применения все больше в стопроцентный институт «мер ответственности за неисполнение обязательств». А ведь ответственность, это не гарантия исполнения основного обязательства. Уплата должником кредитору неустойки в виде штрафов и пени, выраженных в денежной форме не влечет исполнение основного обязательства, а за частую отодвигают его исполнение на более долгий срок или исключают исполнение основного обязательства вовсе, ведь в зависимости от размера штрафов и пени их уплата может потянуть за собой последствия для недобросовестной стороны в обязательстве в виде последующего банкротства. И это зачастую не связано с проблемой чрезмерного завышения размера договорной неустойки, а связано именно с длительностью неисполнения обязательств стороной, принявших на себя такое исполнение. И как отмечал О.С. Иоффе: «Гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей»² Его определение, как раз отражает правовую природу неустойки ни как обеспечительную, а как механизм ответственности стороны должника по договору. Но, еще А.П. Сергеев отмечал, что: «осознание должником своей обязанности уплатить неустойку в случае нарушения обязательства, стимулирует должника к надлежащему поведению, и в этом проявляется обеспечительный характер неустойки»³ В какой же степени позиция А.П. Сергеева относительно правовой природы неустойки находит свое отражение в практической сфере реализации обязательств субъектами предпринимательской деятельности?

Давайте обратим внимание на один интересный правовой нюанс рассматриваемого «инструмента обеспечения» надлежащего исполнения обязательств, который скрывается непосредственно в практике его применения, в процессе реализации обязательств сторонами предпринимательской деятельности:

При заключении договоров, в разделах «ответственность сторон» положения о неустойке применяются для «Обеих» сторон Договора в предпринимательской деятельности. Другими словами, как пример, неустойка в виде штрафов и пени, также накладывается не только на сторону должника, как исполнителя основного обязательства по договору, но и на *кредитора/ «Заказчика»* результата по договору, в случае неисполнения обяза-

² Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т III. Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С.141.

³ Сергеев А.П. Гражданское право. М: Проспект, 2010. 633 стр.

тельств по заключенному договору. В чем же, в данном случае, гарантия обеспечения основного обязательства исполнителем? Вероятно, в данном случае имеются ввиду встречные обязательства, от исполнения которых, допустим, кредитором зависит исполнение должником основного обязательства? Если разобрать данный нюанс по формальному принципу, используя прямое толкование употребляемой терминологии в практике применения, то мы видим, что стороны изначально используют институт неустойки ни как механизм обеспечения, а как меру ответственности, закрепляя ее положения в разделе «ответственность сторон». Далее, за пример возьмем ответственность самого кредитора за неуплату в установленных договором сроки стоимости *выполнения той или иной части работ/оказания услуг* в соответствии с предусмотренными условиями договора графика выполнения работ/оказания услуг. Кредитор становится должником, а должник по договору приобретает статус кредитора и имеет право требовать уплаты соответствующих процентов от стоимости работ/услуг по договору. Чем будет являться данная денежная сумма? Разумеется, не обеспечением исполнения. Ведь уплатив ее, первоначальный кредитор не обеспечивает исполнение основного обязательства, а стимулирует имущественный интерес первоначального должника в обязательстве, что является для последнего также не способом обеспечения основного обязательства. По мимо О.С. Иоффе, выражение ответственности через санкцию также присуще и концепции О.Э. Лейста, в которой не только проводится жесткая (прямая) связь между санкцией и ответственностью, но и определяется ответственность как реализация санкций⁴.

⁴ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М.: Изд-во МГУ. 1981. С.97.

На наш взгляд, закрепление положений о неустойке в главе 25 Гражданского кодекса Российской Федерации «Ответственность за нарушение обязательств» является наиболее полным и существенным отражением ее правовой природы и сути, нежели тот смысл, который заложен в главу 23 «Способы обеспечения обязательств». Ведь, именно практика применения, как раз и разрушает стереотип двойственного характера неустойки в пользу неустойки как четкой меры ответственности. Еще К.А. Анненков говорил о том, что «неустойка является средством укрепления, т.е. обеспечения, но не обязательств, а только договора⁵».

Сам по себе институт обеспечения обязательств, а именно его составная часть в виде неустойки, находила свое отражение аж в римском праве, через побуждение должника к своевременному исполнению под страхом невыгодных для него последствий в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств⁶. Но побуждение не может гарантировать исполнение.

Из проведенного нами анализа. можно сделать вывод о том, что рассматриваемые аспекты проблематики определения истинной правовой природы неустойки нуждаются в самостоятельном исследовании и имеют не только теоретический, но и непосредственно практический интерес, а в особенности, поиск ответа на вопрос: «является ли неустойка в действительности способом обеспечения исполнения основного обязательства?»

⁵ Анненков К.А. Система русского гражданского права. Том 3 «Обязательственные права». Спб., 1898. С. 243.

⁶ Коровяковский Д. Г. Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств // Бухгалтер и закон. 2006. №1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков К.А. Система русского гражданского права. Том 3. «Обязательственные права». Спб., 1898. С. 243.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В., Договорное право. Общие положения (книга 1). М.: «Статут», 2001.
3. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. М.: «Статут», 2002. 222 с.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право. М: Юрид. лит., 1975. 880 с.
5. Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут. 2014, С. 117–125.
6. Коровяковский Д.Г. Неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств // Бухгалтер и закон. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neustoyka-kak-sposob-obespecheniya-ispolneniya-obyazatelstv>.
7. Кошелев Б.Е. Значение неустойки в обеспечении обязательств в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Прикладная юридическая психология. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-neustoyki-v-obespechenii-obyazatelstv-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-uslug-dlya-obespecheniya-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh>.
8. Мельниченко Сергей Васильевич Проблемы применения банковской гарантии и неустойки в рамках договорного обязательства. // Юридические исследования. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeniya-bankovskoy-garantii-i-neustoyki-v-ramkah-dogovornogo-obyazatelstva>.
9. Суханов Е.А. Курс лекций по гражданскому праву. Особенная часть. Москва, 2001–2002.
10. Постановление Пленума ВС РФ от 22.12.2016 № 7 № О применении судами некоторых положений Гражданского Кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств. Раздел: Уменьшение неустойки судом. Ст. 333 ГК РФ. [Электронный ресурс]: // Консультант Плюс: справ. Правовая система. — Версия Проф. — Электрон. Ресурс. — М., 2019.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ДЕНЕГ С ПРИНЯТИЕМ №259-ФЗ

Комлев Александр Александрович

Аспирант,

Международный юридический институт, Москва

komlevalexander@gmail.com

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF DIGITAL MONEY WITH THE ADOPTION OF NO. 259-FZ

A. Komlev

Summary. The article discusses the problems of legislative regulation of digital money in Russia, which remained with the adoption of the new No. 259-FZ. The purpose of this law was to legalize cryptocurrencies, but in addition, it was its adoption that was supposed to allow regulating the cryptocurrency market and the use of the cryptocurrency itself by its participants. However, all those features of the cryptocurrency that distinguish it, for example, from the national currency, any regulation directs in two directions: in the first of them, part of the advantages of the cryptocurrency is leveled, and in the second, regulation is ineffective. Therefore, the presence of the law does not mean that there are no problems with the regulation of cryptocurrencies, and the increased interest in it only exacerbates these problems. For example, in this law, designed to regulate cryptocurrency, there is no definition of cryptocurrency itself, the closest concept here is a digital currency, which of course has its own distinctive features. Another problem of the adopted law was the issue of using cryptocurrencies as a means of payment, experts and those involved in the development of the law debated over it for a long time, in the end, the conclusion reached by the legislators turned out to be contradictory. The last highlighted problem was an attempt by the adopted law to deprive the cryptocurrency of its main advantage — deanonymization. Of course, it was this provision No. 259-FZ that became one of the key ones, which caused discontent among participants of the cryptocurrency market and the financial sector as a whole, which is somehow connected with this market. The totality of these problems was analyzed in the article, the main opinions of developers, regulators, and experts on the new law were highlighted, and further ways to improve cryptocurrency regulation were identified.

Keywords: digital money, cryptocurrency, digital ruble, No. 259-FZ, cryptocurrency regulation, digital money regulation, cryptocurrency regulation problems, cryptocurrency deanonymization, customer identification, digital financial assets.

Введение

Актуальность. Вопросы законодательного регулирования цифровых денег стали острыми с начала их появления. В России впервые о них услышали в 2008 году, тогда создатель криптовалюты Сатоши Накамато презентовал свою идею. Но внимание на нее обратили лишь в 2014 году, сделал это Центральный банк, который высказался довольно резко, сославшись

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы законодательного регулирования цифровых денег в России, которые остались и с принятием нового №259-ФЗ. Целью этого закона была легализация криптовалюты, но кроме того именно его принятие должно было позволить регулировать криптовалютный рынок и использование самой криптовалютой его участниками. Однако все те особенности криптовалюты, которые отличают ее, например, от национальной валюты, любое регулирование направляет в две стороны: в первой из них нивелируется часть преимуществ криптовалюты, а во второй — регулирование неэффективно. Потому наличие закона — не значит отсутствие проблем с регулированием криптовалюты, а повышенный интерес к ней эти проблемы лишь усугубляет. Например, в указанном законе, призванном регулировать криптовалюту, нет самого определения криптовалюты, наиболее близким понятием здесь является цифровая валюта, которая конечно же имеет свои отличительные особенности. Еще одной проблемой принятого закона стал вопрос об использовании криптовалюты как средства платежа, над ним долгое время дискутировали эксперты и причастные к разработке закона, в конечном итоге вывод, к которому пришли законодатели, оказался противоречивым. Последней выделенной проблемой стала попытка принятым законом лишить криптовалюту ее основного преимущества — это деанонимизация. Конечно, именно это положение №259-ФЗ стало одним из ключевых, что вызвало недовольство среди участников криптовалютного рынка и в целом финансового сектора, который так или иначе с этим рынком связан. Совокупность этих проблем и была проанализирована в статье, выделены основные мнения о новом законе разработчиков, регулятора, экспертов, определены дальнейшие пути совершенствования регулирования криптовалюты.

Ключевые слова: цифровые деньги, криптовалюта, цифровой рубль, №259-ФЗ, регулирование криптовалюты, регулирование цифровых денег, проблемы регулирования криптовалюты, деанонимизация криптовалюты, идентификация клиента, цифровые финансовые активы.

на то, что у криптовалюты отсутствует обеспечение, впрочем, как и юридически обязанные по ним субъекты. А после и вовсе назвал операции с ней спекуляцией [9]. Регулятор не просто выказал опасение, но и предостерег физических и юридических лиц, финансовые организации от использования криптовалюты для оплаты товаров или обмена на национальную или иностранную валюту. Здесь речь идет о статье 27 №86-ФЗ, согласно которой официальная валюта в России — это

рубль, а введение и выпуск денежных суррогатов находится под запретом [2].

Изученность проблемы. Проблемы регулирования криптовалюты или цифровой валюты рассматривали в своих трудах А.Д. Володина, В.Э. Потапова, Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов, А.М. Амирханов, О.Н. Щербакова и другие.

Целесообразность разработки темы обусловлена масштабом криптовалютного рынка и возможностью использования криптовалюты для действий вне закона. Потому государству важно научиться регулировать этот рынок и его участников.

Научная новизна. Выделены проблемы регулирования криптовалюты, которые с принятием нового закона №259-ФЗ решены не были, а некоторые и вовсе лишь обострились.

Целью исследования является анализ основных положений №259-ФЗ и выявление проблем регулирования криптовалюты.

Задачи исследования включают в себя анализ истории разработки и принятия №259-ФЗ, анализ мнений разработчиков закона, экспертов финансового сектора и участников криптовалютного рынка о текущих проблемах, которые закон решить не смог.

Теоретическая значимость исследования заключается в теоретическом анализе положений нового закона.

Практическая значимость заключается в возможности дальнейшей проработки выделенных проблем, что позволит усовершенствовать №259-ФЗ в части регулирования криптовалюты.

О регулировании криптовалюты в России долгое время речи не шло, с ней пытались бороться, активнее эта борьба исходила от самого регулятора. Но Министерство финансов с ним было несогласно. Это противоречие во взглядах отметил в свое время и Президент, попросив и ЦБ, и Министерство финансов прийти к общему мнению.

К общему мнению прийти не удалось, но Министерство финансов разработало законопроект, целью которого стала легализация криптовалюты. Безусловно, учитывая все особенности криптовалюты, такой законопроект не мог решить все проблемы регулирования, оставив нетронутыми преимущества криптовалюты, но в то же время защитив финансовый сектор, участников криптовалютного рынка и т.д.

Методология

Для того, чтобы рассмотреть все неразрешенные вопросы — проблемы законодательного регулирования

криптовалюты, необходимо изучить основные положения нового Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №259-ФЗ. Этот закон стал своего рода плодом труда Министерства финансов, которое преследовало цель не столько легализовать криптовалюту в стране, сколько начать ее регулировать. Методами исследования были выбраны общенаучные: анализ источников и систематизация информации.

Анализ основных положений принято начинать с анализа понятийного аппарата, но в случае с №259-ФЗ сделать это затруднительно: здесь нет понятия «криптовалюта» вообще, его заменили понятием «цифровая валюта», тождественность которых вопрос дискуссионный. За неимением иных более близких определений стоит остановиться именно на нем: итак, под цифровой валютой в законе имеется в виду «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), которые содержатся в цифровой системе» [3]. Это определение не содержит в себе положений о цифровых правах на криптовалюту, что безусловно делает невозможным определение правовой природы криптовалюты, а уже это делает практически невозможным судебную защиту прав на криптовалюту, хотя легализация криптовалюты подразумевает ее вывод в правовое поле и последующую возможность защищать интересы участников криптовалютного рынка в этом правовом поле.

Здесь же есть положение, включение которого видится нелогичным: так, оператор должен обеспечивать порядок выпуска электронных данных и «внесение/изменение записей в информационную систему», что абсолютно противоречит сути криптовалют — внести данные принудительно невозможно, система функционирует самостоятельно — в этом и есть суть технологии блокчейн и распределенных реестров.

Вторая проблема — это возможность использования криптовалюты как средства платежа. Над этим вопросом дискутировали долгое время.

В целом цифровые денежные средства, в том числе криптовалюта не может быть использована вне виртуального сообщества, для этого ее необходимо обменять на национальную валюту. В первой редакции законопроекта Министерство финансов планировало запретить использование цифровых валют в стране как средства платежа, они могли быть лишь инструментами для инвестирования. Однако после доработки законопроекта использование цифровых валют в качестве средства платежа стало возможным, но только по внешнеторговым контрактам [8].

Последняя редакция №259-ФЗ позволяет использовать криптовалюту и как средство платежа, и как инстру-

мент для инвестирования (статья 1). Но в то же время в статье 14 ни юридические, ни физические лица не имеют права принимать цифровую валюту как оплату за товары, работы, услуги [3]. Потому упоминание цифровой валюты как средства платежа в статье 1 №259-ФЗ и упоминание невозможности принимать ее в качестве средства платежа в статье 14 того же закона как минимум противоречиво, а в конечном итоге вызывает практические проблемы регулирования оборота криптовалюты на законодательном уровне.

Третья проблема — это отсутствие криптовалюты в перечне объектов гражданских прав. Так, последняя редакция статьи 128 Гражданского кодекса РФ гласит, что к таким объектам относятся следующие интересующие в рамках анализа цифровых денег объекты: наличные и безналичные денежные средства, цифровые рубли и цифровые права [1]. Отсутствие криптовалюты в этом перечне затрудняет защиту прав и даже правовую квалификацию дел с криптовалютой.

В российской правовой системе денежные средства относятся либо к материальным вещам — это касается наличных денег, либо к правам требования к банкам и другим участникам финансовой системы — это касается безналичных, электронных денег. Криптовалюту ни к чему из перечисленного отнести нельзя. Потому вопрос правового характера криптовалюты остается открытым, так как закрепить за ней абсолютное право, если оно не предусмотрено законом — то есть, если криптовалюты нет в перечне объектов гражданских прав, невозможно (согласно принципу *numerosus clausus*).

Четвертая проблема регулирования криптовалюты с принятием анализируемого №259-ФЗ лишь обострилась. Попытка Министерства финансов и регулирующих органов в целом лишит криптовалюту ее основных преимуществ, которые и отличают криптовалюту от других форм денежных средств.

Здесь речь идет о деанонимизации.

Криптовалюта была создана для того, чтобы осуществлять платежи анонимно, именно с этой целью компанией DigiCash была разработана криптографическая система еще в конце 20 века. Этим цифровые деньги — криптовалюта отличается от тех же электронных денег, кто процесс идентификации обязателен. Анонимность обеспечивается за счет ряда отличительных факторов: например, децентрализованный характер — цифровые деньги не имеют единого эмитента.

Регулятор, выступая против легализации криптовалюты, всегда делал акцент на том, что анонимность может стать причиной, по которой участник криптовалютного рынка может быть вовлечен в деятельность, противоре-

чащую законодательству РФ, например, в легализацию доходов, которые были получены преступным путем, и даже в финансирование терроризма. С одной стороны такие опасения вполне оправданы, но с другой — именно анонимность делает криптовалюту привлекательной для инвесторов.

Вообще позиция Центрального банка всегда была и остается негативной в отношении криптовалюты. Понимая, что интерес к цифровым денежным средствам растет, была разработана концепция цифрового рубля, который должен был стать заменой криптовалюты, но более безопасной как для самих инвесторов, так и для финансового сектора. Конечно, цифровой рубль значительно отличается от криптовалюты, причем эти отличия касаются фундаментальных особенностей криптовалюты, среди них, например, такие:

- в отличие от децентрализованного характера криптовалюты цифровой рубль будет эмитироваться самим регулятором, соответственно вопросы анонимности отпадают;
- в отличие от криптовалюты, которую согласно одной статье как средство платежа использовать можно, а согласно второй — нет, цифровой рубль должен стать дополнительной формой национальной валюты, соответственно и принимать его в качестве средства платежа на территории страны было бы обязательным, причем использовать их можно не только онлайн, но и офлайн [14].

То есть ЦБ попытался предложить замену, исключив все те свойства криптовалюты, которые не позволяли ее регулировать.

Министерство финансов выступило за регулирование криптовалюты, приняв позицию, согласно которой то, что опасно, необходимо регулировать — «подчинять», а не запрещать, так как запреты в полной мере обеспечить попросту невозможно, запреты неэффективны.

Казалось бы, позиция Министерства финансов соответствует запросу криптовалютного рынка, однако предложенный законопроект сделал ровно то, что пытался сделать регулятор, введя цифровой рубль и запретив криптовалюту.

Согласно статье 14 интересы юридических и физических лиц в отношении цифровой валюты могут быть защищены в суде только в том случае, если все сведения об обладании цифровой валютой, о сделках с ней эти лица сообщают в соответствующие органы (здесь акцент делается на законодательстве о налогах и сборах) [3]. То есть для того, чтобы защитить свои права на криптовалюту участникам криптовалютного рынка необходимо себя деанонимизировать, что противоречит самой сути криптовалютного рынка в целом.

Любые операции с криптовалютой стали возможны только при идентификации клиента. Это стало реальным потому, что такие операции возможны отныне лишь через банки и банковские счета — без них ввести или вывести криптовалюту попросту невозможно. То есть, идентификация согласно законопроекту двухуровневая: сначала на уровне оператора, а после на уровне банка. Помимо прочего, любые подозрительные операции и информация о них должна была передаваться в Федеральную службу по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

В конечном итоге, если целью Центрального банка изначально был запрет криптовалюты, так как регулировать то, что отличается децентрализованным характером, анонимностью, практически невозможно, то Министерство финансов, разрабатывая законопроект с задачей «легализовать», в конечном итоге лишило криптовалюту всех ее преимуществ, без которых для большинства инвесторов привлекательность ее теряется.

Конечно, лишение преимуществ стало следствием только тех участников криптовалютного рынка, которые нуждаются и ставят цель — иметь возможность защищать свои интересы на правовом уровне. В ином же случае криптовалютный рынок может оставаться нелегализованным, то есть использование криптовалюты может и дальше происходить без деанонимизации, однако в этом случае возможностей правовой защиты своих интересов участникам этой части криптовалютного рынка ждать, согласно текущему законодательству, не стоит.

Заключение

Подводя итог, можно с уверенностью заявить, что правовое регулирование криптовалюты и цифровой валюты в целом в российской правовой системе с принятием №259-ФЗ не стало таким эффективным, как это необходимо в современных реалиях. Законодательство скорее лишает криптовалюту преимуществ, что может негативно сказаться на российском секторе криптовалютного рынка.

Это вполне объяснимо тем, что регулировать то, что отличается децентрализованным характером, анонимностью операций и сделок, практически невозможно. Для этого требуются совершенно иные подходы, которые сегодня законодатели не рискуют применять, так как такие подходы совершенно новы, не опробованы и влекут за собой определенные последствия, предсказать которые достаточно сложно, ввиду новизны и небольшого практического опыта.

Однако это не говорит о том, что принятый закон — не решение проблемы правового регулирования криптовалюты. Конечно, он в текущей редакции решить все эти проблемы не может. Но даже его наличие — это первый шаг к разрешению вопросов правового регулирования криптовалюты на российском рынке, а при должной его доработке выявленные в ходе статьи проблемы могут быть решены или сглажены, что позволит не только развивать криптовалютный рынок в России, но и использовать все его преимущества во благо российского экономического сектора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) в редакции от 24.07.2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 7.08.2023)
2. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» №86-ФЗ в редакции от 24.07.2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 29.07.2023)
3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №259-ФЗ в редакции от 14.07.2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 19.07.2023)
4. Амирханов А.М. Цифровая валюта как объект гражданских прав: правовая природа и современное нормативно-правовое регулирование // Экономика, право, общество сегодня. — 2023. — С. 181–188.
5. Володина А.Д. Национальные цифровые валюты: цифровой рубль и мировой опыт // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — №47. — С. 530–537.
6. Глусь К.Г. Цифровые валюты центральных банков: мировой опыт и перспективы развития // Развитие финансового рынка. — 2023. — С. 111–115.
7. Громова Е.В. Особенности и недостатки цифрового рубля // Современные информационные технологии в социальной сфере. — 2023. — С. 13–16.
8. Доработки законопроекта о криптовалюте Министерством финансов РФ: основные сведения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/27/05/2022/6290d6af9a79474116f553bc> (дата обращения: 7.08.2023)
9. Информация Банка России «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, «Биткоин» от 27.01.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/70574620/> (дата обращения: 1.08.2023)
10. Лютиков С.В. Правовое регулирование оборота цифровой валюты в экономической модели формата блокчейн // Актуальные проблемы науки. — 2023. — С. 1006–1022.
11. Рождественская Т.Э. Цифровая валюта: особенности регулирования в РФ // Правоприменение. — 2021. — №1. — С. 58–67.
12. Федаш А.А. Проблемы и перспективы внедрения цифрового рубля // Управление рисками. — 2023. — С. 117–121.
13. Федотова А.А. Цифровой рубль и цифровой юань: новая реальность платежных систем // Актуальные вопросы цивилистики. — 2023. — С. 116–123.
14. Цифровой рубль. Концепция Банка России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 2.08.2023)
15. Щербакова О.Н. Цифровая валюта и экономическая безопасность финансовой системы // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы. — 2022. — С. 205–210.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА СБЫТА, ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

STATE-LEGAL REGULATION OF THE SALES MARKET, CONSUMPTION OF ALCOHOLIC BEVERAGES IN THE RUSSIAN EMPIRE: MAIN ASPECTS

A. Kotelnikov

Summary. The article examines the historical experience of combating drunkenness and popular inebriation on the territory of the Russian Empire, in particular, the main aspects of the regulatory regulation of the alcoholic beverages market are presented. The main milestones of the evolution of state policy in the field of protection of a sober lifestyle, the implementation of the drinking reform and its main results are shown. During the period of the wine monopoly, the state took serious steps to prevent drunkenness and protect the population from uncontrolled consumption of alcohol. The relevance of the research topic is due to the need to improve the regulatory framework aimed at combating drunkenness and its prevention in modern Russia.

Keywords: guardianship of people's sobriety, the Complete Collection of laws of the Russian Empire, the alcohol market, legal regulation, drunkenness, wine monopoly, the Russian Empire, drinking reform.

Котельников Алексей Дмитриевич

Аспирант, Уфимский государственный нефтяной
технический университет
alexeykotelnikov1@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт борьбы с пьянством и народной нетрезвостью на территории Российской империи, в частности, представлены основные аспекты нормативно-правового регулирования рынка алкогольной продукции. Показаны основные вехи эволюции государственной политики в сфере защиты трезвого образа жизни, проведение питейной реформы и ее основные итоги. В период действия винной монополии государство предприняло серьезные шаги для профилактики пьянства и ограждения населения от бесконтрольного потребления спиртного. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования нормативно-правовой базы, направленной на борьбу с пьянством и его профилактикой в современной России.

Ключевые слова: попечительство о народной трезвости, Полное собрание законов Российской империи, рынок алкогольной продукции, нормативно-правовое регулирование, пьянство, винная монополия, Российская империя, питейная реформа.

В Российской Федерации, особенно в последнее десятилетие, наблюдается масштабная социальная проблема, связанная со стремительным ростом объемов потребления алкогольной продукции населением. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), число умерших от причин смерти, только лишь непосредственно связанных с алкоголем (отравление, самоубийство, цирроз печени, болезни почек), составило 47300 чел. в 2021 г., из них более 70 % — население в трудоспособном возрасте [1]. Совершается огромное число преступлений в состоянии алкогольного опьянения: убийств, нанесения тяжких телесных повреждений, ограблений, изнасилований и угонов. По заявлению Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2021 г. около 25 % всех преступлений в стране было совершено лицами, находящимися в нетрезвом состоянии и опьянении различной степени тяжести [2]. Между тем показатель розничной продажи только крепкой алкогольной продукции в 4 квартале 2022 г. составил более 27,6 млн декалитров [3]. Для 3 квартала 2016 г. аналогичный показатель был равен 18,3 млн декалитров [4]. Согласно данной статистике за последние 6 лет рост объемов потребления составил 50,8 %.

Предпринимаемые государством меры по борьбе с пьянством (ограничение розничной продажи по времени и месту, запрет рекламы в средствах массовой информации, контроль за качеством производимого и поступающего в оборот алкоголя, пресечение незаконной продажи) являются «мягкими» и недостаточными, учитывающая всю серьезность проблемы и её масштаб.

Для решения поставленной проблемы необходим кардинальный пересмотр законодательства. Следует активно привлекать широкие слои общественности для решения архисложной и острой социальной проблемы борьбы с алкогольной зависимостью и её профилактики. Россия накопила ценный исторический опыт, от которого нельзя отказываться сегодня [5].

Методологической основой научного исследования стали принципы историзма и объективности. Необходимо всестороннее и объективное изучение поставленной проблемы. Для кропотливого исследования, взвешенного анализа, систематизации и классификации законодательной базы, собранной в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), использовались хронологический и историко-типологический методы.

Исторические исследования на тему пьянства и его профилактики в Российской империи проводились многими отечественными учеными. Например, следует отметить научные труды А.Г. Быковой «Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века (2012), А.В. Николаева «Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории» (2002), И.А. Шевченко «Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне центра России в конце XIX — начале XX вв.» (2015) и И.Н. Афанасьева «Борьба государства и общества за народную трезвость в России 1861–1914 гг. (на примере Новгородской губернии)» (2011). Научная новизна данной статьи заключается в том, что в ходе исследования был проведен комплексный разбор и анализ нормативно-правовых актов Полного собрания законов Российской империи по изучаемой проблеме. Это позволило выделить ряд преимуществ и недостатков правительственных мер того времени по борьбе с пьянством и его профилактикой, проследить эволюцию рынка сбыта и потребления алкогольной продукции и оценить итоги питейной реформы с правовой точки зрения.

Борьба с пьянством и его профилактика на протяжении всей истории российского государства была крайне неоднозначной и противоречивой. В течение долгого периода времени правительство рассматривало алкоголь как один из основных источников пополнения государственного бюджета для финансирования масштабных строительных, развития отечественного производства, содержания армии и флота, преодоления кризисов. Интересы державы ставились выше нужд народонаселения, которое страдало от пагубного воздействия спиртного и как следствие нищеты, сокращения продолжительности и качества жизни, падения нравственности и моральных устоев.

Например, в 1811 г. государственной казной было получено средств от продажи алкоголя на рекордные 38 млн руб. Следует отметить, что вся Отечественная война 1812 г., включая сожженную Москву, принесла убытков на 155 млн руб. В период же Крымской войны (1853–1856 гг.), когда произошло колоссальное сокращение экспорта товаров в европейские страны, налоговые поступления от продажи алкоголя составляли более 120 млн руб. [6].

Первые законы и постановления, касающиеся профилактики алкоголизма и борьбы с пьянством и закрепленные на общегосударственном уровне, появились в конце XVII в. Так, Именной указ «О неторговании на торжках крепкими напитками» был издан 4 января 1682 г. В нем говорилось о запрете продажи крепкого алкоголя на ярмарках для предотвращения возможных беспорядков [7, с. 368].

Попытки искоренения пьянства и усиление контроля за оборотами алкоголя проводил Петр I. Например, Именной указ «О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо; о ведении оных Посольскому приказу и об уничтожении зелейных лавок» опубликован 22 ноября 1701 г. для пресечения бесконтрольного распространения спиртных напитков. Закон содержал сведения об открытии в Москве аптек для торговли лекарственными средствами и о строгом запрете на продажу в данных заведениях алкогольной продукции [8, с.177].

В дополнение к вышеизложенным мерам Указ «О заведении под караул празднующихся людей» подписан Сенатом 20 июня 1718 г. и повелевал задерживать всех, кто находился после захода солнца в нетрезвом состоянии на улицах для предотвращения преступлений и волнений. Запрещалось укрывательство незаконных торговцев спиртными напитками. Виновных привлекали к административной ответственности в виде штрафов и принудительных работ [9, с.577].

Русская православная церковь при поддержке Святейшего Синода также стремилась оградить простой народ от пагубного влияния спиртного. Указ «О запрещении продавать в кабаках вино и питья во время крестного хождения и литургии при монастырях и приходских церквях и о непозволении кулачных боев» был принят 11 июля 1743 г. Постановление, подписанное лично императрицей, запрещало продавать спиртные напитки во время крестного хождения при монастырях и приходях в церковные праздники до завершения литургии [10, с.847]. Указом «Об уничтожении заведенных на водоходных судах кабаков на реке Неве» от 3 апреля 1757 г. велено закрыть навсегда все питейные заведения на р.Неве для сокращения мест, торгующих алкогольными напитками, и сохранения здоровья граждан [10, с.754].

С конца XVIII в. активно развивалась экономика причерноморских губерний. В ходе русско-турецких войн Российская империя получила выход к Черному морю и, следовательно, возможность открытой морской торговли. Это дало мощный толчок для роста числа заводов, фабрик и земледельческих угодий. Все это стимулировало приток рабочих и крестьян на данную территорию. Указ императора Александра I «О небытии при соляных Крымских озерах питейным домам», оглашенный Министром внутренних дел 27 октября 1808 г., был направлен на защиту рабочих соледобывающих предприятий Крымского полуострова от пьянства и разорения. Император обязал Губернатора Таврического строго следить за исполнением вышеизложенного Указа, «чтобы за точным исполнением такого постановления наивернейше было наблюдаемо, дабы отнюдь ни малейшего не произошло из онаго злоупотребления, в противном же случае виновные подвергнутся всей строгости законов» [11, с.652].

Продолжались мероприятия по надзору за правильным ходом торговли алкогольными напитками. Правительствующий Сенат, выслушав доклад Министра финансов о необходимости усилить контроль за деятельностью трактирных заведений, издал Указ «О возложении на Земские Полиции иметь наблюдение за правильностью продажи питей в уездных трактирных заведениях» от 15 июня 1828 г. [12, с.626].

Население страны начали наделять правом самостоятельно определять будут ли открыты в городах и селах питейные заведения. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О предоставлении всем вообще селениям, где не производилось питейной продажи в последнее время, отказываться от такой продажи и на будущее время» издано 9 декабря 1885 г. В документе сказано, что сельские общины могут отказываться от постройки в их населенных пунктах заведений для торговли алкогольными напитками. Присутствия по питейным делам не могут препятствовать этому требованию [13, с.499]. Это был первый серьезный шаг на пути пробуждения народной сознательности и активной гражданской позиции в борьбе с народной нетрезвостью.

Однако все принимаемые меры носили эпизодический характер и не решали проблему алкоголизации населения, которая с каждым годом лишь усугублялась. Принятие локальных нормативно-правовых актов не могло дать должного эффекта. Кроме того, чрезмерное сокращение объемов потребляемого спиртного было крайне невыгодно для правительства. Анализ статистических данных Российской империи XIX в. дает возможность оценить долю акцизных доходов в государственную казну. Так, за период 1865–1890 гг. бюджетные поступления от акцизов на спиртное выросли с 126,7 до 269,4 млн руб в годовом исчислении [14, с.75].

Только к концу XIX в. правительством стал осознаваться истинный масштаб социальной проблемы, когда алкоголизм прочно укоренился в большей части необразованных и уязвленных слоев населения. В долгосрочной перспективе виделось падение экономических показателей, производительности труда, демографический кризис и моральное разложение.

Проведение в 1894 г. питейной реформы положило начало масштабной антиалкогольной кампании. Так, Государственный Совет рассматривал в 1894 г. положения Проекта о казенной продаже питей, выдвинутого Министром финансов С.Ю. Витте. Совет счёл уместным внедрить винную монополию на территории российских губерний и направил императору ходатайство удовлетворить данное предложение. Немало пунктов этого закона касалось мер по профилактике и борьбе с распространением алкогольной зависимости. Высочайше утвержденное Положение о казенной продаже питей было подписано 6 июня 1894 г. [15, с.404].

Основными причинами введения государственной винной монополии были попытки увеличить налоговые поступления от производства и продажи спиртного, «неправильное устройство питейного дела в России» и борьба с народной нетрезвостью [16].

Спустя 3 года Министр финансов Российской империи С.Ю. Витте в циркуляре №3451 от 19 сентября 1897 г. особо отметил, что питейная реформа преследовала две цели: снабдить отечественный рынок качественным алкоголем и создать такие условия торговли, при которых будет оказываться минимальное влияние на нравственность и благосостояние населения [17, лист 37]. Иными словами, государственная политика в сфере нормативно-правового регулирования рынка алкогольной продукции не преследовала цели полностью исключить потребление спиртных напитков населением. Правительство понимало, что резкое сокращение доходов казны от акцизных и патентных сборов негативно отразится на состоянии экономики. Однако это был первый серьезный шаг в российской истории, направленный на пресечение бесконтрольного распространения спиртных напитков и упорядочение деятельности алкогольного рынка.

Правительство, поддерживая позицию С.Ю. Витте, стремилось усилить борьбу с алкоголизмом на территории империи и привлечь к этой проблеме прогрессивные слои общества. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об учреждении Попечительств о народной трезвости в губерниях и областях, в коих вводится казенная продажа питей, до срока введения сей продажи» принято 17 февраля 1897 г. Согласно этому нормативно-правовому акту Министр финансов имел право учреждать в губерниях и областях, где вводится казенная продажа питей, Попечительства о народной трезвости и «отпускать означенным Попечительствам, со времени их учреждения, ассигнуемые из казны на их расходы суммы» [18, с.64].

Таким образом, правительство подготовило нормативно-правовую базу, регулиующую создание и функционирование Попечительств о народной трезвости в губерниях. Попечительства открывались последовательно, начиная с центральных областей империи. По представлению Министра финансов в 1897 г. для пресечения нарушений правил торговли спиртными напитками, пропаганды здорового образа жизни, профилактики алкогольной зависимости, отвлечения населения от пьянства и привлечения в свои ряды частных лиц, спонсоров и общественных организаций Попечительства о народной трезвости учреждались в Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Олонецкой и Харьковской губерниях и г. Санкт-Петербурге [18, с.681–683]. Аналогичные постановления были приняты для Царства Польского и ряда других губерний: Воро-

нежской, Курской, Ставропольской, Черноморской, Курляндской, Лифляндской и Эстляндской.

Обязательными членами Губернских и Уездных попечительств о народной трезвости являлись преимущественно чиновники Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей и местные предводители дворянства. Малую часть составляли частные лица, крестьяне, учителя и мещане, которым было дано лишь совещательное право.

Реализация программы отрезвления населения осуществлялась путем учреждения чайных-читален, библиотек, театральных представлений и музыкальных вечеров, выпуск периодических изданий, рассказывающих о вреде алкоголя.

Опираясь на сведения из «Отчетов главного управления неокладных сборов», можно заключить, что потребление алкоголя на душу населения сократилось с 0,62 ведра сорокаградусного спирта в 1887 г. до 0,5 ведра в 1903 г. [19]. Однако экономическая отдача от питейной реформы была более внушительная. Акцизные доходы в период действия винной монополии составляли около 47% государственного бюджета Российской империи [14, с.76].

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. До конца XIX в. в российском государстве отсутствовала сильная нормативно-правовая база по регулированию рынка алкогольной продукции, борьбе с пьянством и его профилактикой. Период существования Российской империи характеризуется прямой зависимостью государственного бюджета от акцизных и патентных сборов. Следует отметить, что введение винной монополии и политика С.Ю. Витте только усилила эту зависимость. К положительным моментам питейной реформы 1894 г. следует отнести создание единой законодательной базы, регламентирующей порядок производства и продажи алкогольной продукции, значительный прогресс в деле борьбы с пьянством и его профилактикой. Винная монополия характеризуется сокращением потребления спиртного на душу населения, поступлением на рынок качественного алкоголя. Однако идея приобщения частных лиц и общественных организаций к делу Попечительств о народной трезвости не удалось реализовать в полной мере, так как ведущая роль в управлении их деятельностью принадлежала преимущественно чиновникам государственного аппарата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Росстат озвучил показатели смертности от алкоголя за год [Электронный ресурс]. URL: <https://yarsmi.ru/2022/10/11/rosstat-ozvuchil-pokazateli-smernnosti-ot-alkogolya-za-god/> (дата обращения: 20.05.2023).
2. МВД назвало долю преступлений, совершенных в нетрезвом состоянии [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211020/prestupleniya-1755354897.html> (дата обращения: 19.05.2023).
3. Сведения об объеме и доле розничных продаж крепкой алкогольной продукции по ЕГАИС в разрезе субъектов Российской Федерации за 4 квартал 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://fsrar.gov.ru/files/27509_42022.pdf (дата обращения: 19.05.2023).
4. Сведения об объеме и доле розничных продаж крепкой алкогольной продукции по ЕГАИС в разрезе субъектов Российской Федерации за 3 квартал 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <https://fsrar.gov.ru/files/3kv2016.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
5. Галиуллина С.Д. Попечительство как форма государственной службы // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»: научный журнал. Тамбов, 2012. № 9 (113). С.327-332.
6. Водка и власть [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/economy/vodka-i-vlast-11696/> (дата обращения: 21.05.2023).
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 2.— СПб., 1830.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 4.— СПб., 1830.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 5.— СПб., 1830.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 14.— СПб., 1830.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 30.— СПб., 1830.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 3.— СПб., 1830.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 5.— СПб., 1887.
14. Кучер В.В., Гулина Н.С. Государство, финансы и алкогольный рынок в истории России // Сибирская финансовая школа. 2006. № 2. С. 73–78.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 14.— СПб., 1898.
16. Быкова А.Г. Казенная винная монополия в 1895/1904–1914 гг.: некоторые аспекты проблемы // Омский научный вестник. 2006. №8. С. 222–225.
17. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), Фонд И-131, Описание 1, Дело 162.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 17.— СПб., 1900.
19. Фридман М.И. Винная монополия. В 2 т. Т.2. Петроград, 1916, 628 с.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ЗАПРЕТ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мосс Фируза Асифовна

Соискатель, Томский государственный университет

fruza_adygezalo@mail.ru

PREVENTIVE SIGNIFICANCE OF THE CRIMINAL RULE AIMED AT PROHIBITION OF INVOLVEMENT OF A MINOR INTO COMMITMENT OF A CRIME

F. Moss

Summary. Increasing the preventive potential of a rule of the current criminal law will be facilitated by a mandatory assessment by the preliminary investigation authorities and the court, influence of adults on a minor who has committed a crime alone or within a group, including a group of adults, which either is currently absent or is of a formal nature. Another reason for a low preventive potential of the rule is inconsistent and extremely soft practice of imposing a punishment for commitment, Art. 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. By analyzing the practice of proceedings of this category of cases, some common mistakes made by the courts are referenced when a moment of commitment (completion) of a crime and modus operandi are determined.

Keywords: juvenile delinquency, crime control, judicial practice, classification of crime, mistakes.

Аннотация. Повышению профилактического потенциала рассматриваемой нормы уголовного закона будет способствовать обязательная оценка органов предварительного расследования и суда влияния взрослых лиц на несовершеннолетнего, совершившего преступление в одиночку либо в группе, в том числе в группе со взрослыми, которая в настоящее время либо отсутствует, либо носит формальный характер. Другой причиной низкого профилактического потенциала нормы является непоследовательная и чрезмерно мягкая практика назначения наказания за совершение ст. 150 УК РФ. С помощью анализа практики рассмотрения этой категории дел, приведены некоторые распространенные ошибки, допускаемые судами, при установлении момента окончания преступления и способа совершения преступления.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности, судебная практика, квалификация преступления, ошибки.

Статистические показатели преступности несовершеннолетних демонстрируют нам на протяжении последних лет неуклонное снижение количества совершенных несовершеннолетними преступлений. Особенности снижения преступности несовершеннолетних в России являются возрастающее число абсолютных и относительных показателей рецидивной преступности, большое количество несовершеннолетних, состоящих на учетах в органах системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, а также растущее число нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних.

Одной из уголовно-правовых мер борьбы с преступностью несовершеннолетних является установление запрета на вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления. Появление в законе рассматриваемой нормы, позволило привлекать взрослых лиц, негативно влияющих на несовершеннолетних с целью совершения последними преступления. Однако профилактический потенциал рассматриваемой нормы правоприменителем используется не в полную силу.

Анализ судебной практики показывает, что все уголовные дела, по ст. 150 УК РФ, возбуждаются после совершения несовершеннолетними преступления.

Положительным моментом рассмотрения уголовных дел судами, является то, что уголовное дело в отношении несовершеннолетнего в большинстве случаев рассматривается в отдельном производстве. Положительным это обстоятельство является в силу того, что исключается психологическое влияние взрослого лица на несовершеннолетнего в судебном заседании. При анализе судебной практики нам встречалось несколько уголовных дел, где обвиняемый несовершеннолетнего возраста показывал в судебном заседании о том, что взрослое лицо не вовлекло его в совершение преступления. Суд в этом случае совершенно обоснованно на наш взгляд, указывал при вменении взрослому лицу в вину ст. 150 УК РФ, то, что несовершеннолетний преследует желание уменьшить вину взрослого лица, испытывая страх перед взрослым в силу превосходства в возрасте, физической силе, интеллектуального развития и авторитета. Кроме того, в отдельном судебном заседании в полной мере могут быть использованы все средства защиты несовер-

шеннолетнего лица. Выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство судом чаще всего связано с дальнейшим освобождением несовершеннолетнего от уголовной ответственности или наказания по нереабилитирующим основаниям либо с применением воспитательных мер воздействия в связи с совершением менее опасного преступления. В случае, когда совершено более опасное преступление, за совершение которого несовершеннолетнему грозит назначение наказания в виде реального лишения свободы, уголовное дело в отношении взрослого и несовершеннолетнего лица чаще всего рассматривается судами в одном производстве.

Другим негативным обстоятельством является тот факт, что следственными или судебными органами по делам о преступлениях несовершеннолетних вообще не проводится проверка версии о влиянии на несовершеннолетнего, совершившего преступление, взрослых лиц. Суды не реализуют собственного права в собирании доказательств в этой части, ограничиваясь обвинительным заключением, в котором действия взрослых лиц при совместном с несовершеннолетними совершении преступления квалифицируются лишь по правилам соучастия.

Отсутствие должного внимания к этой причине преступности несовершеннолетних, а также ошибки в квалификации влекут за собой негативные последствия.

Не смотря на то, что Пленум ВС РФ в п. 42 закрепляет обязанность суда выяснять характер взаимоотношений между взрослым и несовершеннолетним, совершивших совместное преступление, не каждый приговор, постановленный в отношении взрослого совершившего преступление совместно с несовершеннолетним, но не квалифицированный по ст. 150 УК РФ, содержит такую оценку суда. А если и содержит, то такая оценка не информативна и носит формальный характер. На наш взгляд, любой промежуточный или итоговый документ по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего лица, совершившего преступление в одиночку или в группе, в том числе смешанной группе с участием взрослых лиц, должен содержать оценку органа предварительного расследования или суда о влиянии на него взрослых лиц. Установление такого обязательства позволила бы уменьшить и без того высокую латентность преступности несовершеннолетних.

В приведенном нами выше постановлении Пленума ВС РФ есть две нормы, направленные на повышение профилактического значения рассматриваемой нормы. Первая норма относится к преступлениям, совершенным взрослыми в соучастии с несовершеннолетними, вторая — к преступлениям, совершенными несовершеннолетними. О первой речь шла выше. Пункт 44 Пленума

закрепляет обязанность суда по каждому уголовному делу о «совершении преступления несовершеннолетним устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению им преступления, не оставлять без реагирования установленные в судебном заседании недостатки и упущения в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учебных заведений и общественных организации, выносить частные определения (постановления) с указанием конкретных обстоятельств.»

Невыполнение указанных выше требований Постановления Пленума ВС РФ о проверке версии возможного влияния взрослых лиц на несовершеннолетних приводит к искаженным данным о преступности несовершеннолетних, поскольку не выявляются подлинные причины и условия, подтолкнувшие конкретного несовершеннолетнего на совершение преступления, а это в свою очередь не позволяет выработать действенные меры по предупреждению преступности несовершеннолетних. Другим негативным последствием является то, что ст. 150 УК РФ и уголовное наказание, предусмотренное за ее совершение, не применяется к конкретному виновному.

Если предположить что все случаи вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, нашли свое отражение в преступности несовершеннолетних, то опираясь на количественные показатели преступлений, совершенных несовершеннолетними, в 2022 году и количестве уголовных дел, возбужденных по ст. 150 УК РФ, то удельный вес несовершеннолетних, совершивших преступление в результате вовлечения ими в совершение преступления составит с учетом округления всего 4%. Однако в криминологической литературе приводятся данные выборочных исследований, согласно которым, каждое третье преступление несовершеннолетнего — следствие вовлечения его в преступную деятельность взрослым. По данным Г.М. Миньковского в 1960 году 20–30% несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, совершили преступление под влиянием прямого подстрекательства взрослых [2.С.32]. Еще чаще вовлечение несовершеннолетних взрослыми наблюдается при наиболее распространенных преступлениях несовершеннолетних — кражах и хищениях (более чем в половине случаев [3.С.34]).

Другой причиной низкого профилактического потенциала уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 150 УК РФ, является ее не последовательная и чрезмерно мягкая практика назначения наказания. Не смотря на большую общественную опасность действий взрослых лиц, направленных на приобщение и участие несовершеннолетних в преступлении, большинство из них приговариваются к неоправданно мягким мерам наказания.

Среди наказаний, назначаемых виновным за совершение рассматриваемого нами преступления, нам встречались судебный штраф, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы, в том числе условно. Средний размер штрафа составляет 8 тыс. рублей, лишение свободы не превышает 2 лет лишения свободы в 80 % случаях и назначается в качестве условной меры наказания. К примеру, в 1965–1966 годах этот показатель был равен 67% вместе с ограничением свободы [4.С.20].

В связи с изложенным выше, представляется необходимым высказать мнение по некоторым вопросам практики применения ст. 150 УК РФ.

Состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ, считается оконченным с момента, когда взрослое лицо совершило действия, направленное на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. При этом, совершения преступления несовершеннолетним не требуется для констатации оконченного состава преступления. Перенос окончания совершения преступления на более раннюю стадию связано в первую очередь с высоким профилактическим значением нормы, заложенной в нее законодателем. Таким образом, рассматриваемый состав относится нами к усеченным.

Основным аргументом против является то, что на практике не доказуемо вовлечение, в результате которого несовершеннолетний не совершил преступления. Судебная и следственная практика действительно не знает случаев, когда уголовное дело по ст. 150 УК РФ возбуждалось бы отдельно, а не в совокупности с преступлением, в которое был вовлечен несовершеннолетний. Тем не менее, законодательно и доктринально ограничивать сферу применения рассматриваемой нормы означает необоснованно сужать область уголовно-правовой охраны несовершеннолетних.

Следование этому принципу не позволило бы привлекать к ответственности виновных, совершивших вовлечение несовершеннолетнего в одно преступление, а по факту осужденного в результате эксцесса исполнителя за другое преступление [5.С.710].

К сожалению, указанный тезис разделяют не все судьи. Изучая практику, нам встретились уголовные дела, в которых виновный предлагал совершить преступление сразу нескольким несовершеннолетним лицам, одни из которых соглашались совершить преступление, другие — нет. На предварительном следствии и в судебном заседании наличие вовлечения в отношении несовершеннолетних, которые отказались совершать преступление, доказано показаниями самого обвиняемого и показаниями очевидцев вовлечения. Однако ни следователь, ни прокурор, ни суд, описывая совершенное

виновным деяние, не вменяет в вину совершения вовлечения в отношении этих несовершеннолетних, ограничиваясь лишь теми, кто в итоге совершил преступление. На наш взгляд, такое положение дел нельзя признать удовлетворительным, и отвечающим охране прав несовершеннолетних.

При расследовании и судебном разбирательстве должен быть установлен способ вовлечения. Не полностью или неправильно установление способа совершения преступления встречается более чем в половине рассмотренных нами уголовных дел. Зачастую встречаются случаи игнорирования такого способа совершения преступления как предложение, в то время как таким способом совершается 95 % случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления. Другим распространенным случаем выступает обещание, которое чаще всего выражено в получении материальной выгоды в результате совершенного преступления. Суд расценивает способ обещания с точки зрения приобретения какой-либо материальной выгоды для самого несовершеннолетнего или для третьих лиц. К примеру, суд квалифицировал обещание взрослого лица, что если их поймают, что она возьмет все на себя, как иной способ, а не обещание [6].

Указание на такой способ совершения преступления как угроза содержится помимо ч. 1 ст. 150 УК РФ, еще и в ч. 3 этой же статьи. На первый взгляд можно сделать вывод о существовании конкуренции рассматриваемых двух норм. Однако под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления путем угроз (ч. 1 ст. 150 УК РФ), на наш взгляд, следует понимать предупреждение вовлекаемого несовершеннолетнего о различных неблагоприятных последствиях для него или его близких в случае отказа от совершения преступления: причинить имущественный вред, уничтожить имущество несовершеннолетнего, распространить позорящие сведения о несовершеннолетнем и прочее. В ч. 3 ст. 150 УК РФ речь идет конкретно об угрозе применения насилия, как физического вреда телу несовершеннолетнего. Например, угроза нанесения побоев, причинения вреда различной тяжести, угрозу истязания, изнасилованием, насильственных действий сексуального характера, угрозу похищением или угрозу лишения свободы.

Упоминание два раза угрозы как способа совершения одного преступления, в разных частях статьи уголовного закона влечет ошибки в правоприменительной практике. На наш взгляд термин угроза в уголовном законе должен применяться исключительно в значении угрозы применения насилия и не должен толковаться правоприменителем широко. Иные действия, оказывающие информационное воздействие на организм человека с целью нарушения его психической неприкосновенности, необходимо обозначить другим термином, напри-

мер, понуждением. К видам психического понуждения авторы учебника уголовное право [7.С.188] относят имущественную угрозу, шантаж и др. Действия, составляющие содержание понуждения, не подавляют, а лишь ограничивают волю потерпевшего для того, чтобы заставить последнего действовать определенным образом.

Субъектом рассматриваемого преступления является лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Общественная опасность отрицательного влияния на несовершеннолетних со стороны взрослых лиц обусловлена различным уровнем их интеллектуального и физического развития, индивидуальными чертами характера, присущими каждой возрастной категории правонарушителей. Несовершеннолетние так же могут негативно влиять на своих сверстников, вовлекая других подростков в преступную деятельность или иные антиобщественные занятия. Ведущей деятельностью в несовершеннолетнем возрасте выступает установление интимно-личных отношений со сверстниками. Такие отношения могут возникать, в том числе по поводу совершения ими преступления. Случаи вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления несовершеннолетними встречаются гораздо чаще, чем взрослыми. Об этом свидетельствуют, в том числе, криминологические исследования возраста лиц, привлекаемых уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ, в соответствии с которыми разница в возрасте между вовлекаемым и вовлекающим составляет 2–3 года в 30 % случаях. В силу действия этой психолого-возрастной особенности несовершеннолетних влияние одних несовершеннолетних на других не обладает внутренним свойством общественной опасности.

Традиционно круг преступных деяний несовершеннолетних, представлен ограниченным набором статей УК РФ, и сами эти преступления менее опасные, чем при вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность взрослыми. К примеру, в судебной практике нам встретилось уголовное дело, в котором несовершеннолетний вовлекался в совершение незаконной рубки лесных насаждений [8], преступление, не тради-

ционное для преступности несовершеннолетних. Для совершения указанного преступления требуется определенная организация преступной деятельности с использованием специального оборудования, транспорта. В других преступлениях, действия подростков, не возглавляемые взрослыми обычно не так дерзки, их поступки менее уверенные.

На общественную опасность вовлечения несовершеннолетним несовершеннолетнего влияет так же способность сопротивления несовершеннолетнего попыткам вовлечения в преступную деятельность, которая увеличивается или уменьшается в зависимости от субъекта вовлечения: несовершеннолетнее лицо или взрослое. Несовершеннолетний слепо не повинуются своим сверстникам, более самостоятельно принимает решение о своем участии или неучастии в преступлении. Здесь речь идет обычно о совместном совершении преступления, а не о вовлечении в чистом виде.

В подавляющем большинстве случаев взрослый вовлекатель и несовершеннолетний вовлекаемый были ранее знакомы. Продолжительность и характер знакомства при этом может быть различным: старшие товарищи из числа знакомых в месте проживания, в школе, родители, иные родственники. По данным нашего исследования, в 50 % случаев вовлечения малолетнего лица в преступление, виновным взрослым лицом является его родитель. Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 150 УК РФ, совершенное педагогом, на практике не встретилось нам ни разу.

Всецело полагаясь на оптимистические показатели преступности несовершеннолетних, было бы ошибочным прекращать или ослаблять борьбу с преступностью несовершеннолетних. Ухудшение ее качественных показателей требует дальнейшей активизации борьбы в этом направлении. Совершенствование судебной практики в этой связи играет важную роль по устранению причин и условий еще продолжающихся преступлений несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 01 фев. 2011 г. №1: (ред. от 28 окт. 2021 г.) // КонсультантПлюс: из справ. правовая система. Версия Проф. М., 2021. Режим доступа: локальная сеть Науч.б-ки Том. гос. ун-та.
2. Миньковский Г.М. Некоторые вопросы изучения преступности несовершеннолетних // Предупреждение преступности несовершеннолетних: сб. ст. — М. — 1965. — 287 С.
3. Расулев А.А. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность: на материалах УзССР: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Расулев. — Ташкент, 1980. — 169 С.
4. Миньковский Г. Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность — важное направление профилактической работы / Г. Миньковский, Л. Каневский // Советская юстиция. — 1967. — № 18. — С. 20–21.
5. Определение ВС РФ от 21.12. 2006 № 33-06-54 Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / [сост.: Разумов С. А., Иванова И. Н.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева. — 3-е изд., перераб. и доп.. — Москва: Юрайт, 2011. — 1253 с.

6. Приговор Шарангского районного суда Нижегородской области № 1-1/2022 от 22 февраля 2022 по делу № 1-1/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. — [Б.м.], 2023. — URL:<https://sudact.ru> (дата обращения 18.05.2023)
7. Уголовное право Общая часть: учебное пособие: для студентов, бакалавров, магистрантов, аспирантов, преподавателей юридических вузов / А.Г. Антонов, О.А. Беларева, М.Т. Валеев и др.; под общ. Ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера; Нац. Исслед. Том. Гос. ун-т. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. — 599 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000533651>
8. Приговор Александровского районного суда Томской области №1-14/2018 от 18 мая 2018 г. по делу 1-14/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. — [Б.м.], 2023. — URL:<https://sudact.ru> (дата обращения 18.05.2023)

© Мосс Фируза Асифовна (furuza_adygezalo@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ КАК ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

THE LEGAL NATURE OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION AS AN INSTITUTION OF CIVIL LAW

E. Nuiskov

Summary. In the era of modernity, freedom of speech and information, protecting the honor and dignity of individuals, as well as maintaining an entrepreneurial image, become critically important. The Russian legal system in particular is built on fundamental respect for individual human rights and freedoms. However, we are faced with problems when legal issues are identified that the law is not able to resolve due to the obsolescence of existing legislation. Protecting the honor and business image of enterprises and private entrepreneurs is in the foreground. One of the results of this change was the rules on individual rights and their protection, which are built into sectoral laws.

Keywords: institute of civil law, business reputation, honor, dignity, civil protection, non-material benefits, moral harm, respect and recognition in society.

Нуисков Евгений Вячеславович

Аспирант,

Российский университет кооперации, Мытищи

evgenynuiskov@yandex.ru

Аннотация. В эпоху современности, свободы слова и информации, защита чести и достоинства отдельных личностей, а также поддержание предпринимательского имиджа становятся критически важными. Российская система права, в частности, построена на коренном уважении к отдельным правам и свободам человека. Однако мы сталкиваемся с проблемами, когда выявляются правовые вопросы, которые закон не способен решить из-за устаревания существующего законодательства. Защита чести, делового имиджа предприятий и частных предпринимателей находится на переднем плане. Одним из результатов такого изменения стали нормы об индивидуальных правах и их защите, которые встроены в отраслевые законы.

Ключевые слова: институт гражданского права, деловая репутация, честь, достоинство, гражданско-правовая защита, разграничение, правоприменительная практика, не материальные блага, моральный вред, уважение и признание в обществе.

В наше время, когда цифровая экономика и информационные технологии играют ключевую роль, проблемы сохранения деловой репутации, чести и достоинства становятся особенно важными. В условиях беспрецедентного расширения информационного пространства усиливается воздействие на имидж как индивидуумов, так и организаций. Любая негативная информация, быстро распространяющаяся через сеть Интернет, СМИ и другие телекоммуникационные средства связи и могут нанести серьезный ущерб не только авторитету и доброму имени, но и материальной стороне любого бизнеса или профессии. При этом правовых механизмов регулирования данных отношений часто оказывается недостаточно. Заслугу тщательного анализа имеет юридическая сущность достоинства, чести и деловой репутации как элементов института гражданского права. Это способствует формированию эффективных методик предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций, связанных с порчей деловой репутации.

Согласно специализированным подсчетам, сегодня мы имеем около 200 различных определений понятия «честь», что подразумевает возможность сформулировать примерно ту же самую количество определений относительно правового института в данном контексте. В этом обзоре мы сосредоточимся на ключевых, фундаментальных характеристиках чести и достоинства, ко-

торые могут стать отправной точкой для последующих научных и практических исследований.

Целью статьи является разработка вопросов определения и интерпретации понятия и терминологии определяющих сущность и содержание достоинства и чести лица, формулировка теоретико-методологических положений и практических выводов с учетом современных реалий и действующего законодательства России, конкретизация в этом контексте действенных правовых средств и механизмов их воплощения и реализации, а также разработка и внесение предложений по совершенствованию отечественного законодательства в сфере регулирования личных неимущественных отношений.

Задачи изучения гражданского права включает в себя анализ таких ключевых компонентов как честь, достоинство и деловая репутация, с целью установления их юридической сущности. С момента начала демократического преобразования в России, особенно в области законодательства, произошло множество судебных процессов, связанных с защитой личного достоинства, деловой репутации и чести от клеветнических утверждений и распространения ложной информации. Это в основном коснулось высокопоставленных государственных служащих, политических деятелей, представителей бизнес-сообщества, военных и других публичных персон [1].

Судебные процессы, связанные с обороной человеческой чести, достоинства и деловой репутации, стали все более популярными, как подтверждает современная практика. Однако, Курбатов отмечает, что эти дела часто проходят в более замкнутом формате и редко вызывают широкий общественный отклик. Что касается защиты от клеветы, то здесь наблюдается определенная предвзятость. Интересно, что этот тренд заметен не только среди известных личностей, но и обычных граждан.

Судебная система России уже применяет некоторые установленные прецеденты в области защиты чести, достоинства и деловой репутации как граждан Российской Федерации, так и иностранцев. Это стало возможным благодаря формированию этих прецедентов в современной законодательной системе страны. Впрочем, следует также остановиться на такой современной проблематике, как недостаточность, а в некоторых случаях и отсутствие норм законодательства, регламентирующей особенности обеспечения защиты указанных права, а также не совершенной правовой доктрины. Подчеркивание и расширение гражданского законодательства, в основном, для защиты чести, достоинства и деловой репутации от незаконной и недостоверной информации и посягательств является ключевым шагом для выхода из текущего положения. Кроме того, увеличение ответственности за такие нарушения прав делает обсуждаемую тему актуальной [2].

Россия провозгласила себя правовым демократическим государством, ориентированным на защиту своих граждан. Однако последствия исторического авторитаризма в правовой системе России негативно сказываются на ее демократическом развитии. Построение правового демократического государства — это главная цель, которой должны быть подчинены законодательная и судебная системы. В современный период развития российского демократического правового государства возникла потребность в формировании правового механизма, который бы гарантировал эффективное регулирование существующих в нем отношений в соответствии с требованиями современного развития государства, достижения экономического и социального прогресса, основой которых является гармоничное развитие лица и гражданина в сочетании с системой обеспечения его субъективных прав и интересов [3].

Анализ научных исследований проблематики по вопросам защиты достоинства и чести, деловой репутации человека свидетельствует о том, что демократические ценности и права свободы лица рассматриваются преимущественно в российском правовом пространстве в аспекте охранной функции права. Текущая динамика не отражает полностью правового положения индивидуальных нематериальных прав в контексте современной реальности Российского государства. Эти права не толь-

ко поддерживают социальное существование человека, но и играют ключевую роль в обеспечении соблюдения конституционных требований по уважению к личности, защите его чести, достоинства и деловой репутации. Такая правовая характеристика предполагает воплощение и реальное обеспечение защиты достоинства и чести гражданина в условиях нормальной жизнедеятельности ее носителей, а не только в случае несоблюдения и нарушения упомянутых выше принципов.

Для придания общественным отношениям устойчивости и неизбылемости, правового порядка, и тем самым выполнения их основного назначения, нужны новейшие приемы и современные демократические средства правового влияния. Эти факторы обуславливают актуальность исследуемой проблематики, и необходимость комплексного научного рассмотрения.

«Честь» — это понятие, которое имеет различные интерпретации среди ученых. Вот некоторые из них: это восприятие обществом индивидуальных качеств человека, которые сопряжены с положительной оценкой; это набор высших моральных принципов, универсально признанных и следуемых человеком в общественной жизни и личной жизни; это социальное воплощение индивидуальности; это оценочное суждение о человеке и его социальной значимости; это позитивное общественное восприятие моральных качеств определенной персоны (также известное как репутация или реноме); и, наконец, это общественная оценка социальных, этических и духовных атрибутов индивидуума [4].

С позиции индивидуального восприятия, преимущество представляет собой субъективную апробацию моральных, духовных и физических качеств, которые не обусловлены принадлежностью к определенной социальной структуре или занимаемому положению в обществе. То есть, понимая достоинство как личное неимущественное благо, следует характеризовать его также как естественную, культурную категорию, имеющую общественное значение, что отражается на особенностях режима их использования и охраны [5].

Таким образом, возникновение отношений по защите достоинства и деловой репутации осуществляется при наличии следующих юридических фактов:

- информация, которая распространена;
- информация, порочащая достоинство и честь, деловую репутацию человека или наносит ущерб его интересам;
- информация недостоверна, то есть та, которая не соответствует действительности или изложена неправдиво.

В российском действующем законодательстве нет специального закона, который действительно защищал бы и регулировал соответствующие отношения [6].

Неизбежно, большая власть и полномочия, которыми обладают публичные лица, могут способствовать возникновению коррупции. И учитывая печальную историю коррупционных скандалов в РФ, недоверие к политикам часто оказывается вполне оправданным.

Однако, часто случается так, что обобщенное отрицательное восприятие политиков приводит к тому, что любая негативная информация, даже если она происходит от сомнительного источника или не подтверждена, быстро «прилипает» к публичной персоне. Это навсегда портит репутацию и не оставляет политику возможности избавиться от негативного шлейфа в будущем.

В эпоху цифровизации, проблема сохранения своей репутации достигла нового уровня критичности. В наше время, когда старый твит может лишить вас работы, восприятие репутации стало другим. Все, что мы или кто-то другой публикует о нас в сети, оставляет цифровой след, который может стать причиной проблем в будущем. Распространение информации стало простым, но проверка ее достоверности стала сложнее, чем когда-либо. Много уже сказано о свободе слова, важности доступа или распространения информации.

В эпоху «фейковых новостей» и «постправды», задача определения границ между свободой высказывания и защитой репутации, между свободой слова и разжиганием ненависти, между агрессивным сбором данных и приватностью личной жизни, становится одной из самых сложных и значимых. В будущем, нам предстоит написать тысячи страниц на эту тему [7].

Учитывая реальность, когда никто не может быть уверен, что не станет следующей жертвой информационной манипуляции, когда годы благородных поступков могут быть разрушены одной негативной статьей или даже эмоциональным сообщением, распространенным массово в интернете, мы решили исследовать существующие механизмы защиты от подобных угроз.

Прежде всего, давайте погрузимся в изучение юридических средств, которые предоставляет нам Российское законодательство, чтобы понять, с чем нам придется иметь дело и в каких границах мы можем действовать.

В данном контексте наше исследование ограничено. Есть правовой термин, известный как «диффамация», который в юридических системах разных стран описывает распространение реальной или выдуманной информации, умаляющей честь, достоинство и деловую репутацию человека или организации [8].

Однако в Российском законодательстве не существует ни одного законодательного акта, который бы регулировал диффамацию. Ближайшим аналогом этого поня-

тия можно считать «клевету», но на данный момент нет и регулирования клеветы.

До 2001 года в уголовной нормативной базе России клевета рассматривалась как умышленное преступление, подлежащее частному обвинению, хотя были и определенные исключения из этого правила. Однако с внедрением нового кодекса эта статья была исключена. Этот шаг был положительно воспринят Парламентской ассамблеей Совета Европы. Ведь в странах с низким уровнем доверия к правительству и юридической системе, подобных России, криминальная ответственность за клевету может создавать угрозу для журналистов-расследователей и способствовать манипуляциям с законодательством для целей преследования активистов и прочее. По этой причине, европейские властные и правозащитные структуры в настоящее время относятся одобрительно к декриминализации подобных уголовных статей [9].

Однако, когда мы начинаем анализировать и сопоставлять установленные законы в различных уголках мира, нельзя не заметить, что налицо доминирование уголовного наказания за клевету.

Отчет ОБСЕ по результатам глубокого анализа действующих законов, контролирующих диффамацию, подчеркивает, что средства массовой информации все еще подвергаются уголовной ответственности за диффамацию в регионах деятельности ОБСЕ с определенной частотой. Особое внимание вызывают Южная Европа (включая Грецию, Италию, Португалию и Турцию), Центральная Европа (особенно Венгрия), Центральная Азия и Азербайджан, где проблема остается особенно злободневной. Кроме того, даже в странах, которые обычно узнаются как лидеры в защите свободы прессы, например, в Дании, Германии и Швейцарии, время от времени происходят осуждения журналистов.

В ОБСЕ присутствуют девять стран, главным образом из Западной Европы, которые предусматривают более строгие меры в отношении клеветы, когда она направлена против государственных служащих. Еще 15 стран ОБСЕ закрепили уголовную ответственность за оскорбление должностных лиц, связанное в большинстве случаев с их служебной деятельностью.

Исследовательский отчет указывает, что, несмотря на явное противоречие с принципами демократии, общественного контроля и подотчетности, в почти половине стран-участниц ОБСЕ существует специальная защита репутации и чести главы государства. При этом, наказание за клевету и оскорбление в этих случаях обычно значительно более суровое, особенно в монархиях Западной и Северной Европы, а также в Центральной Азии.

Вместо того чтобы следовать проверенным правовым стратегиям других стран, Россия, как обычно, пошла своим уникальным путем. В стремлении к либерализации и смягчению законодательства, Российский законодатель решил не углублять и улучшать существующие регламенты, не шлифовать терминологию и не добавлять ясности в сложные концепции, которые определяют границу между реальностью и эмоциями. Вместо этого, он просто удаляет или сокращает существующие нормы [10].

Таким образом, была аннулирована третья часть статьи 277 Гражданского кодекса России, включающая так называемую «презумпцию недостоверности отрицательной информации». Раньше доказательство достоверности информации, подвергающейся обвинению в диффамации, лежало на авторе материала. Этот автор, вместе с лицом, распространяющим информацию, могли быть ответчиками в судебном процессе по опровержению недостоверной информации [11].

В наши дни людям, столкнувшимся с распространением неверной информации о себе и желающим отстоять свою репутацию, основной опорой являются ст. 32 Конституции и ст. 297, 299 Гражданского кодекса России, которые касаются защиты чести, достоинства и деловой репутации [12].

Они гарантируют каждому гражданину право обжаловать в суде ложную информацию о себе и своих близких, а также требовать удаления любых данных, а также компенсации за материальный и моральный ущерб, вызванный сбором, хранением, использованием и распространением таких ложных данных.

Указанные нормы имеют общий характер и свидетельствуют, скорее всего о гуманистической их направленности, с целью ограничить, в первую очередь неправомерных действий со стороны государственного аппарата. Понятно, что неправомерное вмешательство в личную жизнь человека, например, незаконная слежка, прослушивание телефонных разговоров, личной переписки через интернет-ресурсы и другие телекоммуникационные средства связи, прежде всего исходит от государственных спецслужб. Впрочем, все эти неправомерные действия нарушают право на неприкосновенность личной жизни и в наименьшей степени касаются прав защиты человека в честь и доброе имя.

Неоднозначность и узость законодательной сферы, вместе с отсутствием конкретизации понятий и терминов, а также преимущественное использование морально-этических аспектов, обуславливают сложность рассмотрения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также о опровержении ложной информации. Эти вопросы относятся к наиболее трудным в рам-

ках гражданского судопроизводства. Тем не менее, обращение в суд для защиты своего имени становится первым решением, которое приходит в голову тем, кто стал объектом распространения неправдивой информации.

В реальности, в случае диффамационного спора, инициатор обычно вынужден самостоятельно доказывать недостоверность информации, повлекшей за собой ущерб его деловой репутации.

В наше время, кроме законов, которые были упомянуты ранее, судебная практика также служит основой для решения подобных споров. Этот подход основывается преимущественно на решениях, принятых Европейским судом по правам человека [13]

Помимо этого, следует усилить внимание на анализе того факта, является ли распространяемая информация субъективным мнением.

В соответствии с прецедентной судебной практикой Европейского суда по правам человека, которая трактует положения статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, право на свободу выражения мнения является неотъемлемым. Ответчик имеет право высказывать собственные взгляды, убеждения и оценочные суждения, которые могут включать критическую оценку определённых фактов и недостатков. Согласно этому, суд не может проверить соответствие этих высказываний реальности, как это возможно при проверке истинности фактов. Это можно объяснить тем, что такие суждения и взгляды являются субъективными и, следовательно, не могут подлежать судебной защите в отличие от объективных фактов. Это стало ясно в феврале 2009 года.

а) процесс передачи информации при условии, что, хотя бы один человек получает ее любым доступным методом;

б) передаваемая информация относится к конкретному человеку или организации, другими словами, к заявителю;

На основании представленной информации, действия могут быть развернуты следующим образом:

- определите, не является ли распространяемая о вас недостоверная информация критическим мнением.
- создайте корпус доказательств о том, что данные были раскрыты или переданы как минимум одному индивидууму.
- займитесь подбором фактов, подтверждающих, что информация непосредственно связана с вами.
- соберите аргументы, подтверждающие, что распространяемые данные являются ложью.

— подтвердите, что распространяемая информация нарушает ваши нематериальные права [14].

Если вы столкнулись с проблемой клеветы, подготовка доказательств может быть непростой задачей, требующей большого количества усилий. Это необходимо для увеличения вероятности успешного иска, иначе его исход может быть неуверенным.

Однако, в Российской судебной системе, такого рода дела считаются одними из самых сложных. Решения по ним часто принимаются на усмотрение судьи, что ведет к подаче апелляций в вышестоящие судебные инстанции и к требованиям о пересмотре вынесенного решения.

Возможно, стоит обсудить почему публичные личности привлекают такое внимание и имеет ли смысл рассматривать их как отдельную группу при обсуждении вопросов защиты их чести, достоинства и профессиональной репутации. Когда индивидуум решает включиться в политическую или общественную деятельность, он неизбежно должен понимать, что его действия и слова будут подвержены публичной критике и детальному анализу, что является своего рода добровольным и осознанным ограничением его прав.

Учитывая высокое недоверие общества, а также простоту распространения ложной информации благодаря Российским законам, предвзятое представление о виновности чаще всего обрушивается на головы публичных персон. При этом, вопрос ущерба репутации стоит особняком среди других нарушений гражданских прав, поскольку существует очевидный дисбаланс между причиненным ущербом и возможной компенсацией.

Публикации, опровергающие распространенную информацию, или предоставленные права на ответ, часто являются сомнительной победой. Ведь не все могут увидеть это опровержение, а те, кто увидят, могут не изменить свою точку зрения, уже укоренившуюся в общественном мнении. Более того, негативные или скандальные новости гораздо быстрее и шире распространяются, чем положительные или нейтральные.

Соккрытие информации, изъятие и уничтожение печатных изданий часто не приносит пользы, так как это не оказывает влияния на тех, кто уже успел ознакомиться с данными и может в дальнейшем передавать их другим.

Определенную роль в судьбе политика играет его популярность, и распространение недостоверной информации часто используется как эффективная тактика политической агитации для ослабления соперника. В конечном итоге, это может стать причиной окончания карьеры политика.

Важность общественной или публичной деятельности несомненна, но это сложная и нелегкая работа. Отсутствие доверия со стороны общественности может быстро привести к разочарованию, как со стороны общества в отношении определенного лица, так и с точки зрения деятеля, который начинает сомневаться в необходимости заниматься сложным и неприятным для него делом.

Общество, утратившее интерес к выяснению истины, может упасть в ловушку обобщений, позволяя пессимистическим мнениям, таким как «все плохи» или «все одинаковы», испортить общественный дискурс. Это может привести к искажению языка и смысла, что становится большой проблемой в стране, которая постоянно заявляет о необходимости обновления политического панорама. Разрыв этого замкнутого круга и создание безопасного дискурса возможно только путем стимулирования общественного интереса к истине, отказа от обобщений и дифференциации серого поля Российской политики на спектр оттенков от белого до черного [15].

Разумно предположить, что превентивная защита чести, достоинства и деловой репутации, заключающаяся в предотвращении бесконтрольного распространения сомнительной информации, может быть легче осуществима. В поддержку этой цели можно предложить детальное регулирование, включающее ряд ключевых пунктов:

- определение границы между изложением фактов и высказыванием мнений и взглядов;
- установление допустимых ограничений критики публичных фигур;
- критерии для определения общественной значимости распространяемых сведений;
- конкретизация ответственности за намеренное распространение диффамационных сообщений [16].

Важность детального регулирования такого института как диффамация неоспорима, учитывая, что она может проявляться не только в распространении недостоверной информации. Также важно учитывать, что даже правдивые данные могут стать инструментом диффамации, если они относятся к личной или семейной тайне.

В концептуальном плане институт чести, достоинства и деловой репутации в гражданском праве открывает новые перспективы развития. Это связано с необходимостью более эффективного учета социальных изменений, вызванных динамично меняющимся информационным пространством. В этом контексте особую актуальность приобретает защита нематериальных благ в интернет-среде.

С учетом цифровизации общества возрастает необходимость создания адекватной системы защиты че-

ловеческого достоинства, чести и деловой репутации в рамках гражданско-правового регулирования. Существующие механизмы зачастую выглядят неэффективными и требуют комплексного подхода для модификации.

Будущее развитие данного института может быть связано с активным использованием предписательных способов защиты: проактивные меры по предотвращению нарушения прав заказчика, возможность обратиться к суду с требованием о запрещении определенных действий или бездействий. Может оказаться полезным введение института предупреждения о нарушении, позволяющего оперативно реагировать на возникновение угрозы порчи деловой репутации.

Существенным направлением в развитии института гражданского права становится подкрепление его материального содержания. Ставки здесь делаются на обогащение нормативной базы в отношении защиты чести и достоинства, а также расширения сферы действия этих норм.

В целом, перспективы развития данного института связываются с необходимостью повышения эффективности механизмов защиты имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резер Т.М., Кузнецова Е.В., Лихачев М.А. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина // Издательство Уральского университета 2021 №3. 110 с.
2. Ралько В.В., Чуденкова Л.Д. Личные неимущественные права в системе гражданского права // Ученые труды РААН. 2020 г. №1.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СПС КонсультантПлюс
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС КонсультантПлюс
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // СПС КонсультантПлюс
7. Барсуков А.Г. Понятие чести, достоинства и деловой репутации // Интернаука. — 2019. — №. 13–2. — С. 19–21.
8. Колбасин Д.А. Теоретико-правовая характеристика определенности и защиты чести, достоинства, деловой репутации физических и юридических лиц. — 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://elib.amia.by/bitstream/docs/2152/1/190_2018_2.pdf (дата обращения: 16.10.2023)
9. Сербин М.В., Сербина Л.А. Основные направления совершенствования гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития. — 2019. — С. 30–32.
10. Барсуков А.Г. Понятие чести, достоинства и деловой репутации // Интернаука. — 2019. — №. 13–2. — С. 20.
11. Гражданское право. Общая и особенная части: учебник / под общ. ред. Р.А. Курбанова. — Москва; Проспект, 2023. С. 27.
12. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Норма, 2023. С.44.
13. Ралько В.В., Чуденкова Л.Д. Личные неимущественные права в системе гражданского права // Ученые труды РААН. 2020 г. №1.
14. Сафаров А.К. К вопросу о соотношении понятий «честь» и «достоинство» // Вестник Московского университета МВД России. № 1. 2021. С. 60.
15. Актуальные проблемы гражданского права: учебник для магистратуры / под ред. Р.В. Шагиевой. — Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2022. — 444 с.
16. Зенин, И.А. Гражданское право. Общая часть / И.А. Зенин. — М.: Юрайт, 2019. — 434 с.

© Нуисков Евгений Вячеславович (evgenynuiskov@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ КАТЕГОРИИ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Нуисков Евгений Вячеславович

Аспирант,

Российский университета кооперации, Мытищи

evgenynuiskov@yandex.ru

EVOLUTION OF THE CATEGORY OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS

E. Nuiskov

Summary. This article is devoted to the evolution of such important categories of legal and philosophical categories as honor, dignity and business reputation. In the German philosophical and legal tradition, a distinction is made between internal and external honor. These categories originated in ancient times. Only citizens of the ancient states where they lived could have honor and dignity. Many ancient Greek philosophers devoted a lot of space to issues of human dignity. Thus, Aristotle connects issues of law and personal dignity. Following the law consists of valor and dignity. Roman law regulated issues of protection of honor and dignity. Responsibility for violation of these benefits was established in the Laws of the XII Tables and other acts. The development of commodity-money relations in Ancient Rome contributed to the emergence of a business reputation. Responsibility for violation of honor, dignity and business reputation was established. In the Middle Ages, honor and dignity depended on a person's class status. During the Renaissance and Enlightenment, thinkers put forward the idea that the honor and dignity of an individual depend not on legal status, but on the personal qualities of a person. The concept of business reputation developed with the development of capitalism and the improvement of civil legal relations. Society's understanding of honor and dignity is reflected in Russian and Soviet classical literature. In the 19th century in Russia, such an extrajudicial method of protecting honor and dignity as a duel has become widespread. Personal dignity has become one of the foundations of human rights and freedoms, which is reflected in international legal acts.

Keywords: category, vocation, status, Institute of Law, personal dignity, merchant, honor, reputation, responsibility.

Аннотация. Настоящая статья посвящена эволюции таких важных категорий правовых и философских категорий как честь, достоинство и деловая репутация. В немецкой философской и правовой традиции различают внутреннюю и внешнюю честь. Эти категории зародились ещё в древности. Честью и достоинством могли обладать только граждане античных государств, где они проживали. Многие древнегреческие философы посвятили немало места вопросам достоинства человека. Так, Аристотель связывает вопросы закона и достоинства личности. В следовании закону состоит доблесть и достоинство. Римское право регулировало вопросы защиты чести и достоинства. Была установлена ответственность за нарушение этих благ в Законах XII таблиц и других актах. Развитие товарно-денежных отношений в Древнем Риме способствовало появлению деловой репутации. Была установлена ответственность за нарушение чести, достоинства и деловой репутации. В средние века честь и достоинство зависели от сословного положения человека. В эпоху Возрождения и Просвещения мыслители выдвинули идею о том, что честь и достоинство личности зависят не от правового статуса, а от личных качеств человека. Понятие деловой репутации развивалось с развитием капитализма, совершенствованием гражданских правоотношений. Понимание в обществе чести и достоинства нашло своё отражение в русской и советской классической литературе. В XIX в. в России получил распространение такой внесудебный способ защиты чести и достоинства как дуэль. Достоинство личности стало одним из основ прав и свобод человека, что нашло своё выражение в международно-правовых актах.

Ключевые слова: категория, призвание, статус, институт права, достоинство личности, купец, честь, репутация, ответственность.

Введение

Институт защиты чести, достоинства и деловой репутации является одним из важнейших в российском гражданском праве. Развитие средств массовой информации, перенос их в сеть Интернет, необходимость защиты нарушенных нематериальных благ делает настоящую проблематику актуальной. Целью настоящей статьи является показать эволюцию категорий честь, достоинства и деловая репутация. Данной теме

посвящено немало статей российских исследователей. В настоящей статье использована иностранная литература по данной проблематике. Эти категории рассматриваются через призму произведений отечественной художественной литературы. Лучшие её произведения ярко отразили взгляды на честь и достоинство в российском обществе на протяжении многих веков. Вклад настоящего исследования в теорию и практику заключается в том, что полученные результаты могут оказать влияние на расширение представлений о взглядах

на упомянутые категории в исторической перспективе и в других странах.

Методология

В работе использованы диалектический, исторический и хронологический методы научного исследования.

С точки зрения отечественной юридической науки честь — это общественная оценка личности, а достоинство — это её самооценка. Деловая репутация гражданина определяется характеристикой его профессиональной деятельности [1, с. 1].

В немецкой традиции бывает внутренняя честь, которой человек обладает и обычно стремится ее сохранить, и внешняя честь, которая в первую очередь вручается как публичное признание заслуг со стороны других членов сообщества. Но, она могла быть и изъята обществом (остракизация), что приводило к бесчестью (позору, объявлению вне закона) или «социальной смерти» (через убийство личности, лишение гражданских прав и т.п.). В определенных случаях возможна защита или восстановление чести, реабилитация — ранее в поединке, сегодня путем отзыва или исправления заявления в смысле публичного заявления о чести. Таким образом, концепция чести представляет собой как историческую идеальную систему норм, так и концепцию, которая может интерпретироваться по-разному в конкретных социальных функциональных контекстах и контекстах действий.

Внешняя честь могла существовать без внутренней, то есть слава без чести, например, когда речь идет о ложном «человеке чести». «А Брут — человек честный!» — вроде бы лестная, но на самом деле ироничная характеристика убийцы Цезаря в надгробной речи Марка Антония в «Юлии Цезаре». И наоборот, внутренняя честь человека может процветать тайно, не признаваясь и не ценясь публично [12, S. 6-7].

Деловая репутация юридического лица — это нематериальное благо, представляющее совокупность экономических, информационных и правовых элементов, формируемое в результате деятельности юридического лица, выражающее сложившееся в отношении него положительное или отрицательное общественное мнение [2, с. 10].

В своём развитии категории чести, достоинства и деловой репутации прошли длинный путь. Взгляды философов и правоведов различных эпох на эти категории претерпели значительные изменения. Представления первобытных людей о достоинстве и чести определялись объективными условиями человеческого суще-

ствования. В античных обществах только гражданин мог обладать честью и достоинством [3, с. 6–7].

Древнегреческие мыслители уделяли немало место взаимоотношению закона и чести и достоинства. По мнению Аристотеля, цель законодателя состоит в том, чтобы не только наказывать тех, кто совершает постыдные поступки, но и уважать тех, кто совершает красивые поступки: кто не оставляет своего поста, не бежит, не бросает оружия, а также тех, кто благогазумы.

Согласно Геродоту, войска Леонида подчинились закону (nomos), когда они пережили опасность в Фермопилах. Солдаты следовали чести, и испытывали сверхчеловеческий страх и стыд, если они побегут. Они гибнут в безнадежном бою потому, что больше боятся потери чести, чем смерти. Страх, бегство и позор влекут за собой драконовские наказания с потерей чести, поэтому солдаты вполне могут предпочесть пасть под Фермопилами, чем испытать юридические последствия [15, S. 48–50].

В Древнем Риме честью и достоинством также могли обладать только свободнорожденные римские граждане [3, с. 7; 6, с. 9]. Честь (honos) давало признание общества, давшего власть, оно выражалось в достоинстве или ранге в государстве (dignitas). Это определение положения личности было центральным в отношениях между римскими гражданами. Оно лежало в основе иерархических принципов, которые устанавливали людей по отношению друг к другу при определении их прав и обязанностей на службе Риму [10, р. 99]. Только мужчины, имевшие высокий социальный и политический статус, могли обладать dignitas [9, р. 46].

Организация римского общества была по своей сути аристократической. Это гражданское превосходство, основанное на определенном ряде стандартов поведения, было общим для большинства античных государств. В Древнем Риме учитывались моральные качества членов общества и особенно те, которые гарантировали доверие, которое можно было к ним иметь, и которое основывалось на общих понятиях чести и достоинства.

Честь и достоинство фактически достигаются приобретением званий, признанием качеств или занятием должности магистрата. Эти понятия не существуют в чистом виде, как мог бы предположить теоретический антропологический подход. Они выражаются в форме общественных качеств, а также в форме почестей или dignitas на латыни. Эти термины, таким образом, полностью связывают индивидуальную ценность личности с коллективными формами ее признания.

Среди поступков, сыгравших важную, даже решающую роль в квалификации чести, решающее место, оче-

видно, занимали те, которые привели к гибели действующих лиц. Это справедливо и в отношении добровольной смерти, которая позволяла погибавшему сохранить, как свою честь, так и честь своего города или своего народа. Это также выявило коллективную приверженность основополагающим ценностям чести, а также ценностям верности и добродетели. Смерть в бою сыграла аналогичную роль. Мужество само по себе составляло источник чести. Оно означало не только желание превзойти самого себя, но и представляло самоотречение для служения обществу.

Особое место в Древнем Риме занимали положение женщин. Наиболее выдающиеся из них посвятили себя служению религии или несли квази-государственные обязанности. При выполнении этих функций критерии достоинства, определявшие их положение, существенно не отличались от тех, которые характеризовали представителей аристократии мужского пола. Однако их честь, по существу, основывалась на принципе половой неприкосновенности. Этому придавалось большее значение. Честь женщины зависела от чести ее группы, к которой она принадлежала, в первую очередь ее семьи и в целом общины. Достоинство женщин зависело от мнения других. Ведь именно из взглядов других рождались честь и достоинство. Внутренняя самооценка вознаграждалась ответным даром признания [13, р. 307–310].

В римском праве существовал институт защиты чести и достоинства. Законы XII таблиц предусматривали жесткое наказание за такие посягательства на честь и достоинство, как клевета и оскорбление. К VI в. римское право предусматривало также и защиту репутации. За посягательство на неё устанавливалось серьезное наказание, вплоть до смертной казни. Причем репутация торговца или ремесленника была тесно связана с репутацией человека в обществе в целом [6, с. 8–9; 7, с. 97–98].

В Средневековье правовой статус личности определялся сословной принадлежностью [3, с. 7]. В своем латинском глоссарии (ок. 1050 г.) итальянский лексикограф Папий сделал доступным понимание чести в период Высокого средневековья. Соответственно, честь может обозначать определенное (официальное) достоинство или высокое положение (*dignitas aliqua*), но прежде всего она характеризует своё влияние на окружающую среду, поскольку честь понимается как отношение, должное к носителю *dignitas*. Когда оказывается не честь, а почтение (*reverentia*) Папий характеризует её как «честь, оказываемая со страхом». Потому что честь, как знак социального уважения, была обусловлена рангом. Под рангом понимается «социальная идентичность личности» в иерархическом обществе, «которая указывает место его носителя в соответствующем политическом и социальном порядке». Предоставление или отказ в почестях имело политическое измерение, поскольку оно

подтверждало или ставило под сомнение существующие отношения превосходства и подчинения [14, S. 42–43].

С XIII в. схоластика в лице Фомы Аквинского придала понятию чести дополнительное нравственное значение в смысле «общественной репутации». С этого времени, по мнению немецкого учёного Д. Буркхардт, и существует в немецкой культуре деление на внешнюю и внутреннюю честь в смысле противопоставления естественного права позитивному праву. Поэтому можно говорить о «естественной» и «искусственной» чести или о «внутренней», «субъективной» (основанной на внутренней ценности человека) и «внешней», «объективной» чести (предоставляемой на основании имущества, происхождения, дворянского происхождения, возраста, заслуг и т. д.) [12, S. 6].

При Старом порядке (*Ancien Régime*) французский юрист Шарль Луазо в своем знаменитом «Трактате об орденах и простых достоинствах» (1610 г.) определяет дворянство как достоинство, обладающее собственностью, должность — как достоинство, обладающее публичной властью, а орден — как достоинство, обладающее способностью к публичной власти. Таким образом, достоинство играет важную роль в социальной иерархии, и иногда его можно путать с порядком, который является фундаментальным в структурировании общества *Ancien Régime*. Не всякий порядок является достоинством, порядок третьего сословия представляет собой лишь состояние, потому что народ не связан с достоинством [13, р. 308].

В эпоху Возрождения итальянский гуманист Пико Дела Мирандола провозглашает новое ценностное представление о достоинстве человека. Рассматривая проблему власть и достоинство личности, Макиавелли предлагает государю поощрять подданных «за хорошие дела», даже если государство бедно, и наказывать «за плохие дела». Тогда же в Западной Европе появляется термин деловая репутация [3, с. 8; 7, с. 99; 15, S. 48].

В период Реформации получает дальнейшее развитие светское мировоззрение. Либеральной доктриной было выдвинуто положение о ценности свободы, базирующейся на признании человеческого достоинства. В эпоху Просвещения в основу понимания чести и достоинства кладется не социальный статус, а индивидуальное самосознание личности, приводящее к появлению и развитию чувства собственного достоинства и чести. В работе «Левиафан» Т. Гоббс говорит о публичной ценности человека, определяемой ценой, которая дается ему государством и называется достоинством. Г.Э. Лессинг, представлявший просвещенный средний класс, отвергал абсолютизированную аристократическую концепцию чести. Ж.-Ж. Руссо рассматривал свободу как важное и необходимое условие сохранения и развития

достоинства личности, естественные права которой необходимо защищать. Говоря о взаимодействии закона и морали, французский просветитель Дидро приписывает задаче законодателя «пробуждение» чувства чести [3, с. 8; 12, S. 7; 15, S. 49].

Концепция достоинства Иммануила Канта состояла в уважении индивидуального выбора людей, а также в том, что нельзя относиться к человеку как к объекту, игнорируя его свободную волю. Каждый человек обладает собственной самооценкой. Собственное достоинство тесно связано с признанием достоинства других. Например, применение пыток не только попирает достоинство жертвы, но и морально унижает собственное достоинство палача [9, р. 46–47].

Итальянский просветитель Чезаре Беккариа, в то же время, критиковал, как он говорил, постыдные наказания за преступления против чести в связи с расплывчатостью этого понятия. В подробных и блестящих трактатах, посвящённых чести, писал он, отсутствует какая-либо точная и прочная идея, связанная с этим. Ужасно состояние человеческого ума, когда идеи о движении небесных тел, столь далеких и менее важных, становятся очевидными, чем более очевидные и важнейшие моральные понятия, которые всегда остаются неопределёнными и запутанными [12, S. 7].

В отечественной традиции категории «честь и слава» начали складываться в дохристианский период. В «Повести временных лет» за 945 г. можно прочесть запись о смерти Игоря: Княгиня Ольга заманивает убийц своего мужа Игоря, честь которого она защищает (ключевое значение: месть за обиду), в ловушку, пообещав им «великую честь». Создав атмосферу доверия, она издевается над ищущими чести мужчинами перед тем, как похоронить их заживо, с вопросом: «Как вам такая честь?». После христианизации Руси вместо возмездия со стороны людей убийцы теперь подвергаются божественному гневу. В житийном сообщении об убийстве Бориса и Глеба их властолюбивым старшим братом Святополком он наказан Богом тем, что бесы овладевают им, он умирает «в бесчестии» [11, S. 23].

Русская Правда предусматривала защиту чести и достоинства только мужчин. Она приравнивает телесное повреждение к оскорблению чести. Ответственность за оскорбление словом посредством брани или клеветы регламентировалась уставами о церковных судах. Устав князя Ярослава о церковных судах установил наказание за оскорбление чести и достоинства женщины. В Русской Правде содержатся и зачатки института деловой репутации, в частности, есть статья о чести и вере купцов. В средневековье наличие положительной репутации у купца было одним из важнейших условий для ведения с ним дел. Доказательством по делу считалась

клятва купца, поскольку презюмировалось, что купцы достойные, верующие и честные люди [5, с. 89].

Царская служба была источником почета и звания для каждого подданного, она определяла существование и самооценку дворянства, которое награждалось землей и деньгами. Соответствующий чин и состояние в ближайшем окружении царя составляли основу почетного положения человека. В допетровской Руси только самодержец мог восстановить утраченную честь. Бесчестие искупалось царем или его подчинёнными органами соответствующими наказаниями. Цена бесчестия оценивалась в зависимости от близости к правителю. В Судебнике 1550 г. вид и размер наказания дифференцируются в зависимости от личности и вида оскорбления. Еще более подробно вопрос об оскорблении чести регулировался в Соборном уложении 1649 г.: 73 из 287 параграфов 10-й главы посвящены наказанию за оскорбление чести. За оскорбление чести замужней женщины наказание должно было быть уплачено в два раза больше, чем за оскорбление мужчины; за оскорбление незамужней — в четыре раза больше [11, S. 24–25].

До XVII в. шёл процесс формирования института деловой репутации. Доброе имя купца способствовало получению им займа. А если он по уважительной причине не мог вернуть долг, то получал отсрочку при предоставлении поручительства. Согласно Соборному уложению 1649 г. поручителем вправе выступать только человек добрый, которому можно верить. В XVIII в. на первый план в экономических отношениях выходит «деловая репутация», как особое преимущество при заключении рискованных сделок, получении займов и ссуд [5, с. 89–90].

В XVIII в. в российском уголовном законодательстве сформировался институт защиты чести и достоинства. Статьи 149 и 151 Артикула воинского 1715 г. содержали практически все признаки посягательства на честь, достоинство и деловую репутацию [4, с. 212; 8, с. 71].

В отличие от Западной Европы в России в средние века и новое время не было дуэлей как способа защиты чести. Петр I запретил дуэль, установив наказания за оскорбление. Манифест Екатерины II о поединках (1787), был скорее признанием существования дуэлей, чем адекватным средством ее ограничения, поскольку значительно уменьшал наказания.

Государство постепенно создавало сословное общество, которое основывалось на долге служения государству. Статус человека зависел от его места в сословной системе. Много места вопросам чести и достоинства уделяется в русской литературе. В XVIII в. противопоставляются понятия чести, которое связано с максимальной долгием, и добродетели и полезности для общества (идеал благородного гражданина). Это нашло своё отражение в произведениях Г.С. Сковороды «Басни Харьковские»

(1774) («Просвещение или вера Божия, милосердие, великодушие, справедливость, постоянство, целомудрие — Вот цена наша и честь!») и Фонвизина, критиковавшего царствование Екатерины II как эпоху честолюбивых придворных и бессовестных фаворитов, которую он противопоставлял времени Петра I, в своей комедии «Недоросль» (1781).

Для А.С. Пушкина, как представителя интеллектуальной элиты России XIX в., характерно двойственное представление о чести. Он обращается к «настоящей» внутренней чести, в стихах и драмах, противопоставляя её концепции чести «дураков», движущими пружинами которых являются предрассудки и общественное мнение. В своих эпиграммах и письмах Пушкин находил возможность сразиться словесными средствами с клеветниками, такими как публицист Фаддей Булгарин, ставивший под угрозу его профессиональную честь писателя.

Также показательно противопоставление Ф.М. Достоевским истинной внутренней чести (например, воплощенной такими персонажами, как князь Мышкин в «Идиоте» или Соня Мармеладова в «Преступлении и наказании») и ложной склонностью к внешней чести, возникающей из властолюбия (как Раскольников) или социального эгоизма (Ставрогин в «Бесах»). Концепция чести у Льва Толстого выражается не только в нравственном осуждении (под влиянием Шопенгауэра, как считает немецкий учёный Д. Бурхардт) нарушений принципов чести (как в «Анне Карениной», «Воскресении», «Крейцеровой сонате» и др.), но и в сопоставлении синхронно существующих и конфликтующих между собой концепций понятий чести в кавказской и русской культуре (рассказ «Хаджи Мурат», 1904 г.).

В русском дворянском обществе дуэль приобрела большую популярность. В ней как способе защиты чести выражалась фаталистическое отношение к жизни и жизненную усталость дворянского «лишнего человека». Русская литература XIX в. (Бестужева-Марлинский, Пушкин, Лермонтов) передавала высокую престижность дуэли и храброго и великодушного дуэлянта, руководствованного строгим кодексом чести.

В конце XIX — начале XX в. русские писатели ставят под сомнение или отвергают дуэль. В романе Куприна «Поединок» (1905), где главный герой погиб на дуэли. В этом сюжете нашло своё отражение изменение военно-уголовного устава 1894 г., объявлявшее дуэли офицерским долгом. Отказ от дуэли грозил изгнанием из армии [11, С. 25–29].

Благодаря Цензурной реформе 1865 г. в российском праве появляется термин «диффамация». Во второй половине XIX в. была установлена ответственность за распространение сведений, порочащих репутацию, в печатных изданиях. Уложение о наказаниях уголов-

ных и исправительных 1845 г. впервые закрепило право юридических лиц того периода на защиту от диффамации [5, с. 90].

В СССР правящая партия провозгласила своей целью формирование нового человека и общества. Выработывалась коммунистическая концепция чести. В принятой на XXII съезде Программе КПСС содержался Моральный кодекс строителя коммунизма. Он включал в себя двенадцать принципов, начиная от «верности делу коммунизма» и «любви к социалистической Родине» до «гуманного поведения и взаимного уважения к людям», «честности и правдолюбия, нравственной чистоты, простоты и скромности в общественной и личной жизни», «братской солидарности с трудящимися всех стран». Поведение советского человека в соответствии с этими принципами коммунистической морали означало увеличение «мощи, чести и славы Советского Союза». В этом заключалась честь и достоинство советского человека, а партия провозглашалась умом, честью и совестью «нашей эпохи». Социалистическая концепция чести нашла свое выражение в советской литературе, в таких произведениях, как романах «Так закалялась сталь» Н.Н. Островского, «Молодая гвардия» А.А. Фадеева и других. В этих произведениях были показаны советские люди со своими взглядами на честь и достоинство в соответствии с нормами советской идеологии [11, С. 30].

Основополагающим принципом достоинство человека признаётся в преамбуле Устава ООН. Всеобщая декларация прав человека (1948) говорит о достоинстве как основе свободы и справедливости. В те времена обе противоборствующие идеологические системы рассматривали человеческое достоинство как основную ценность. Принятый в дальнейшем Международный пакт о гражданских и политических правах признаёт универсальный характер концепции достоинства. Он утверждает, что достоинство является основой всех прав человека [3, с. 9; 9, р. 47–48].

Заключение

Таким образом, категории чести, достоинства и деловой репутации в своём развитии прошли значительный путь. Ещё в древности стали оформляться эти понятия и появились зачатки института защиты этих нематериальных благ. Их принадлежность конкретной личности была связана с наличием гражданства античного государства, где данный человек проживал. В период феодализма наличие чести и достоинства было тесно связано с социальным статусом человека. У дворянства было ярко выраженное представление о чести, которое нашло своё отражение в произведениях русской классической литературы. Развитие капитализма способствовало появлению такой категории как деловая репутация. Советская эпоха дала своё представление о чести и достоинстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона. М.: Норма, 2004. 224 с.
2. Архиреев Н.В. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2017. 33 с.
3. Безроднова К.В. К вопросу о развитии представлений о категориях чести и достоинства: историко-правовой аспект // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Право». 2012. № 43, С. 6–10.
4. Брайцева Е.А., Артамонов П.С. История возникновения и развития института защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников ОВД // Евразийское научное объединение. 2019. № 7–3. С. 212–213.
5. Буларга А.Д. Некоторые аспекты возникновения института деловой репутации в праве России // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2021. № 44. Ч. II. С. 89–91.
6. Даниелян А.С., Потапенко С.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 202 с.
7. Тарасевич К.А. История эволюции понятия «деловая репутация» // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1. С. 95–102.
8. Шелегович К.Н. История становления права на защиту чести, достоинства и деловой репутации в дореволюционной России. Электронный научный журнал. 2019. № 4. С. 69–73.
9. Arshakyan M. Staffen M.R. About the Principle of Dignity: philosophical foundations and Legal Aspects // Seqüência (Florianópolis). 2017. N 75. P. 43–62.
10. Badel C. Honneur et vengeance familiale dans la Rome républicaine // Honneur et dignité dans le monde antique / C. Badel et H. Fernoux (dir.). Rennes: PUR, 2023. P. 85–126.
11. Burkhart D. Konzeptualisierungen des Ehrbegriffs in der russischen Kultur // Finis coronat opus. Festschrift für Walter Kroll zum 65. Geburtstag / Hg. V. Bockholt. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2006. S. 21–34.
12. Burkhart D. Eine Geschichte der Ehre. Darmstadt: Academic in Wissenschaftliche Buchgesellschaft 2006. 248 S.
13. David J.-M. La dialectique de la vertu et du jugement // Honneur et dignité dans le monde antique / C. Badel et H. Fernoux (dir.). Rennes: PUR, 2023. P. 307–310.
14. Görich K. Ehrformen in der Geschichte des Früh- und Hochmittelalters // Ehre. Interdisziplinäre Zugänge zu einem empirischen Phänomen / Hrsg. M. D. Wüthrich, M. Höfner, R. Amesbury. Tübingen: Mohr Siebeck. 2021. S. 41–58.
15. Ruch P. Ehre und Rache. Eine Gefühlsgeschichte des antiken Rechts. Frankfurt/M.: Campus, 2017. 437 S.

© Нуисков Евгений Вячеславович (evgenynuiskov@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАТЯГИВАНИЕ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПОДАЧЕ КРАТКОЙ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ

DELAYING THE COURT PROCESS WHEN SUBMITTING A SHORT APPEAL

D. Osipov

Summary. The article considers a concept of a short appeal against a court decision which is well-established in practical legal activity, but not enshrined in law. The author explored the reasons and motives forcing persons involved in the civil process to go to court with such a procedural document which is not regulated by law. The article analyzes situations where the filing of a short appeal indicates dishonest behavior of a disputant and an intention to delay the judicial process. The author proposed to make additions to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation aimed at regulating the actions of the court when receiving a short appeal.

Keywords: short appeal, period for appeal, restoration of procedural deadlines, abuse of right, civil process.

Осипов Дмитрий Александрович

Аспирант,

ОЧУВО «Московский инновационный университет»

dmt.osipov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается устоявшееся в практической юридической деятельности, но никак не закреплённое законодательно понятие краткой апелляционной жалобы на решение суда. Автор исследовал причины и мотивы, вынуждающие лиц, участвующих в деле, обращаться в суд с таким не регламентированным законом процессуальным документом. В статье проанализированы ситуации, когда подача краткой апелляционной жалобы свидетельствует о недобросовестном поведении участника спора и о намерении исключительно затянуть судебный процесс. Автором предложено внести дополнения в ГПК РФ, направленные на регламентацию действий суда при получении краткой апелляционной жалобы.

Ключевые слова: краткая апелляционная жалоба, срок на обжалование, восстановление процессуальных сроков, злоупотребление правом, гражданский процесс.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет стороны и других лиц, участвующих в деле, а также лиц, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешён судом, правом апелляционного обжалования решения суда первой инстанции, не вступившего в законную силу (ст. 320 ГПК РФ) [1].

Процессуальное законодательство чётко обозначает срок подачи апелляционной жалобы в общем случае — один месяц со дня принятия решения суда в окончательной форме. В настоящее время существует три основных вида предоставления жалобы в суд: при личной явке стороны или представителя через приёмную суда, посредством почтового отправления и в электронном виде посредством официального сайта суда или ГАС «Правосудие». Датой подачи жалобы считается или дата её приёма сотрудником суда (в случае личной подачи), или дата сдачи в почтовое отделение (в большинстве случаев определяется по штемпелю на конверте и дате на квитанции), или дата поступления в информационную систему суда (при подаче в электронном виде). Таким образом, фактически апелляционная жалоба может быть получена судом и по истечении срока обжалования, однако апеллянту важно соблюсти его в части своевременной отправки жалобы, на что указано как в ч. 3 ст. 108 ГПК РФ, так и в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 [2].

Отсчёт месячного срока на обжалование начинается с даты изготовления мотивированного решения суда, которое также называется решением суда в окончательной форме. Процессуальный закон предписывает суду составить мотивированное решение не позднее чем через пять дней после объявления резолютивной части решения, т.е. после последнего судебного заседания по делу. С 2019 года гражданское процессуальное законодательство конвергировано с арбитражным процессуальным законодательством [3], в связи с чем сроки, исчисляемые в днях, включают в себя только рабочие дни.

Соответственно, законодатель предусмотрел достаточно понятный «график» сроков для обжалования решения суда, который схематично можно представить следующим образом (для удобства расчётов примем за дату объявления резолютивной части решения вторник 1.08.2023 г.):

Помимо соблюдения сроков обжалования судебного акта апеллянту необходимо также соблюсти требования, предъявляемые законом к содержанию апелляционной жалобы и приложениям к ней (ст. 322 ГПК РФ). В рамках данного исследования мы остановимся на следующих требованиях: необходимость указания оснований, по которым апеллянт считает решение суда неправильным; необходимость приложения к жалобе документов об оплате госпошлины, о направлении копии жалобы иным участникам дела, а также подтверждающие полно-

Рис. 1. График сроков обжалования решения суда

мочия представителя и наличие у него высшего юридического образования, т.е. доверенность и диплом.

Таким образом, закон требует, чтобы при обжаловании решения суда апеллянт направлял в суд мотивированную жалобу с полным комплектом приложений. При этом ч. 1 ст. 323 ГПК РФ предусматривает, что при несоблюдении любого из указанных требований судья в течение пяти дней должен вынести определение об оставлении жалобы без движения и предоставить разумный срок для исправления выявленных недостатков. Существующая практика районных судов показывает, что предоставляемый стороне срок на устранение недостатков обычно составляет от трёх недель до двух месяцев.

При оставлении жалобы без движения сроки направления дела в суд апелляционной инстанции существенно растягиваются. На графике ниже представим один из возможных вариантов развития событий при подаче жалобы с недостатками посредством почты с учётом дальнейших сроков и действий суда, регламентированных ст. 325 ГПК РФ, а также с учётом исправления апеллянтом выявленных судом недостатков:

При сравнении графиков, представленных на Рис. 1 и Рис. 2, можно сделать очевидный вывод о том, что при

одинаковых правовых последствиях (получение судом соответствующей требованиям ГПК РФ апелляционной жалобы) сроки совершения этого процессуального действия существенно отличаются. Так, в первом случае апеллянт мог подать жалобу в суд лично 8.09.2023 г. (или даже раньше), а во втором с учётом пересылок документов почтой и оставления жалобы без движения датой получения жалобы является лишь 17.11.2023 г., т.е. разница между датами превышает два месяца. Модель, представленная на Рис. 2, при этом является достаточно идеальной, т.к. в реальности сроки рассмотрения судом жалобы могут превышать отведённые законом пять дней.

Таким образом, может быть поставлен вопрос о мотивах поведения апеллянта, изначально подавшего жалобу с нарушением требований ГПК РФ. Мотивы нарушения требований закона могут быть как добросовестными (незнание норм ГПК РФ, техническая ошибка при оплате госпошлины, ошибка в указании адреса стороны по делу при направлении копии жалобы и пр.), так и заведомо недобросовестными, направленными на умышленное затягивание рассмотрения спора, на отсрочку вступления в законную силу решения суда.

Одной из наиболее распространённых причин для оставления судом апелляционной жалобы без движения является отсутствие в ней оснований, по которым

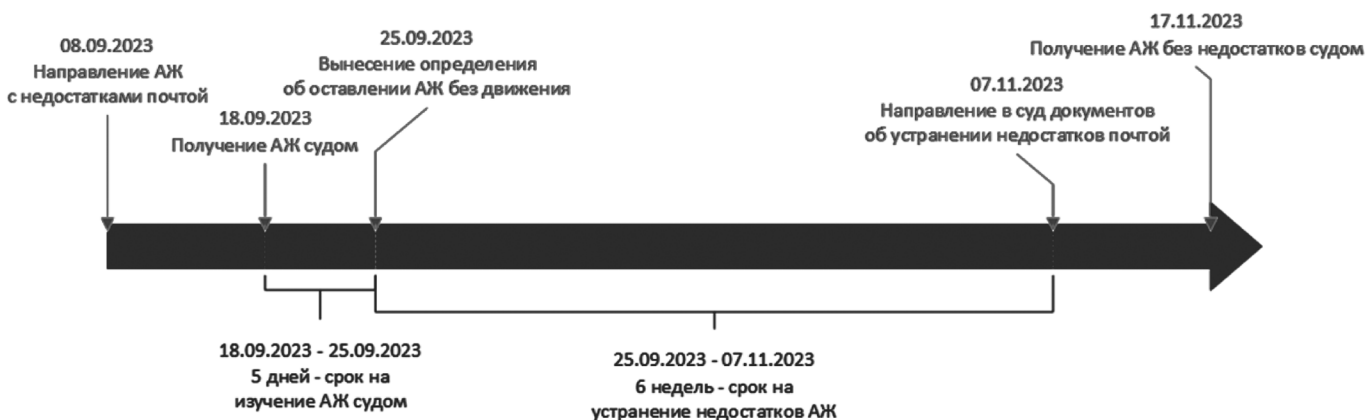

Рис. 2. Смоделированный график сроков направления жалобы в суд

апеллянт считает решение суда неправильным. Иными словами, апеллянт подаёт жалобу, в которой просит отменить состоявшееся по делу решение суда, однако не указывает конкретных мотивов, по которым он с ним не согласен. Такая жалоба в юридической практике именуется краткой апелляционной жалобой. Название является противопоставлением «полной» апелляционной жалобе, т.е. документу, содержание которого соответствует требованиям ГПК РФ.

Как следует из проанализированных выше правовых норм, понятие «краткой» жалобы, как и в целом деление апелляционных жалоб на какие-либо категории в зависимости от их содержания, в законе отсутствует. Однако на практике краткие апелляционные жалобы весьма распространены, в связи с чем возникает необходимость изучения природы их возникновения и правового значения. Рассмотрим потенциальные варианты в возможном хронологическом порядке их появления.

Краткая апелляционная жалоба может быть подана до составления судом мотивированного решения по делу. Например, сторона спора может составить жалобу и зарегистрировать её в приёмной суда непосредственно после судебного заседания, в котором была объявлена резолютивная часть решения. Сотрудник суда не может отказать в её принятии, однако какой-либо объективной необходимости в совершении участником дела такого процессуального действия не усматривается. С одной стороны, такое поведение апеллянта нельзя назвать недобросовестным, т.к. оно является проявлением воли лица на обжалование судебного акта. С другой стороны, такая жалоба, очевидно, не только не мотивированная, а также не оплаченная госпошлиной и не направленная иным участникам дела, безусловно будет оставлена судьёй без движения, что приведёт к затягиванию всего процесса. Таким образом, подача краткой апелляционной жалобы до истечения пятидневного срока на изготовление мотивированного решения по делу противоречит принципу соблюдения разумных сроков судопроизводства, не несёт в себе никакой смысловой нагрузки и лишь приводит к увеличению объёма работы как судьи, так и аппарата суда. Соответственно, не усматривается никакой процессуальной необходимости как принимать такие жалобы к рассмотрению, так и оставлять их без движения на какие-либо иные, помимо предусмотренных законом, сроки. Видится целесообразным внести изменения в действующий процессуальный закон, а именно, в ст. 324 ГПК РФ, которые позволяли бы возвращать апелляционную жалобу, поданную до истечения предусмотренного законом срока на изготовление мотивированного решения суда.

Однако на практике мотивированное решение суда далеко не всегда изготавливается судом в отведённый пятидневный срок. Действующее законодательство

не содержит норм, обязывающих суд указывать в окончательной форме решения дату её фактического изготовления, однако в целях создания определённости для лиц, участвующих в деле, многие судьи приводят такую дату в мотивированном решении, обычно после резолютивной части и подписи судьи. Однако при этом не придаётся значения тому, что составление документа «задним» числом фактически является фальсификацией, т.к. решение в полном объёме не существовало на день оглашения резолютивной части, который и остаётся датой принятия решения [4]. В профессиональном сообществе высказывались мнения о необходимости узаконивания обязательности указания фактической даты изготовления решения в полном объёме [5] либо указания даты оглашения резолютивной части при составлении мотивированного решения в иную дату [6], однако на данный момент такой нормы права не существует.

При этом нередко в целях создания видимости соблюдения процессуального законодательства судьи указывают в мотивированном решении или дату, совпадающую с датой объявления резолютивной части решения, или отстоящую от неё не более чем на пять дней, хотя в реальности изготовление решения в окончательной форме может занимать и по несколько месяцев. Зная о такой сложившейся порочной практике, участвующие в деле лица, не дождавшиеся изготовления мотивированного решения суда в течение месяца после оглашения резолютивной части, принимают решение о подаче краткой апелляционной жалобы, чтобы обозначить перед судом своё желание обжаловать мотивированный судебный акт в дальнейшем и предотвратить необходимость восстановления пропущенного процессуального срока на обжалование решения. В данном случае происходит следующее: суд, получив жалобу, оставляет её без движения на некоторый срок, а впоследствии, если и в этот срок мотивированное решение ещё не готово, то срок оставления жалобы без движения продлевается. В результате обстоятельства обычно подстраиваются таким образом, чтобы финальный срок для устранения недостатков жалобы примерно на месяц превышал реальный срок изготовления и направления сторонам мотивированного решения. Считается, что при таких обстоятельствах соблюдаются интересы всех заинтересованных лиц: суд «вовремя» изготовил решение, а апеллянту, в свою очередь, не требуется подавать ходатайство о восстановлении срока на обжалование решения суда вместе с полной апелляционной жалобой, т.к. сроки обжалования «продлены» путём удлинения срока на исправление недостатков жалобы.

Безусловно, описанный выше порядок является пороком сложившейся практики работы судов. Зачастую он вызван объективными обстоятельствами, такими как постоянно растущая загруженность судов общей юрисдикции в целом и отдельных судей в частности

[7, 8]. Однако с правовой и с научной точек зрения является недопустимым подстраховывать возникающие организационные сложности в работе федеральных органов власти несуществующими в законе конструкциями, а именно, скрывать за подачей и продлением срока оставления без движения кратких апелляционных жалоб устойчиво сложившееся несвоевременное изготовление мотивированных решений.

В данном случае необходимо уделить особое внимание тому, чтобы при изготовлении решений указывалась как дата объявления резолютивной части, так и реальная дата его изготовления в окончательном виде. Данное обстоятельство, во-первых, избавит стороны от необходимости в обход формальных требований закона подавать не предусмотренные законом краткие апелляционные жалобы. Во-вторых, более прозрачным и поддающимся исследованию станет вопрос о реальных сроках изготовления мотивированных решений по гражданским делам, что может привести к пересмотру кадровой политики в судебном корпусе, к увеличению численности судей и сотрудников аппарата суда. При этом для решения данного вопроса может быть достаточно принять соответствующий регламент на уровне Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а впоследствии данные поправки могут быть внесены и в ст. 198 ГПК РФ. Одним из решений данной проблемы может являться обязательная публикация судебных актов на официальных сайтах судов с использованием электронной подписи судьи, как это реализовано в арбитражном судопроизводстве.

Иной ситуацией, в которой сторона фактически провозируется на подачу краткой жалобы, является неполучение стороной дела в течение месяца мотивированного решения при наличии у такой стороны сведений об изготовлении решения в окончательном виде в какую-либо дату. С одной стороны, срок на обжалование в соответствии с законом исчисляется с даты составления решения и не зависит от даты его получения лицом, участвующим в деле. С другой стороны, при пропуске срока на обжалование из-за того, что суд не направил решение участнику дела, данный срок будет ему восстановлен судом при заявлении соответствующего ходатайства. Однако вопрос о восстановлении процессуального срока решается в судебном заседании, что влечёт за собой необходимость дополнительных судебных расходов, а также временных затрат. Соответственно, в целях собственной процессуальной экономии сторона дела принимает решение подать краткую апелляционную жалобу, чтобы минимизировать необходимость организации процедуры по восстановлению пропущенного срока. Дополнительным важным фактором для апеллянта-ответчика может являться тот факт, что подача краткой апелляционной жалобы предотвратит выдачу истцу исполнительного листа по делу.

Кажется, что такой расклад удовлетворяет интересам всех сторон: апеллянт сокращает свои будущие издержки, решение суда не вступает в силу и не приводится в действие преждевременно, а суду не приходится организовывать дополнительное судебное заседание с достаточно очевидным исходом в виде вынесения определения о восстановлении срока. Однако, как и в предыдущем случае, данный подход оправдан лишь с практической точки зрения, но не может быть признан научно и процессуально обоснованным. С учётом уровня развития информационных технологий видится возможным обязательное направление участникам дела решения всеми возможными способами: по электронной почте, посредством портала госуслуг, путём публикации решения на сайте суда без обезличивания большей части персональных данных, как того требует соответствующее положение, принятое ещё в 2017 г. Верховным судом РФ [9], однако часто игнорируемое судами. В случае же, если участник дела действительно по уважительной причине не получил решение суда и не имеет возможности обжаловать его в установленный срок, видится необходимым и вынужденным использование специально для подобных случаев и существующего института восстановления процессуальных сроков. Параллельно с этим, несмотря на формальное нарушение прав заявителя, усматривается необходимость разработки механизма приостановления действия решения суда или исполнительного документа до получения судом достоверных сведений о направлении мотивированного решения всем лицам, участвующим в деле.

Наконец, распространённым способом поведения со стороны апеллянта является умышленная подача краткой апелляционной жалобы в последний день процессуального срока со всеми последствиями в виде затягивания процесса, изложенными выше (см. Рис. 2). Затягивание процесса может быть выгодно проигравшей стороне, например, для вывода или сокрытия имущества, усложнения исполнения судебного акта [10]. В настоящее время при таких действиях апеллянта, как уже говорилось, суд вынужден предоставлять ему существенный дополнительный срок на формирование доводов, по которым он обжалует решение суда. При этом суд не вправе выяснять, была ли у апеллянта реальная возможность уже в настоящий момент указать перечень соответствующих оснований. Подобное поведение несогласной с решением стороны спора видится недобросовестным, очевидно усматриваются признаки злоупотребления правом.

При таких обстоятельствах выглядит оправданным изучение судом причин, по которым лицо подало краткую, а не мотивированную жалобу. Если суд установит, что у лица имелся достаточный срок для подготовки жалобы с указанием оснований для несогласия с решением, то краткая жалоба должна быть возвращена подате-

лю. В настоящее время аналогичный принцип действует в отношении представления доказательств в судебном процессе в суде первой инстанции: если сторона имела возможность представить доказательство, но не воспользовалась ей, суд в большинстве случаев откажет в ходатайстве об отложении рассмотрения дела для представления соответствующего доказательства.

С одной стороны, также выглядит обоснованным дополнение процессуального закона требованием для апелланта уже при подаче краткой жалобы обосновывать причины, по которым она подаётся именно в таком виде, и изучение этих причин судом. С другой стороны, данное явление можно расценить как подмену института восстановления процессуальных сроков: если сторона по объективным причинам не успевает подготовить жалобу, то она сможет доказать уважительность причин пропуска срока на обжалование при разрешении вопроса о его восстановлении, и у апелланта теряется необходимости подавать краткую апелляционную жалобу с указанием понудивших к этому причин.

Таким образом, изучив все возможные обстоятельства, при которых в настоящее время лица, участвующие в деле, подают краткие апелляционные жалобы, можно прийти к однозначному выводу о том, что данный процессуальный документ абсолютно справедливо не упоминается в процессуальном законе ввиду его теоретической нецелесообразности. Однако для того, чтобы его использование стало нецелесообразным также и с практической точки зрения, необходимо наладить работу ряда институтов, таких как изготовление мотивированного решения, отражение в решении двух реальных дат, направление решения участникам дела всеми возможными способами.

По результатам проведённого исследования также необходимо отметить следующие выводы.

Подача краткой апелляционной жалобы до истечения пятидневного срока на изготовление мотивированного решения, т.е. жалобы, заведомо подлежащей оставлению без движения, не должна приводить к увеличению допустимого срока на обжалование решение суда. Такая жалоба, по нашему мнению, должна либо возвращаться подателю без рассмотрения как поданная

преждевременно, либо приниматься судом к сведению без изменения предусмотренных законом процессуальных сроков. В настоящее же время законодательством предусмотрена лишь возможность оставления такой краткой жалобы без движения с предоставлением увеличенных по сравнению с предусмотренными законом сроков на устранение недостатков.

Необходимость возвращения апеллantu относится и к краткой апелляционной жалобе, поданной лицом, которое с учётом сроков направления ему решения по делу имело возможность и достаточное время для составления мотивированной жалобы. Подачу краткой жалобы без оснований, по которым апеллانت не согласен с решением суда, в данном случае следует считать злоупотреблением процессуальными правами.

При организации работы судов необходимо разработать регламент, в соответствии с которым в решении суда должны указываться две даты — объявления резолютивной части и составления в окончательном виде, при этом необходимо обеспечить контроль за реальностью последней даты без возможности её указания «задним» числом. Данное изменение позволит не только в конкретный период времени обеспечить соблюдение процессуальных прав лиц, желающих обжаловать решение суда в установленный законом срок, но также впоследствии может привести к решению проблемы недостаточной численности штата федеральных судей и аппаратов судов.

Одновременно с этим выявлена проблема, касающаяся затягивания сроков направления решения участникам дела. Для её решения необходимо внедрить механизмы направления решения всеми доступными способами, а также проработать вопрос приостановления действия решения суда до направления его сторонам дела в случае его несвоевременного направления.

После решения обозначенных в статье проблем организационного характера будет уместно поставить вопрос об искоренении из существующей практики такого документа, как краткая апелляционная жалоба, и необходимости для апеллантов подавать исключительно мотивированные, т.е. «полные» жалобы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. № 144.
3. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49. Ст. 7523.
4. Алиев Т.Т. Проблемы обжалования судебных постановлений в гражданском процессе апелляционной инстанции // Современное право. 2018. № 7–8.
5. Кнепман А.Н. О начале течения срока подачи апелляционной жалобы на решение суда // КонсультантПлюс. 2016.

6. Шакирьянов Р.В. Вопросы, подлежащие разрешению судом апелляционной инстанции при рассмотрении гражданских дел, изменения в ГПК // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 2.
7. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 01.11.2023).
8. Рубин А. Гражданских исков стало больше // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/grazhdanskikh-iskov-stalo-bolshe> (дата обращения: 01.11.2023).
9. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2017 «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/files/24014> (дата обращения: 01.11.2023).
10. Юдин А.В. Классификация злоупотреблений процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2.

© Осипов Дмитрий Александрович (dmt.osipov@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЛИКВИДАТОРА РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ

IMPLEMENTATION OF THE LEGAL PERSONALITY OF THE LIQUIDATOR OF THE REGIONAL BRANCH OF A POLITICAL PARTY IN THE RUSSIAN PARTY SYSTEM

**A. Palyulin
A. Tsarev**

Summary. The article examines the differences in the legal status of the liquidator of a regional branch of a political party. The legal aspects of the liquidation of a regional branch of a political party through a unified system of identification and authentication (USIA) in the Ministry of Justice are considered. The article describes the necessary actions when submitting electronic reports via the Internet and the powers of the liquidator. The development of an electronic information system for registration of political parties and public organizations is a necessary modern trend of corporate and interdepartmental interaction.

Keywords: liquidator, liquidation, unified identification and authentication system, political party, regional branch.

Палюлин Антон Юрьевич
Аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва)
anton@palyulin.ru

Царев Алексей Михайлович
Главный бухгалтер, ООО «Палюлин и партнеры»
a.tsarev@palyulin.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отличия правовой статус ликвидатора регионального отделения политической партии. Рассмотрены аспекты ликвидации регионального отделения политической партии в единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА), в Министерстве юстиции. Описываются необходимые действия при внесении электронной отчетности через Интернет и полномочия ликвидатора. Развитие электронной информационной системы регистрации политических партий и общественных организаций является необходимым современным трендом.

Ключевые слова: ликвидатор, ликвидация, единая система идентификации и аутентификации, политическая партия, региональное отделение.

Процедура ликвидации политических партий широко применяется во многих странах современного мира. Однако вопрос об эффективности подобной меры в контексте соблюдения демократических принципов остается дискуссионным [8]. Существует ряд ситуаций, когда может быть ликвидирована не политическая партия в целом, а только ее региональное отделение и иное структурное подразделение¹.

Региональное отделение и иное структурное подразделение политической партии могут быть ликвидированы по решению съезда политической партии, а в случае, предусмотренном ее уставом, и по решению коллегиального постоянно действующего руководящего органа политической партии, по решению суда, а также в случае ликвидации политической партии. Ликвидация регионального отделения и иного структурного подразделения политической партии по решению коллегиального постоянно действующего руководящего органа политической партии осуществляется на основании и в порядке, предусмотренных уставом политической партии.

¹ Ликвидация регионального отделения политической партии регулируется ст.ст.61-64.1 Гражданского кодекса РФ, ст.42 ФЗ «О политических партиях».

Для передачи полномочий от Секретаря ликвидатору требуется выполнить ряд действий, которые позволяют получить полномочия единоличного исполнительного органа удаленно, посредством электронных сервисов, которые получили свое развитие во время пандемии коронавируса 2020 года, стимулировав развитие электронного взаимодействия гражданского общества и политических партий [2].

Единоличному исполнительному органу (здесь и далее — ЕИО) Партии следует иметь полный аккаунт в Единой системе идентификации и аутентификации (здесь и далее — ЕСИА). Верификация полного аккаунта происходит его надо верифицировать в Центре обслуживания посетителей².

В ЕСИА на странице выбора ролей³ ЕИО политической партии выбирает в настройках «Добавить организацию»,

² Центры обслуживания посетителей // Портал государственных услуг Российской Федерации [электронный ресурс] URL: <https://esia.gosuslugi.ru/public/ra/> (дата обращения 22.08.2023).

³ Ваши роли и организации // Портал государственных услуг Российской Федерации [электронный ресурс] URL: <https://lk.gosuslugi.ru/roles> (дата обращения 22.08.2023).

заполняет все поля регистрационными данными политической партии, подписывает электронно-цифровой подписью (здесь и далее — ЭЦП) и отправляет в регистрационный орган на проверку.

После прохождения проверки на странице выбора ролей у ЕИО политической партии появляется личный кабинет организации.

Для управления личный кабинетом ЕИО оформляет ЭЦП. Для этого ЕИО использует токен, сертифицированный органами ФСТЭК или ФСБ.С токеном; документом, удостоверяющим личность (паспортом гражданина РФ) и страховым свидетельством обязательного пенсионного страхования ЕИО обращается в регистрирующую налоговую по субъекту РФ, либо в отделение ПАО «Сбербанк», где ЕИО получает запись на токен активированной ЭЦП сроком на 15 месяцев. Также возможна запись ЭЦП на коммерческой основе в удостоверяющем центре, который выдал токен.

Для использования ЭЦП пользователю необходимо на устройстве, с которого будут подписываться документы, установить программное обеспечение «КриптоПро CSP» [4] последней версии, предназначенной для подписи и шифрования.

Для принятия решения о ликвидации регионального отделения ЕИО потребуются:

- Протокол исполнительного органа, уполномоченного Уставом Партии ликвидировать региональные отделения;
- Заявление в ИФНС по форме Р15016 (уведомление о начале процедуры ликвидации)⁴.

Устав политической партии и свидетельство о регистрации регионального отделения для подачи документов в Министерство юстиции не требуются.

Для заполнения заявления по форме Р15016 требуется программа с сайта Федеральной налоговой службы — Программа подготовки документов для государственной регистрации⁵.

ЕИО выбирает раздел «создать заявление», далее — «Заявление по форме Р15016».

⁴ Приложение №5 к Приказу ФНС России от 31.08.2020 №ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств».

⁵ Подготовка документов для государственной регистрации (ППДГР) // Федеральная налоговая служба [электронный ресурс] URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/program/5961277/> (дата обращения 22.08.2023).

В Заявлении по форме Р15016 заполняются:

Титульный лист с данными:

- ОГРН,
- ИНН,
- причина уведомления (в данном случае пункт 1, принято решение о начале ликвидации),

срок, до какого числа будет ликвидирована организация — не более одного года.

Лист А — заполняются данные на лицо, действующее без доверенности, в данном случае — на Ликвидатора:

- ФИО;
- ИНН;
- паспортные данные Ликвидатора,
- должность указывается согласно протоколу — «Ликвидатор».

Лист В — заполняются данные на заявителя, кто подает это заявление, в данном случае — на ЕИО:

Основание возникновения полномочий — «2. лицо, действующее на основании полномочия, предусмотренного федеральным законом, актом специально уполномоченного на то государственного органа или актом органа местного самоуправления»⁶.

- ФИО;
- ИНН;
- паспортные данные ЕИО,
- телефон и e-mail для обратной связи.

Далее пользователь нажимает «печать», сохраняет заявление в многостраничный tiff-файл и выбирает папку для сохранения файла.

В протоколе коллегиального постоянно действующего руководящего органа политической партии обязательно указываются следующие сведения:

- Пункт, которым назначаются председатель и секретарь собрания.
- Пункт, согласно которому в связи с прекращением деятельности регионального отделения принимается решение приступить к добровольной ликвидации регионального отделения.
- Пункт, которым назначаются ликвидатор или ликвидационная комиссия в региональном отделении, а также указываются его или их паспортные данные.
- Пункт, которым ликвидатору или ликвидационной комиссии поручается завершить процедуру лик-

⁶ Дело в том, что ЕИО не является лицом, действующим без доверенности, по отношению к региональному отделению, но уполномочен осуществлять его ликвидацию как руководитель коллегиального постоянно действующего руководящего органа политической партии (ч.1 ст.42 ФЗ «О политических партиях», если иное не предусмотрено Уставом).

видации организации в течении одного года Организацию, выполнять все необходимые действия по ликвидации: уведомить регистрирующий орган и всех кредиторов о начале ликвидации, провести инвентаризацию имущества Организации, взыскать дебиторскую задолженность, погасить кредиторскую задолженность, составить ликвидационный баланс и зарегистрировать ликвидацию Организации.

- Подписать протокол председателем и секретарем, отсканировать и сохранить в формате pdf.
- Пункт, которым назначается ответственное лицо за внесение изменений в ЕГРЮЛ. Ответственным лицом назначается ЕИО.

Для направления заявления в Министерство юстиции, которое является уполномоченным регистрирующим органом в отношении политических партий и их региональных отделений⁷ требуется программное обеспечение — транспортный контейнер Минюста, которое скачивается на устройство пользователя в процессе заполнения заявления по форме Р15016.

В транспортном контейнере Минюста пользователь выбирает:

- вид заявителя (в данном случае — юридическое лицо);
- вид заявления (Р15016);
- выбрать орган, принимающий решение (региональное управление Минюста);
- код регистрирующего органа (Региональная регистрирующая ИФНС);
- наименование и ОГРН Организации
- заполнить данные о заявителе (ЕИО Партии),
- подгружает заявление по форме Р15016 в формате tiff;
- добавляет новый файл (выбрать «решение общего собрания»);
- подгружает подписанный протокол в формате pdf.

С целью подписания документов ЭЦП ЕАО нажимает напротив каждого файла — «подписать», далее нажимает «сформировать» и сохраняет в папку этот RAR-архив.

Далее через личный кабинет организации в системе ЕСИА ЕАО переходит в раздел подачи документов на изменение сведений ЕГРЮЛ некоммерческих организа-

⁷ Подпункт 30.7 пункта 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. №1313.

ций⁸. ЕИО указывает уполномоченный территориальный орган Минюста и подгружает готовый контейнер Минюста, нажимает «отправить».

Общий срок оказания услуги по внесению изменений в сведения о юридическом лице, содержащихся в ЕГРЮЛ — 30 календарных дней⁹. Минюст проверяет корректность заполнения документов в течение 25 календарных дней¹⁰ и пересылает сведения в регистрирующую региональную ИФНС, где в течении 5 рабочих дней¹¹ производится внесение сведений в ЕГРЮЛ.

Новоназначенный ликвидатор должен оформить ЭЦП в порядке, аналогичном оформлению ЭЦП ЕИО политической партии.

Для продолжения правомерной деятельности регионального отделения политической партии, ликвидатору необходимо иметь личный кабинет и оплаченную лицензию на порталах по сдаче отчетности, наиболее популярными из которых являются СБИС [7], Контур.Экстерн [3], 1С [6] и др.). На их платформе регистрируется токен с ЭЦП ликвидатора, и ликвидатор получает возможность формировать отчет, подписывать и отправлять напрямую в уполномоченные органы (ИФНС, СФР, Росстат) [5].

Концепция электронного правительства, содержащая в себе взаимодействие граждан с государством и государственных органов между собой в порядке межведомственного взаимодействия, является перспективным и удобным инструментом для корпоративных взаимодействий, и продолжает совершенствоваться и развиваться, а оперативное управление текущими процессами в политической партии смещается в сторону функционеров. [1]

⁸ Внесение изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в Единый государственный реестр юридических лиц // Портал государственных услуг Российской Федерации [электронный ресурс] URL: <https://www.gosuslugi.ru/16402/1/info/> (дата обращения 22.08.2023).

⁹ Там же.

¹⁰ П.20 Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций (утв. Приказом Минюста России от 26.09.2022 №199).

¹¹ Ч.1 ст. 8, ч. 3 ст. 18 Федерального закона от 08.08.2001 №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырев В.В. Политическая система современного российского общества: дис. . . . канд. юрид. наук. Н. Новгород., 1998. 146 с. С. 54.
2. Долгих Ф.И. Политические партии России в условиях пандемии коронавируса: последствия и поиск новых форматов деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 26–30.
3. Контур.Экстерн — сдача электронной отчетности через Интернет // Контур — экосистема для бизнеса [электронный ресурс] URL: <https://kontur.ru/extern> (дата обращения 22.08.2023).
4. КриптоПро | Ключевое слово в защите информации [электронный ресурс] URL: <https://www.cryptopro.ru/> (дата обращения 22.08.2023).
5. Палюлин А.Ю., Царев А.М., Логинов С.А. Отчетность региональных отделений политических партий в налоговые, страховые, статистические органы и органы юстиции в 2023 году // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2. С. 64–70.
6. Поддержка пользователей системы «1С: Предприятие 8» [электронный ресурс] URL: <https://portal.1c.ru/applications/1C-Reporting> (дата обращения 22.08.2023).
7. Электронная отчетность через Интернет | СБИС // СБИС — экосистема для бизнеса: учет, управление и коммуникации [электронный ресурс] URL: <https://sbis.ru/ereport> (дата обращения 22.08.2023).
8. Tyulkina S. Prohibition of Political Parties: Effective Tool to Square the Circle in the Business of Protecting Democracy? // The GSTF Journal of Law and Social Sciences. Vol. 2. 2013. No. 2.

© Палюлин Антон Юрьевич (anton@palyulin.ru); Царев Алексей Михайлович (a.tsarev@palyulin.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОСТИТУЦИЯ ИЛИ ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Романенко Елена Александровна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент,
ФГБОУ ВО Центральный филиал «Российский
государственный университет правосудия» г. Воронеж
sonik24012005@mail.ru

PROSTITUTION OR GENDER-BASED VIOLENCE: CRIMINOLOGICAL ASPECTS

E. Romanenko

Summary. The article explores and analyzes the negative social phenomenon of «prostitution». This phenomenon is considered as an object contributing to the rooting of criminogenic social processes that affect the intensification of criminal sexual violence.

In the study, this phenomenon is analyzed in 2 aspects:

- 1) victimological, due to the fact that persons providing paid sexual services always have a high chance, unlike other categories, of becoming a victim of sexual violence;
- 2) criminological, because prostitution, in itself, is a negative, antisocial phenomenon.

The purpose of the article is to determine the halo of the negative impact of this social phenomenon on persons providing paid sexual services, on persons who are their consumers and on society as a whole. And also, to prove that only demand generates supply and that prostitution must be eradicated, otherwise, any cultural society will come to an end.

The conclusions were drawn that: the main reason for this phenomenon is not so much the financial issue, as the maximum peak of sexual permissiveness, which leads to debauchery and sexual violence against the «priestess of love» and the degradation of society.

Keywords: prostitute, prostitution, consumer of sexual services, sexual violence, client.

Аннотация. В статье исследуется и анализируется негативный социальный феномен «проституция». Данное явление рассматривается как объект, способствующий укоренению криминогенных общественных процессов, которые влияют на усиление преступного сексуального насилия.

В исследовании этот феномен анализируется в 2-х аспектах:

- 1) виктимологическом ввиду того, что у лиц, предоставляющих платные сексуальные услуги всегда имеется высокий шанс, в отличие от других категорий, стать жертвой сексуального насилия;
- 2) криминологическом, т.к. проституция, сама по себе, является негативным, антисоциальным явлением.

Цель статьи — определить ореол отрицательного влияния данного социального явления на лиц, оказывающих платные сексуальные услуги, на лиц, являющихся их потребителями и на общества в целом. А также, доказать, что только спрос порождает предложения и, что проституцию необходимо искоренять, в противном случае, любому культурному обществу придёт конец.

В ходе сделаны выводы о том, что: основной причиной этого феномена является не столько финансовый вопрос, сколько максимальный пик сексуальной дозволенности, что приводит к разврату и сексуальному насилию в отношении «жрицы любви» и деградации общества.

Ключевые слова: проститутка, проституция, потребитель сексуальных услуг, сексуальное насилие, клиент.

Проституцию называют древнейшей профессией в мире, однако, скорее, это — древнейшая форма эксплуатации, рабства и насилия по признаку пола, изобретенная мужчинами для подчинения женщин и удержания их в сексуальном распоряжении мужчин. Проституцией называют профессиональное удовлетворение сексуальных потребностей клиентов за вознаграждение. Очевидно, что одна из сторон этого процесса — клиент, но в большинстве дискуссий почему-то игнорируется и забывается его роль, то есть сводится к минимуму.

Важно понимать отправную точку этой ситуации: нет предложения без спроса. Именно мужчины, как класс, поддерживают, насаждают и увековечивают эту форму гендерного насилия (полагаем, что именно так и нужно называть проституцию).

Следствием от проституции является денежная или иная оплата со стороны клиентов за получение ими сексуального удовольствия. Давайте не будем забывать, что для тех, кто «терпит» это, краеугольным камнем и неотъ-

емлемым элементом, вокруг которого всё вращается, является не секс, а деньги или экономическая выгода, которые достигаются вышеуказанным путем. Разговоры о сексуальности в контексте проституции являются, на наш взгляд, концептуальным отклонением — если бы это были подлинно сексуальные отношения, они бы свободно заключались на равных условиях, без необходимости оплаты.

Ученые различных стран постоянно проводят исследования по данному вопросу. И в очередной раз в открытых источниках становится доступной официальная статистика, которая оперирует следующими цифрами [1]:

1) 90 % занимающихся проституцией составляют женщины, 3 % — мужчины и 7 % — трансгендеры.

2) 87 % составляют женщины-мигранты, большинство из которых приезжают из Латинской Америки, Африки к югу от Сахары и, в последние годы, из стран Восточной Европы.

Также, по статистике, согласно отчета Фонда Организации Объединенных Наций 2018 года (самый поздний), «4 000 000 женщин и девочек во всем мире являются жертвами торговли людьми в целях дальнейшей сексуальной эксплуатации. 70 % мужчин сообщают, что в какой-то момент своей жизни использовали другого человека в качестве удовлетворения своих сексуальных потребностей за оплату. Во всем мире секс-индустрия ежегодно приносит доход около 12 миллионов долларов. Это второй по величине бизнес в мире, превосходящий как торговлю оружием, так и наркотиками» [2].

Согласно ратифицированной 72 государствами «Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами» 1949 года, «проституция и сопутствующее ей зло, связанное с торговлей людьми в целях проституции, несовместимы с достоинством и ценностью человеческой личности...».

Дискуссии по поводу, что есть проституция, постоянно вращаются вокруг одного вопроса — является ли проституция формой эксплуатации, которую следует отменить, или профессией, которую следует легализовать и регулировать.

Часть общества считает, что объявить проституцию законной просто необходимо. Во-первых, потому что проституция — это такая же работа, как и любая другая, и, во-вторых, — это работа, которую можно свободно выбирать или отказываться от нее по своему желанию, как и от любой другой, в-третьих, законная уплата налогов с дохода принесет огромную прибыль в государственную казну.

Есть вторая позиция — проституцию необходимо запретить и искоренить везде. Основано это утверждение на том, что проституция является старейшей формой рабства в мире и разновидностью гендерного насилия в отношении женщин.

В ходе этой дискуссии выделяют три фундаментальных положения [4]:

1. Регуляционистская позиция. Она позиционирует легализацию проституции, говорит о прогрессе, используя аргумент «защита сексуальной свободы» и утверждает, что не всякая проституция навязывается, а может быть свободно выбрана и нельзя в этом ограничивать человека.
2. Либеральная позиция, которая основана на экономической перспективе развития любого государства, и она приравнивает занятие проституцией к экономической деятельности, а лиц, занимающихся проституцией, рассматривает как «секс-работников».
3. Императивная позиция, отражающая консервативное мировоззрение, которое связано с норма-

ми морали и этики и, в первую очередь, базируется на религиях, рьяно протестующих против таких отношений».

На фоне последнего положения развивается одно из современных направлений феминизма — *аболиционизм*, движение как против государственной регуляции коммерческого секса, так и против него самого.

Проституция (зд.) — инструмент патриархального контроля и сексуального подчинения женщин, а также явление, оказывающее негативное воздействие не только на тех женщин и девочек, которые занимаются проституцией, но и на всех женщин в целом, поскольку проституция утверждает и укрепляет патриархальные устои, согласно которым основная функция женщин заключается в предоставлении мужчинам сексуальных услуг [5].

Итак, давайте проанализируем роль мужчин в рассматриваемом явлении. Отправной точкой для анализа их места является следующий неопровержимый факт: «Если бы не было такого большого спроса, не было бы и такого большого предложения» [4]. Другими словами, именно мужчины, как социальная группа, поддерживают, принуждают и увековечивают подчинение женщин и детей этой форме гендерного насилия, требуя «торговли» и приобщая новые поколения к ее «использованию».

Нельзя отрицать тот факт, что мужчины по своей сути полигамны и каждый из них при любых обстоятельствах и любой ценой ищет возможность вступить в сексуальные отношения [6].

Проституция определяется как «неизбежная» социальная реальность, которую большинство мужчин принимают как нечто естественное и неизменное. «Клиент», или «потребитель», тот самый мужчина — защищенный и незаметный персонаж в этой истории, но при всё при этом — главное действующее лицо, которое несет наибольшую ответственность за проституцию и её последствия.

В Национальном докладе ЮНИСЕФ о сексуальной эксплуатации детей и подростков говорится, что из трехсот новостных сюжетов на эту тему только в двух из них упоминались «клиенты», и что даже в этих двух отчетах клиенты фигурировали лишь косвенно [7].

Мужчина, безусловно, является важным звеном в системе проституции. Однако, складывается такое впечатление, будто установился общий отказ от критического рассмотрения потребителей проституции или возложения какой-либо ответственности на них. Это можно рассматривать как молчаливую защиту мужских сексуальных практик и привилегий.

Посмотрим на ситуацию с другой стороны — большинство серьезных исследований данного явления, проведенных во многих странах мира, содержат вывод: «Все большее число мужчин обращаются сами за предоставлением эскорт-услуги. Происходит это, скорее для того, чтобы над ними властвовали, чем для того, чтобы получить сексуальное удовольствие». Исследователи полагают, что такая категория мужчин пережила ситуацию, связанную с потерей власти и мужественности в социальных и личных отношениях, и потом не смогла создать новые отношения, построенные на взаимности и уважении к женщинам. Это те мужчины, которые на самом деле хотят чувствовать, что находятся под абсолютным контролем» [1,3,4].

Глядя на такие доводы, может показаться, что значительная часть человечества — мужчины, занимающиеся проституцией и обращающиеся к женщинам легкого поведения только потому это делают, что имеют серьезные проблемы со своей сексуальностью и не способны установить равноправные отношения с противоположным полом. И в первой ситуации, и во второй вывод напрашивается только один — вместо того, что научиться коммуницировать, им проще решить вопрос материальным путем.

Как только мужчины начинают думать, что женщины достигают более высокой степени развития и пытаются уравниваться в правах с ними, то эти мужчины становятся все более неспособными подстроиться к равным отношениям. И в этой связи они все чаще прибегают к коммерческим отношениям, в которых им проще заплатить, чтобы быть исключительным центром внимания. При этом происходит явный регресс личности, падает самоуважение, теряется чувство ответственности в нормальных отношениях между мужчиной и женщиной. Они сосредотачиваются и стремятся к коммуникациям, которые не предполагают какого-либо «бремени» ответственности, заботы, внимания, приверженности уважению и паритету.

Второй важный вывод из указанных выше исследований заключается в том, что данное явление всё меньше и меньше стало осуждаться. Опросы показывают, что 39 % мужчин регулярно занимаются проституцией, не испытывая ни общественного порицания, ни юридических последствий [8].

Это ведет к третьему выводу, сделанному из этих исследований. Он заключается в отрицательном влиянии на детей и молодежь. Проблема, связанная с социализацией проституции, существующей в нашем обществе, заключается в том, что все гомо- и гетеросексуальные мужчины становятся потенциальными клиентами, как только начинают выходить из детского возраста. Если эта ситуация усугубится, и проституция станет нормой,

то ее молодежь начнет воспринимать как профессию. Девочки поймут, что проституция может представлять для них потенциальную «нишу занятости», а мальчики узнают, что они могут «покупать» партнеров для удовлетворения своих сексуальных желаний. Тогда наступит катастрофа, произойдет полное разрушение семейных устоев. Общество разложится с морально-этической точки зрения и, возможно, произойдет всплеск венерических заболеваний, что повлечет за собой большую смертность и бесплодие.

Получается, что проституция рассматривается как работа и такую позицию на мировые просторы рьяно продвигает западное сообщество. Оно использует аргумент, который основан на праве на самоопределение своего тела и своей сексуальности. Следствием чего является вступление в коммерческие сексуальные отношения [8].

Давайте попробуем разобраться, нужно ли признавать проституцию как работу.

«Проблема согласия, «политика личного выбора» обновывается на западном либеральном видении прав человека, которое ставит личную волю и индивидуальный выбор выше всех других прав человека и всего понятия общего блага» [11].

Предположим, что проституцию можно оправдать следующими факторами: во-первых, она выполняет ряд социально-полезных функций — половое воспитание, секс-терапия или обеспечение сексуальных отношений для людей, которые в отсутствие проституции были бы лишены их (имеются ввиду, к примеру, трудящиеся-мигранты, разлученные со своими семьями, пожилые мужчины или мужчины-инвалиды); и, во-вторых, проституция — это такая же работа, как и любая другая, например, быть машинисткой или прислужгой, в сочетании с утверждением, что в обществе, как правило, очень мало достойных рабочих мест и, прежде всего, существует очень мало альтернативных проституции профессий, которые приносят доход. Кроме того, утверждалось, что быть проституткой более выгодно, чем выполнять какую-либо грязную работу, допустим, чистить туалеты.

Всё бы было хорошо, если бы не проблема. Она заключается в том, что, в отличие от любой другой работы, проституция связана не просто с продажей тела, но и личности. Ведь эти две составляющие не могут рассматриваться отдельно друг от друга. И мы видим то, с чем приходится сталкиваться женщинам на своей «работе» — домогательства, сексуальное насилие. Налицо «платное изнасилование», действия сексуального характера в извращенной форме и т.д. Это ли свобода выбора, о которой говорят пропагандисты проституции как вида работы?

Процветают насилие над телом и деградация личности, даже если они не выражаются в действиях, то в любом случае являются неотъемлемыми условиями проституционного секса. Ведь с одной стороны, никто не защищен от насилия, а с другой — секс по найму подразумевает «разрешение» навязывать тип сексуального акта, который должен в тот или иной момент быть выполнен. Опять всё тот же вопрос — «свобода выбора»?

Рассмотрим ранее высказанное утверждение о том, что проституция является общественно-полезным занятием. Данная точка зрения неявно предполагает, что сексуальные потребности мужчин рождаются из биологической необходимости, которая подобна потребностям в питании. Но в этом случае мы видим явное противоречие доказанному факту, что люди (как женщины, так и мужчины) проводят длительные, а иногда и постоянные периоды своей жизни без сексуальных отношений, и, при этом не страдают от смертельного исхода, который наступил, если бы этого же человека лишили бы воды и/или пищи.

Общеизвестный факт — в октябре 2000 года в Нидерландах произошла легализация публичных домов и проституцию поставили на поток. Но уже в 2010 году эта идея потерпела неудачу. Ни условия труда, ни состояние здоровья проституток не улучшились, равно как и подпольная проституция не исчезла. Нелегальная проституция не только продолжается, но и вовлеченные в нее проститутки становятся еще более маргинализированными, скрытыми и уязвимыми. Насилие над ними процветает, а полиция закрывает на это глаза.

Может ли кто-нибудь всерьез думать, что легализация проституции станет прорывом в процессе установления равенства между мужчинами и женщинами?

Попробуем ответить и на этот вопрос. Мальчики, которые «социализированы» в странах, где проституция юридически закреплена как профессия и, следовательно, социально одобряется, а также поощряется и рекламируется, сразу понимают, что женщины являются «объектами», поступающими в их распоряжение, женские тела и сексуальность могут быть купленными. Никаких ограничений на использование всего этого не налагается.

Поэтому в корне противоречиво говорить о равенстве между мужчинами и женщинами и отстаивать его

в процессе воспитания детей, одновременно поддерживая отношения и пространство власти, которые являются исключительно мужской прерогативой и в которых женщинам, по-видимому, есть место только тогда, когда они находятся на службе у мужчин. Напротив, с помощью этих средств мальчики будут воспитаны в убеждении, что им нет необходимости отказываться от каких-либо своих сексуальных желаний или проявлять какое-либо внимание к другому человеку, потому что, если у них есть деньги, чтобы заплатить за это, возможно всё.

Интересен опыт Швеции, которая в 1999 году резко сократила число женщин, занимающихся проституцией. «Шведское решение» — так назвали закон, криминализирующий проституцию. В законе четко прописали: «В Швеции проституция рассматривается как аспект мужского насилия в отношении женщин и детей. Это официально признано формой эксплуатации женщин и детей и представляет собой серьезную социальную проблему... гендерное равенство будет оставаться недостижимым до тех пор, пока мужчины будут продолжать покупать, продавать и эксплуатировать женщин и детей, занимаясь их проституцией».

В подходе этой страны есть и такой необходимый, немаловажный компонент как значительное и всестороннее финансирование социальных услуг для помощи любой женщине, которая хочет оставить проституцию.

В чем же уникальна стратегия Швеции? В том, что проституция рассматривается как форма насилия над женщинами, мужчины, которые эксплуатируют женщин, покупая секс, криминализируются, большинство женщин в проституции считаются пострадавшими, нуждающимися в помощи, а общество информируется, чтобы противостоять историческим мужским предрассудкам, которые определяли мысли о проституции.

Нет причин считать, что мы не можем продвигать такие же законодательные изменения, как и в Швеции, иначе итог будет плачевный — обществу придёт полное разрушение и ни о каком продолжении человеческого рода не может идти и речи. Мы обязаны представить себе мир без проституции точно так же, как научились представлять его без рабства, без апартеида, без насилия по признаку пола, калечащих операций по смене пола и т.д., т.п. Ведь, смысл жизни не в животном инстинкте и меркантильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихаджиева И.С. Гендерные аспекты сексуальной эксплуатации человека // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 134–142.
2. Экономический и социальный Совет ООН. Доклад Генерального секретаря по вопросу о сексуальном насилии // Distr.: General 23 March 2018 Russian Original: English. № S/2018/250. 47 с.
3. Оливер Э. Отменить или легализовать проституцию? Разум и вера // Испаноамериканский журнал культуры, № 261(1337). Б. 2010. С. 189–200.

4. Рубио Кастро Р. Аболиционистская теория проституции с феминистской точки зрения. Проституция и политика. Гендерный фактор, насилие и право // Тянь ло Бланш 1-е изд. 2008. С. 251–274.
5. Дядюн К.В. Гендерный анализ преступлений против общественной нравственности в сфере половых отношений // Исследования молодых ученых. 2009. № 3 (9). С. 42–45.
6. Фрейд З. Massenpsychologie_und_Ich-Analyse (Психология масс и анализ Я). 1921. В переводе Р.Ф. Додельцев. Издательство: Азбука-Аттикус. 2017. ISBN 978-5-389-10137-1
7. Экономический и социальный Совет ООН. Обновленная информация о защите от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств // Distr.: General 24 April 2023 Russian Original: English. № E/ICEF/2023/12. 19 с.
8. Жигалина Е.С. Ответственность за занятие проституцией или вовлечение в занятие проституцией по УК РФ / Е.С. Жигалина, А.А. Жидов // Молодой ученый. 2023. № 37 (484). С. 148–150.
9. Чурсина А.А. Проституция как одна из форм проявления девиантного поведения. отсутствие необходимости в легализации проституции, а также важность ужесточения ответственности за деятельность, связанную с проституцией // Аллея науки. 2022. т. 1. № 10 (73). С. 697–703.
10. Никифорова Е.С. Проституция как негативное социальное явление / Е.С. Никифорова // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Курск, 08 апреля 2022 года. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. — С. 99–101.
11. Сумала Т. Дж.м Регулирование проституции: причины и проблемы // Журнал размышлений. 2007. № 23. С.10–16.

© Романенко Елена Александровна (sonik24012005@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В ИРАКЕ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ORGANIZATION OF CONSTITUTIONAL CONTROL IN IRAQ AND RUSSIA: COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

Swayedi Ali Khalil Burhan

Summary. The article examines the views of Russian and Iraqi scientists on the concept of constitutional control and its types. A comparative legal analysis of the powers of the Supreme Judicial Bodies exercising the functions of constitutional control in Iraq and Russia is carried out. Based on the identified problems existing in the implementation of the activities of the Federal Supreme Court of Iraq, the author formulated proposals to improve constitutional control in Iraq.

Keywords: Supreme Court of Iraq, powers, Constitutional Court of the Russian Federation, Constitution, constitutional control, legislation.

Суайди Али Халил Бурхан

*Аспирант, Российского университета дружбы народов
Aliburhan83@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены взгляды российских и иракских ученых на понятие конституционного контроля, его виды. Проведен сравнительно-правовой анализ полномочий Высших судебных органов, осуществляющих функции конституционного контроля в Ираке и России. На основе выявленных проблем, существующих при осуществлении деятельности Федерального Верховного суда Ирака, автором сформулированы предложения по усовершенствованию конституционного контроля в Ираке.

Ключевые слова: Верховный суд Ирака, полномочия, Конституционный суд РФ, Конституция, конституционный контроль, законодательство.

Конституционный контроль — это одно из важнейших направлений в деятельности государства, осуществляемый его судебными органами и заключающийся в основном, в контроле за соответствием действующего законодательства Основному закону в жизни страны.

Отдельные ученые под конституционным контролем понимают определенные законодательством только лишь меры, направленные на соблюдение легитимности нормативных правовых актов и их соподчиненности Конституции страны в правовой иерархии и направленные на «проверку деятельности субъектов конституционно-правовых отношений [8, с.178]», а также на соответствие основным положениям Конституции «нормативных актов, а также действий госорганов, должностных лиц и иных субъектов [3, с. 260]».

Другая часть теоретиков конституционного права под этим понятием понимает «функцию компетентных государственных органов по обеспечению верховенства Конституции и ее прямого, непосредственного действия [5, с. 26]». Обобщая приведенные точки зрения, следует согласиться с определением Н.Р. Волкова, что такая деятельность должна быть основана на «нормотворчестве и правоприменении и направлена на утверждение верховенства Конституции [6, с. 86]».

В современном мире традиционно существуют две модели конституционного контроля: 1) американская модель, в которой правом контроля наделяются все суды общей юрисдикции; 2) европейская модель, при кото-

рой такой вид контроля осуществляется только специализированными судебными органами.

Существует мнение, что в случае нестабильности ситуации в стране, как например, это происходит в Ираке, основной закон страны Конституция нуждается в правовой охране, а значит, возрастает роль ее так называемого «охранника» в лице Федерального Верховного суда — Республики Ирак. Основные положения деятельности этого органа определены Конституцией страны, принятой в 2005 г. и Законом Ирака этого же года «О Федеральном Верховном суде».

Согласно Конституции Ирака Верховный Федеральный Суд обладает функцией конституционного контроля, имеет право на толкование Конституции, в его компетенцию входит разрешение спорных ситуаций, возникших между иракским переходным правительством, администрацией провинций и муниципалитетов, а также «решение вопроса об обвинении Президенту для досрочного отстранения его от должности [9, с. 34–35]».

Следует отметить, что в Конституции зафиксированы девять полномочий Верховного Суда Ирака, главным из которых является надзор за конституционностью законов, а в Законе указаны только четыре компетенции, в основном, связанные с рассмотрением споров, жалоб и иных дел. Суду принадлежит исключительная юрисдикция на основании жалобы истца или направления из другого суда для рассмотрения претензий о том, что закон, постановление или директива, изданные федеральными или региональными органами власти, губер-

наторскими или муниципальными администрациями или местными администрациями, не соответствуют настоящему Закону [7]. Если Федеральный Верховный суд вынесет решение о том, что оспариваемый закон, постановление, директива или мера не соответствуют настоящему Закону, они будут признаны недействительными.

Согласно вышеназванному Закону Верховный суд Ирака состоит из «Председателя и восьми членов, которые назначаются Президентским Советом на основе их выдвижения Высшим Судебным Советом [4, с. 83]». В связи с тем, что в Законе не урегулирован вопрос о сроках их работы на посту судей, их деятельность на судебном поприще считается бессрочной, что порождает возникновение таких явлений, как безнаказанность и коррупционность в их деятельности. Согласно законодательству Ирака, ни один судья не может быть отстранен от должности, если он или она не осуждены за преступление, связанное с моральной распущенностью или коррупцией, или не страдает постоянной нетрудоспособностью.

Процедура отстранения является достаточно сложной. Для того чтобы отстранить судью, Высший юридический совет должен рекомендовать отстранение, Совет министров должен принять решение об отстранении, а Президентский совет (в настоящее время Президент) должен одобрить отстранение. К тому в законодательстве Ирака мы не найдем требований относительно возраста и образования, опыта и гражданства как Председателя, так и членов Верховного суда Ирака.

Конституционный Суд РФ осуществляет свою деятельность на основе Конституции, основные положения которой относительно этого высшего органа судебной власти получили дальнейшее развитие в Федеральном Конституционном Законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», является органом конституционного контроля и осуществляет «судебную власть посредством конституционного судопроизводства [10]», в его составе 11 судей, которые «назначаются Советом Федерации по представлению Президента РФ на 12 лет [12]».

В составе Федерального Верховного Суда Ирака в соответствии с Конституцией кроме судей включены эксперты по исламскому праву и ученые-правоведы. При принятии Конституции партии стремились обеспечить определенное количество мест в Верховном Суде для исламских юристов, а курдские и светские партии выступили против этого, опасаясь идеи создания Суда, набитого знатоками шариата. Поэтому в окончательном тексте Конституции 2005 года не указано количество судей в Верховном Суде Ирака.

В 2011 году был внесен законопроект, предлагающий создание Федерального Верховного Суда Ирака из три-

надцати членов с главным судьей и восемью другими судьями (в общей сложности девять судебных должностей), а также консультативного совета из четырех человек: двух обычных юристов и двух специалистов по исламскому праву.

Согласно законопроекту, на девять судебных должностей Высший судебный совет должен предложить по три кандидатуры на каждую должность Верховного Суда, из которых Президент выберет одного. Министерство высшего образования назначит четырех судей по гражданскому праву, а две исламские благотворительные организации выдвинут четырех исламских судей. Затем Совет министров выберет по два кандидата от каждой группы, а Совет представителей утвердит кандидатов, отобранных большинством голосов. Законопроект 2011 года также предусматривал, что судьи должны иметь стаж работы не менее 20 лет и назначаться на определенный срок — 6 лет [7].

Но законопроект 2011 г. так и не стал законом, и правовое регулирование деятельности Верховного Суда Ирака продолжает осуществляться Законом 2005 г. Хотя его принятие обеспечивало бы участие широкого круга субъектов в отборе назначенцев Верховного Суда Ирака: судебных органов, Президента, Совета министров, Совета Представителей, а также как светских, так и исламских ученых-правоведов.

Отдельные иракские ученые видят в существующем положении дел: разделение на светскую юрисдикцию, заключающуюся в исключительной деятельности судебного сообщества и внесудебную юрисдикцию, в состав которой включаются «знатоки исламского права и ученые правоведы вместе с судебной коллегией» [9, с. 129], а также то, что ни в Конституции, ни в Законе нет «четко установленного соотношения количества исламских и светских судей [1, с. 72]».

В 2021 году был издан Закон № 25, первая поправка к Закону о Федеральном Верховном суде, согласно которой были внесены изменения в Закон о Суде № 30 от 2005 года. Поправка ограничила членов суда только судьями и не включила в него юристов или экспертов в исламской юриспруденции, а скорее суд состоит из президента, вице-президента и семи постоянных членов, выбранных из числа судей, в дополнение к четырем запасным судьям. Несмотря на важность этой поправки, она нарушает текст статьи 92 Конституции Ирака, что привело к сомнению конституционности работы Федерального верховного суда в соответствии с этим законом [11].

Исходя из анализа Конституций и Законов о высших органах конституционного контроля двух государств, можно определить общие черты высших органов конституционного контроля в России и Ираке:

1) это единственные органы в стране, которые занимаются вопросами конституционного контроля, другие судебные органы подобной деятельностью не занимаются, что свидетельствует о возможности отнести организацию конституционного контроля этих двух государств к европейской модели;

2) вопросы конституционного контроля урегулированы в Конституциях двух стран и законах о высшем органе судебной власти, закрепляющих его структуру и полномочия;

3) осуществлять конституционный контроль в России и Ираке могут только «должностные лица, обладающие особым статусом [6, с.83]».

Сущность конституционного контроля выражается в обеспечении верховенства Основного закона страны над всеми другими нормативными правовыми актами и его непосредственного прямого действия, а также «использования контрольных полномочий с целью дальнейшего развития и совершенствования правового пространства [6, с.87]», так и развития всего законодательства в целом.

В результате проведенного сравнительно-правового исследования основных положений Конституций РФ и Ирака и законов, осуществляющих правовое регулирование деятельности Конституционного Суда в России и Верховного Федерального Суда в Ираке, выявлено, что: порядок формирования состава Верховного Суда Ирака не урегулирован в законодательстве, требования к кандидатам, срок полномочий судей и основания его прекращения отсутствуют.

Для решения обозначенной проблемы предлагается внести изменения в Закон о Верховном Суде Ирака: во — первых, привести полномочия Верховного Суда, определенные в этом законе в соответствии с полномочиями, закрепленными в Конституции страны, то есть расширить их; во-вторых, устранить имеющиеся правовые коллизии и урегулировать вопросы, связанные с формированием состава суда, профессиональными и образовательными требованиями к судьям и определить соотношение исламских и светских представителей в Верховном Суде Ирака.

Таким образом, можно сделать вывод, что конституционный контроль является одним из основных средств и одновременно, надежной возможностью обеспечения стабильности в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов Л.В. Алдаллал А. Современная конституционная модель республики Ирак: аксиологический аспект // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 70–73.
2. Аль-Мухамед Гани Экаер Атия Конституционное право на судебную защиту и гарантии эффективной реализации в России и Республике Ирак. Автореферат диссертации... к.ю.н. М., 2013. 24 с.
3. Аль-Мухамед Гани Экаер Атия, Халед Казим Аль Ибрахими Конституционные основы состава суда органа судебного контроля в республике Ирак // Территория науки. 2013. № 2. С. 260–264.
4. Бердникова Е.В. Рабиа А.И. Актуальные проблемы становления и развития органов конституционного контроля в Республике Ирак // URL.: <http://legal-culture.sarpra.ru/images/legalculture/PDF/...> (дата обращения 26.10.2023).
5. Витрук Н.В. Конституционное правосудие: судебное конституционное право и процесс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 591 с.
6. Волков Р.Н. Понятие конституционного контроля в современной российской науке // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 81–89.
7. Конституционные суды после Арабской весны: механизмы назначения и относительная независимость судебной власти // URL.: <https://constitutionaltransitions.org/wp-content/uploads/2017/05/Constitutional-Courts-after-the-Arab-Spring-High-Resolution-1.pdf> (дата обращения 26.10.2023).
8. Куранов Д.В., Опарин В.Н. Конституционный контроль в зарубежных странах // Научный журнал «Эпомен». 2022. № 69. С. 178–184.
9. Наджи М. Федеральный Верховный суд в Ираке: Практическое исследование юрисдикции Судом и контроля в отношении постановлений и решений. 1-е изд. АльНаджаф, 2007. 129 с.
10. Тарасова А.Е., Власенко Д.К. Публичный контроль за конституционностью правоприменения: компетенция Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 70–76.
11. Фадель М.Э. Природа закона о Федеральном Верховном суде и его основные правила // Исследовательский журнал юридических наук. 2022. № 1. С. 129–163.
12. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения 16.10.2023).

© Суайди Али Халил Бурхан (Aliburhan83@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОПРОСЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

REGULATORY AND LEGAL COORDINATION OF THE ACTIVITIES OF STATE BODIES IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION IN RUSSIA

T. Tretyakova

Summary. The article examines and discloses in details the issues of regulatory coordination of the activities of government bodies, authorities at various levels and individual officials in the field of anti-corruption. The fight against obtaining materials or non-material benefits, abuse of power by an executive or its official position for personal gain is a priority task of anti-corruption policy. A number of normative and legal creation of regional commissions to coordinate anti-corruption work.

Keywords: regulatory coordination, benefits, abuse of power, anti-corruption policy.

Третьякова Татьяна Олеговна

кандидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургская юридическая академия
tretyakova-t@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы нормативно-правовой координации деятельности государственных органов, органов власти на различных уровнях, а также отдельных должностных лиц, в сфере противодействия коррупции. Борьба с получением материальной либо нематериальной выгоды, злоупотреблением должностным лицом полномочиями либо служебным положением в корыстных целях является приоритетной задачей антикоррупционной политики. Был принят ряд нормативно-правовых актов, которые легли в основу создания региональных комиссий по координации работы по противодействию коррупции.

Ключевые слова: нормативно-правовая координация, выгода, злоупотребление полномочиями, антикоррупционная политика.

Коррупция как явление, присущее многим современным регионам и государствам, стала поистине международной проблемой, на решение которой брошены силы и предприняты меры на различных организационных уровнях. В конце двадцатого столетия проблема коррупции превратилась в глобальную задачу, на поиск решения которой посвящались обсуждения в рамках проведения конгрессов Организации Объединённых наций (ООН). Данные конгрессы были посвящены применению мер по предупреждению преступности, правилам обращения с лицами, которые осуществляли подобные действия.

Для интенсивного поиска мер по профилактике и предупреждению коррупционных действий исключением не стали семинары и конференции, которые проводились международным сообществом. Масштаб угрозы, которую представляет собой коррупция для развития мирового сообщества, обусловил появление целого ряда основополагающих международных документов, посвящённых теме борьбы с коррупцией. Стоит упомянуть некоторые из подобных нормативных актов:

а) Конвенция Организации Объединённых наций против коррупции (был принят 31 октября 2003 года);

б) Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173). Данный документ

был заключён 27 января 1999 года в городе Страсбурге и приобрёл юридическую силу 1 июля 2002 года [1, с. 434].

На территории Российской Федерации нормативно-правовое регулирование такого явления, как борьба с коррупцией и противодействие ей, осуществляется на основании Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 279-ФЗ «О противодействии коррупции» [2]. Согласно определению, данному в подп. «а» ч. 1 ст. 1 данного закона, под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Определение понятия «коррупция» содержится не только в нормативных правовых актах, но и в различных научных источниках.

Американские исследователи Э. Бенфинд, М. Джонсон и Дж. Най в своё время разработали целую концеп-

цию, посвящённую коррумпированному поведению. Согласно данной концепции, под термином «коррупция» напрямую понимается невыполнение либо ненадлежащее выполнение политическим деятелем, государственным служащим, предпринимателем и любым иным лицом возложенных на него служебных обязанностей, в основе чего лежит личный интерес, либо интерес семьи или группы лица, замеченного в коррумпированном поведении.

Другие исследователи также давали свои определения понятию коррупции. Д. Бейли считал, что коррупция представляет собой злоупотребление властью. Результатом служит то, что использование служебных полномочий в личных целях не всегда выражается в материальных вещах. К. Фридрих полагал, что коррупция является отклоняющимся поведением, корни которого лежат в частной мотивации, что означает одно — частные цели и стремления осуществляются за публичный счет.

Под частными интересами К. Фридрих понимает индивидуальные и групповые интересы, то есть в коррумпированном поведении заинтересован как отдельных индивид, так и целая группа.

Схожее определение даёт исследователь Дж. Най. Согласно его взглядам, коррупция выражается в поведении, которое отклоняется от формальных обязанностей и публичной роли под воздействием частных (индивидуальных либо семейных), которые запрещают определенные стратегии такого поведения относительно частного влияния [1, с. 435].

Как видится из вышеуказанных определений, явление и понятие коррупции сходно и в нормативно-правовом выражении, и в научных исследованиях. И законодатель, и учёные отмечают схожие черты, присущие коррумпированному поведению: преобладание частных целей над должностными обязанностями, использование служебного положения в целях получения выгоды для лично должностного лица, его родственников либо какой-либо группы, в которую входит должностное лицо и др.

Согласно довольно распространённому мнению, объективными признаками противоправного деяния, носящего название «коррупция», исходя из взглядов исследователей, а также из текста определений, которые отражаются в нормативных правовых актах, являются:

1) конкретные действия либо же бездействие отдельных лиц или их группы, которые обладают особым статусом. То есть человек, замеченный в коррумпированном поведении, является должностным лицом, и в силу своего статуса осуществляет полномочия, которые представляют конкретный интерес для граждан, организаций и любых иных лиц;

2) конкретные действия либо бездействие, которые носят противоправный характер и осуществляются в рамках исполнения должностными лицами своих должностных обязанностей и осуществления возложенных на них полномочий;

3) конкретные действия либо бездействие, результатом осуществления которых является прибыль для служащего и для его близких, включая членов семьи;

4) одним из характерных признаков является то, что субъектами коррупционных отношений выступают, с одной стороны, должностные лица, с другой — представители частного сектора, функционирование которого носит как вполне легальный, так и противозаконный характер. Любые отношения, которые возникают в общественных либо хозяйственных рамках, могут со временем превратиться в объект коррупции.

Наиболее полным представлением коррупции представляется классификация, предложенная исследовательницей Е.А. Музалевской, которая предлагает рассматривать коррупцию относительно признаков, присущих данному явлению [3, с. 35–36] (см. табл. 1).

Явлением, которое является прямым антиподом понятия «коррупция» и служит для устранения предпосылок её возникновения, видится в данном случае такое понятие, как «противодействие коррупции». Определение указанного термина также содержится в ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» [2]. Противодействие коррупции, согласно данной статье, могут осуществлять федеральные органы государственной власти, включая органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также институты гражданского общества, организации и физические лица, в пределах предоставленных им полномочий.

Исходя из смысла ст. 5 Федерального закона «О противодействии коррупции», можно заметить, что координация деятельности в данной сфере строится на следующих уровнях, а именно:

1. Президент Российской Федерации;
2. Федеральное собрание Российской Федерации;
3. Правительство Российской Федерации;
4. федеральные органы государственной власти, включая органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, в пределах своих полномочий;
5. правоохранительные органы и иные государственные органы, органы местного самоуправления и отдельные должностные лица.

Также свою деятельность в области борьбы с коррупцией осуществляют:

1. Генеральный прокурор РФ и его подчинённые — они координируют деятельность органов внутренних дел РФ, органов федеральной службы безопасности, таможенных органов и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией;
2. Генеральная прокуратура РФ;
3. Счётная палата Российской Федерации в пределах своих полномочий [2].

Таблица 1.

Классификация признаков коррупционного поведения по Е.А. Музалевской

Виды коррупционного поведения	Отличительные признаки
Субъект злоупотребления служебным положением	<ul style="list-style-type: none"> • государственная; • коммерческая; • политическая
Инициатор	<ul style="list-style-type: none"> • запрашивание взяток; • подкуп
Лицо — взяткодатель	<ul style="list-style-type: none"> • индивидуальная; • предпринимательская; • криминальный подкуп
Форма выгоды	<ul style="list-style-type: none"> • денежные средства; • патронаж, nepотизм и др.
Цель	<ul style="list-style-type: none"> • ускоряющая взятка; • тормозящая взятка; • взятка за «доброе отношение»
Централизация	<ul style="list-style-type: none"> • децентрализованная; • централизованная «снизу-вверх»; • централизованная «сверху-вниз»
Уровень распространения	<ul style="list-style-type: none"> • низовая; • верхушечная; • международная
Степень регулярности	<ul style="list-style-type: none"> • эпизодическая; • систематическая; • клептократия
Состав преступления	<ul style="list-style-type: none"> • злоупотребление служебным положением; • дача (получение) взятки; • злоупотребление полномочиями; • коммерческий подкуп; • иные действия
Вид государственной деятельности	<ul style="list-style-type: none"> • государственные закупки; • судебная и правоохранительная система; • лицензирование; • операции с земельными участками; • материальная выгода при назначении на должность
Тип выгоды	<ul style="list-style-type: none"> • нелегальная прибыль; • нелегальное уменьшение расходов; • нематериальная выгода

До того момента, как Указ Президента РФ от 15 июля 2015 года № 364 «О мерах по совершенствованию ор-

ганизации деятельности в области противодействия коррупции» вступил в юридическую силу, отдельные субъекты РФ практиковали разнообразные подходы по вопросам обеспечения координации антикоррупционной деятельности. Такие функции на практике реализовывались со стороны высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, аппарата высшего должностного лица субъекта РФ либо действиями специальной комиссии, которая создавалась, чтобы координировать проведение антикоррупционных мероприятий органами государственной власти и органами местного самоуправления на непосредственно территории региона.

Способствуя утверждению Типового положения о Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации, Указ определил узкую специализацию органа, действующего исключительно при высшем должностном лице субъекта Российской Федерации, под которым подразумевается руководитель высшего исполнительного органа государственной власти.

К причинам создания координационных органов в области противодействия коррупции непосредственно при руководителе субъекта РФ относится то, что данное должностное лицо наделяется общими координационными полномочиями на вверенной ему территории, которые распространяются не только на региональную государственную систему исполнительной власти, но и на организацию деятельности в пределах субъекта Российской Федерации территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, включая и органы местного самоуправления.

Упомянутый ранее координационный орган занимает особое место в системе органов, которые принимают непосредственное участие в противодействии коррупции на территории субъекта Российской Федерации. Именно усилиями, предпринимаемыми самим государственным органом, обеспечивается единство действий территориальных органов власти субъекта РФ, которые способствуют реализации государственной политики по противодействию коррупции.

На координационный орган возлагается довольно таки широкий круг задач и полномочий, направленных на организацию исполнения государственной антикоррупционной политики. Сюда входит:

а) обеспечение исполнения решений Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции и его президиума;

б) подготовка предложений о реализации государственной политики в области противодействия коррупции руководителю субъекта РФ;

в) обеспечение координации деятельности высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, а также органов исполнительной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления, направленной на реализацию государственной политики в области противодействия коррупции;

г) обеспечение согласованности действий органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления, их взаимодействие с территориальными подразделениями федеральных государственных органов при реализации мер по противодействию коррупции [4, с. 151-153].

Следовательно, мы можем наблюдать довольно ясную картину того, как именно осуществляется деятельность государственных органов разного уровня, уполномоченных на борьбу с коррупцией органов. При этом стоит отметить, что не только на территории России, а также на территории других государств принимаются различные меры, которые направлены на борьбу с коррупционным поведением. В ряде зарубежных стран также принимаются меры, направленные на борьбу с коррупционным поведением должностных лиц и государственных служащих.

Страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) довольно сложно отнести к конкретной модели восприятия коррупции. С уверенностью можно сказать лишь об определенном синтезе существующий на сегодняшний день моделей — азиатской, африканской, латиноамериканской, европейской, что связано со множеством причин локального свойства. В международных индексах коррупции страны ЕАЭС традиционно относятся к высококоррупцированным.

Все страны — члены Евразийского экономического союза, находятся примерно на одинаковом уровне институционального развития. Слабыми местами институциональной среды в странах ЕАЭС остается независимость судебной системы, надежность услуг полиции, фаворитизм в решениях государственных органов, организованная преступность. Для институтов характерно усиление бюрократии и коррупции, значительная доля

теневой экономики, разрыв между правовыми нормами и социальной практикой.

Опыт зарубежных стран свидетельствует об эффективности применения в борьбе с коррупцией мер антикоррупционного правосознания. В качестве подобного примера можно привести Китай — страну, где на регулярной основе проводятся специальные занятия путем использования разных психологических приемов, упражнений. Целью данных занятий является формирование правовой идеологии в среде государственных служащих. Данные мероприятия также способствуют формированию самодисциплины госслужащего, направленной на борьбу с коррумпированным поведением [5, с. 74-75].

Примечательно то, что в странах Азии исторически сложились все предпосылки для создания условий, способствующих борьбе с использованием чиновниками и служащими своих полномочий с целью извлечения личной выгоды. Нередко происходили ситуации, когда государственный служащий, уличенный в получении взятки, мог быть приговорён к суровому наказанию (вплоть до смертной казни).

Справедливо также отметить тот факт, что в российской истории также встречаются примеры суровых наказаний для лиц, которые злоупотребляли наделёнными должностными полномочиями для получения материальной или иной выгоды, то есть наказанию непосредственно подвергались взяточники.

Таким образом, успешное функционирование органов координации деятельности в области противодействия коррупции имеет под собой правовую основу и возможно благодаря проведённым в последние годы реформам, в результате которых были приняты новые нормативно-правовые акты и созданы новые подразделения на базе органов государственной власти. В свете противодействия коррупционному поведению и антикоррупционной политики нередко стоит обращать внимание на зарубежный опыт в аналогичной сфере, из которого возможно почерпнуть полезные тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климова, М.В. Понятие коррупции // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 433–442.
2. «О противодействии коррупции»: Федеральный закон от 25.12.2008 № 279-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (Дата обращения 10.10.2023)
3. Новичкова, Е.Е. Понятие, содержание и виды коррупции // Вестник института экономики, управления и права Уральского федерального университета. 2018. № 1. С. 33–39.
4. Матулис, С.Н. Правовые основы деятельности Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 149–157.
5. Панзабекова, А.Ж. Зарубежный опыт противодействия коррупции и возможности его применения в странах ЕАЭС // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. № 1. С. 73–78.

ОСОБЕННОСТИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ¹

Трошев Денис Борисович

Кандидат юридических наук, доцент,
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
d.troshev@list.ru

FOUNDATIONS AND CONDITIONS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF THE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM UNFRIENDLY ACTIONS OF FOREIGN STATES AS A LEGAL FORM OF EXERCISING PUBLIC POWER

D. Troshev

Summary. This article examines the features of measures of administrative and legal protection of the sovereignty of the Russian Federation from unfriendly actions of foreign states, affecting to one degree or another, in fact, most areas of public administration. The author comes to the conclusion that it is difficult to form an exhaustive list of such measures due to the difference in approaches to the administrative and legal protection of sovereignty and their close intertwining with legal measures of other industry affiliation. At the same time, it is quite possible to determine their features, which will allow to systematize the measures under study, identify problematic aspects of their introduction and application, as well as offer options for resolving existing difficulties in order to increase the effectiveness of legal protection of state sovereignty.

Keywords: sovereignty of the Russian Federation, unfriendly actions of foreign states, administrative and legal protection measures, public administration.

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности мер административно-правовой защиты суверенитета Российской Федерации от недружественных действий иностранных государств, затрагивающих в той или иной степени фактически большинство сфер государственного управления. Автор приходит к выводу о сложности формирования исчерпывающего перечня таких мер в силу разности подходов к административно-правовой защите суверенитета и их тесного переплетения с правовыми мерами иной отраслевой принадлежности. Вместе с тем вполне возможно определить их особенности, что позволит систематизировать исследуемые меры, выявить проблемные аспекты их введения и применения, а также предложить варианты разрешения имеющихся затруднений в целях повышения эффективности правовой защиты государственного суверенитета.

Ключевые слова: суверенитет Российской Федерации, недружественные действия иностранных государств, меры административно-правовой защиты, государственное управление.

Любая система, в числе которых и система административно-правовой защиты суверенитета РФ от недружественных действий иностранных государств, состоит из структурно соединенных между собой элементов. К таким элементам, отражающим особенности всей системы, относятся и меры административно-правовой защиты.

Административно-правовая мера, как правовая категория, применима к уполномоченным на ее осуществление публичным органам [7]. Ю.Г. Федотова считает [8], что меры административно-правовой защиты представляют собой полномочия по реализации прав, законных интересов и гарантий граждан, выраженные в действиях со-

ответствующих органов. С поправкой на цели настоящей публикации отметим, что соответствующие полномочия направлены на защиту государственного суверенитета.

К этим мерам можно отнести принятие правовых актов, охрану участников правоотношений, создание условий для защиты государственного суверенитета, юридическую ответственность и другие. Исходя из интенсивности воздействия угроз суверенитету, а также содержания мер их можно разделить на активные и пассивные [3].

Можем ли мы сформировать исчерпывающий перечень таких мер? Полагаем, что нет, исходя из следующих умозаключений.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет — 2030»

Во-первых, в силу разности подходов к административно-правовой защите. Дело в том, что ученые разграничивают административно-правовую защиту в целом и административную защиту как внесудебную, которая реализуется органами публичной власти [7]. Соответственно, для них будут характерны свои специфические меры.

Во-вторых, меры административно-правовой защиты тесно переплетаются с иными правовыми мерами, имеющими иную отраслевую принадлежность. В.В. Красинский, исследуя механизм защиты государственного суверенитета, рассматривает его в организационно-управленческом, институциональном, функционально-технологическом и правовом аспектах. При этом к последнему он относит нормативное регулирование, правоприменение, а также юрисдикционную деятельность. В свою очередь механизмы защиты суверенитета посредством конституционного права он раскрывает через призму социально-экономической, политической и идеологической сфер [3] и актуальных для них мер.

В-третьих, термин «меры» применительно к суверенитету РФ встречается в различных актах. В Основном законе это «меры по охране суверенитета РФ» (часть 2 статьи 80), в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» «меры по защите суверенитета РФ» (статья 24). В пункте 99 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, это симметричные и асимметричные меры, необходимые для пресечения, а также предотвращения повторения в будущем недружественных действий иностранных государств, представляющих угрозу суверенитету и территориальной целостности России. Данные меры, в числе прочего, связаны с применением ограничительных мер (санкций) политического или экономического характера либо использованием современных информационно-коммуникационных технологий. И далеко не всегда меры по защите суверенитета связаны с недружественными действиями.

В этой связи и учитывая тему настоящей статьи, акцент в ней будет сделан на специфике мер, предусмотренных положениями Федеральных законов от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (далее — закон о специальных мерах) и от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (далее — закон о недружественных действиях), а именно специальных экономических мерах и мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств. Детальная аргументация, обосновывающая взаимосвязь недружественных действий иностранных государств с угрозами суверенитету Российского государства, освещена в других работах автора настоящей статьи [4, 5].

Исходя из анализа части 2 статьи 1 закона о недружественных действиях, целью применения мер является защита интересов и безопасности РФ, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан РФ от недружественных действий.

Часть 1 статьи 2 закона о специальных мерах к целям специальных экономических мер относит, во-первых, обеспечение интересов и безопасности России, во-вторых, устранение или минимизацию угрозы нарушения прав и свобод ее граждан. Данные меры могут в совокупности преследовать и ту, и другую цель. Норма о «минимизации угрозы нарушения прав и свобод», по всей видимости, не дает оснований для применения мер в порядке упреждения [2].

Вне зависимости от индивидуальных характеристик конкретных мер административно-правовой защиты, реализуемых теми или иными субъектами, в целом для них характерны следующие особенности [1].

1. Проявляются в виде запретов и ограничений на осуществление определенных видов деятельности (по отраслям, секторам, применительно к отдельным хозяйствующим субъектам), дополнительных требований к субъектам, совершаемым ими сделкам. Например, президентским Указом (№ 520 от 5 августа 2022 г.) запрещены сделки (операции) с акциями, которые составляют уставные капиталы акционерных обществ из перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ (утвержден Указом от 4 августа 2004 г. № 1009).

2. Могут проявляться в виде дополнительных мер поддержки, льгот, преференций в отношении определенных субъектов. Так, Правительством РФ было принято решение о поддержке участников государственных закупок в условиях внешних ограничений. Согласно его Постановлению (от 21 марта 2022 г. № 417), те исполнители и подрядчики по государственным контрактам, которые не исполнили свои обязательства из-за форс-мажора, связанного с введением санкций и других ограничений зарубежными государствами, не будут включаться в реестр недобросовестных поставщиков. Ещё одно новшество касается малого и среднего бизнеса. Максимальный срок оплаты услуг таких бизнесменов по заключенным с госзаказчиками договорам уменьшен с 15 до 7 рабочих дней, чтобы предприниматели получали средства максимально быстро [9].

Также можно привести меры, поименованные на сайте Минэкономразвития России в разделе «Меры поддержки бизнеса в условиях санкций» [10] по нескольким направлениям: финансы, налоги, IT, поддержка импортозамещения, административная нагрузка.

В рамках снижения административной нагрузки введены моратории на банкротство, на плановые проверки бизнеса, упрощение страны происхождения товаров, снижение размеров штрафов для отдельных субъектов предпринимательства, продление действия водительских прав.

3. Носят срочный характер, то есть ограничены по времени (в отдельных случаях могут быть бессрочными). В рамках поддержки импортозамещения Совет Евразийской экономической комиссии по инициативе РФ решил [11] на полгода освободить от ввозной таможенной пошлины продовольственные товары и товары, используемые в их производстве, например, животная, молочная продукция, овощи, семена подсолнечника.

Актом Правительства России (от 30 сентября 2022 г. № 1728) запрещено осуществление международных автомобильных перевозок грузов по российской территории транспортными средствами иностранных перевозчиков, которые зарегистрированы в иностранных государствах, которые ввели в отношении граждан РФ и российских юридических лиц ограничительные меры всфере международных автомобильных перевозок грузов.

4. Вводятся в специальном (особом) порядке. В качестве примера можно привести наделение специальными полномочиями ряда субъектов. Федеральным законом от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Правительству РФ делегированы ряд дополнительных полномочий, так, право определять особенности организации и осуществления видов государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

5. Реализация мер обязательна для органов публичной власти, граждан РФ и находящихся под юрисдикцией РФ юридических и физических лиц. Минфином России подготовлен законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ID проекта 02/04/06-23/00139571), предусматривающий обязательность соответствующих мер также для филиалов, через которые иностранные банки осуществляют деятельность на территории России.

А.В. Калинин [2] считает, что требование обязательности касается имплементации специальных мер, их эффективность существенно зависит от согласованности действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц по их реализации. По этой причине в каждом отдельном случае необходимо применять перечень мер (в первую очередь принятие необходимых нормативных правовых актов), благодаря которым будет обеспечено соблюдение запретов и ограничений.

6. Ответственность в случае ненадлежащей реализации мер. В законе о недружественных действиях ответственность напрямую не оговаривается, она вытекает из положений иных нормативных правовых актов и предполагает дисциплинарный характер. В части 4 статьи 3 закона о специальных мерах — это ответственность должностных лиц за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, связанных с реализацией специальных экономических мер.

Как отмечает А.В. Пересыпкин [6], указанным законом не определен запрет для органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и физических лиц под юрисдикцией РФ, на исполнение введенных зарубежными государствами в отношении нашей страны экономических санкций. Ненадлежащая урегулированность данного вопроса может привести к тому, что соблюдающая специальные экономические меры в отношении иностранных государств российская организация одновременно будет исполнять и требования антироссийских санкций в отношении организаций, органов, учреждений РФ.

7 апреля 2022 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект «О внесении изменения в статью 201 Уголовного кодекса Российской Федерации», нацеленный на защиту интересов и безопасности РФ, прав и свобод ее граждан, прав и законных интересов российских юридических лиц [12]. Им предлагалось дополнить часть вторую статьи 201 «Злоупотребление полномочиями» УК РФ квалифицирующим признаком «совершенное в целях исполнения решения иностранного государства, союза иностранных государств или международной организации о введении мер ограничительного характера против Российской Федерации». Вместе с тем до настоящего времени законопроект Государственной Думой не рассматривался.

Также Минфином России был подготовлен законопроект «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в части введения ответственности за несоблюдение мер воздействия (противодействия), направленных на обеспечение финансовой стабильности РФ. Предполагалось, что изменения вступят в силу с 1 июля 2023 года, а полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях по новой статье будут закреплены за ФНС России и ФТС России. Вместе с тем с 8 октября 2022 года движения по законопроекту нет, текущий этап — подготовка к публичным консультациям [13].

Приведенные особенности не претендуют на исчерпывающий характер, но позволяют в некоторой степени систематизировать исследуемые меры и выявить ряд проблемных моментов в их регулировании и примене-

нии. Пока административное законодательство и юридическая наука не вполне дает готовые решения данных проблем. В связи с этим остро встали вопросы теоретического обоснования и правового регулирования мер административно-правовой защиты суверенитета РФ от недружественных действий иностранных государств в современных условиях и выработки предложений по ее совершенствованию. Необходимо вооружить си-

стему государственного управления универсальным алгоритмом действий в условиях, не требующих введения чрезвычайных административно-правовых режимов, но носящих явно экстраординарный характер, особенно учитывая отсутствие до настоящего времени комплексного исследования соответствующей темы в разрезе ее административно-правовых аспектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.К., Андреева Л.В., Арсланов К.М. и др. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 432 с.
2. Калинин А.В. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» // Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. М.: АНО Центр публично-правовых исследований, 2007. Т. 2. С. 350–374.
3. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 608 с.
4. Трошев Д.Б. Особенности нормативного правового регулирования административно-правовой защиты суверенитета Российской Федерации от недружественных действий иностранных государств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11. С. 88–96.
5. Трошев Д.Б., Бельский А.И. Система нормативных правовых актов федерального уровня в области административно-правовой защиты суверенитета Российской Федерации от недружественных действий иностранных государств // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 31–38.
6. Пересыпкин А.В. Пробелы отечественного законодательства, регламентирующего реализацию специальных экономических мер // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 61–62.
7. Федотова Ю.Г. Особенности содержания административно-правовой защиты прав и законных интересов граждан в сфере обороны и безопасности Российской Федерации в судебном порядке // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 44–47.
8. Федотова Ю.Г. Элементы административно-правовой защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в обеспечении обороны страны и безопасности государства // Адвокатская практика. 2019. № 3. С. 29–34.
9. Официальный сайт Правительства Российской Федерации / URL: <http://government.ru/docs/44903/>.
10. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации / URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/sanctions_measures/.
11. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации / URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/sanctions_measures/podderzhka_importozameshcheniya/obnulenie_na_6_mesyacev_vvoznih_tamozhennyh_poshlin_na_gruppy_tovarov/
12. Система обеспечения законодательной деятельности / URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102053-8>.
13. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов / URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=131468>.

© Трошев Денис Борисович (d.troshev@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОВЕДЕНИЕ И ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОРЫ ПОТЕНЦИАЛА СОКРАЩЕНИЯ ПРЕДОТВРАТИМОЙ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

BEHAVIOUR AND HEALTH AS POTENTIAL FACTORS FOR REDUCING PREVENTABLE MORTALITY AND INCREASING LIFE EXPECTANCY

Yu. Dmitrieva

Summary. The aim of the study is to assess the main factors of the potential to reduce preventable mortality of the population and increase life expectancy. The article highlighted the factors that determine the potential opportunity in modern society to influence population mortality. It is substantiated that the strategy of searching for potential opportunities to influence population mortality should be aimed not so much at adding more years to a person's life, but at adding quality of life, and that the increase in life expectancy should not be accompanied by disability. It has been determined that there are structural differences in life expectancy and mortality rates in Russia, but the trend is the same regionally. Not only life expectancy of the population is increasing, but also the number of years lived in good health, which is a major part of the increase in years in general.

Keywords: life expectancy, potential, population mortality, health, behaviour.

Дмитриева Юлия Викторовна

*Доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Лаборатория проблем воспроизводства населения Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва
julia9770@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования — дать оценку основным факторам потенциала сокращения предотвратимой смертности населения и увеличения продолжительности жизни. В статье были выделены факторы, которые определяют потенциальную возможность в современном обществе влиять на смертность населения. Обосновано, что стратегия поиска потенциальных возможностей влияния на смертность населения должна быть направлена не столько на то, чтобы добавить больше лет к жизни человека, сколько на то, чтобы добавить качество жизни, и чтобы увеличение продолжительности жизни не сопровождалось инвалидностью. Определено, что существуют структурные различия в продолжительности жизни, и в уровне смертности населения в России, но тенденция прослеживается порегионально одна и та же. Увеличивается не только продолжительность жизни населения, но и количество лет, прожитых в хорошем состоянии здоровья, что составляет большую часть прироста лет в целом.

Ключевые слова: демографический потенциал, ожидаемая продолжительность жизни, потенциал, смертность населения, здоровье, поведение.

Введение

Демографический потенциал регионов в относительном выражении различается и по исходным ресурсам в относительном выражении, то есть по демографическим структурам, и по текущим возможностям. Различия текущих возможностей объясняются в большей степени как раз различиями структурных ресурсов регионов. Основные факторы демографического потенциала — явления и процессы, ощутимо либо заметно воздействующие на уровни интенсивности демографических процессов, — рождаемости населения, смертности населения, постоянных прибытий и постоянных выбытий. У каждой из компонент — свои основные факторы. В процессе исследования потенциала снижения смертности населения были выделены основные его факторы — это изменения в: — демографических структурах населения, помимо половозрастной; — образе жизни (от саморазрушительного до самосохранительного поведения); — окружающей среде, включая социальную, экономическую, экологическую, климати-

ческую, криминогенную; — общедоступной медицине (прежде всего, в новых технологиях).

Цель исследования — дать оценку основным факторам потенциала сокращения предотвратимой смертности населения и увеличения продолжительности жизни. Задачи исследования: — дать оценку общероссийским тенденциям в области смертности населения и продолжительности жизни; — выявить особенности поведения и здоровья как особых факторов потенциала в сокращении предотвратимой смертности и увеличении продолжительности жизни; — определить стратегию поиска потенциальных возможностей влияния на смертность населения.

В статье применяются следующие методы исследования: научных обобщений, системного, экономического, исторического, критического, статистического и социологического анализа. Теоретическо-методологическую основу исследования составили труды ведущих демографов, экономистов, социологов. Данные Росстата послужили основой для статистического анализа. В работе

использованы результаты практических исследований отечественных и зарубежных ученых по исследуемой проблематике.

Как известно, наиболее качественные перемены, которые влияют на процесс смертности населения происходят в результате демографического перехода, которые, безусловно, включают в себя изменения в отношении к жизни, и смерти в целом, изменения в общественном контроле над природными и социальными факторами, влияющими на сокращение или увеличение смертности населения, а также рост ожидаемой продолжительности жизни населения. В этих условиях, происходит смена самого исторического типа смертности, переход от традиционного к современному ее типу. Основное отличие традиционного типа смертности от современного — это обусловленность подавляющего количества смертей внешними экзогенными факторами окружающей среды. Современный тип смертности, формируется на определенном этапе исторического развития, когда происходит скачкообразное расширение возможностей общества контролировать экзогенные факторы окружающей среды. Поэтому и жизнь, и смерть человека в этих условиях несравнимо меньше, чем раньше, зависят от негативных влияний окружающей среды. И как результат — смертность в гораздо большей, чем раньше, степени зависит от действия внутренних, эндогенных факторов, которые порождаются естественным развитием и старением человеческого организма. Демографический переход затрагивает, прежде всего, два основных процесса — рождаемость и смертность. Поэтому, современный тип смертности тесно связан с установлением нового типа рождаемости. Когда для смертности характерно очень сильное снижение, благодаря которому перестает быть объективно необходимой высокая рождаемость, а социальные механизмы ориентированы на поддержание ее низкого уровня. Демографические события, прежде всего рождения и смерти, зависят, прежде всего, от возраст-полового состава населения, который имеет общую тенденцию изменения при всех типах демографического перехода — сокращение доли детей (0–14), с одной стороны, и увеличении доли пожилых, — с другой. Таким образом, сегодня мы имеем мировую картину увеличения среднего возраста в населении и увеличение в общей численности населения доли пожилых и уменьшении доли молодых возрастов. Старение населения — это мировой демографический тренд, наряду с ростом общей численности населения, увеличением потоков международной миграции и урбанизацией. Снижение смертности обусловило рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении в большинстве стран и во всем мире. Увеличение продолжительности жизни сопровождается сужением возрастного диапазона, в котором происходит большинство смертей. Раньше смертность часто наступала в любом возрасте. Дети умирали, например, от инфекционных заболеваний, а женщины часто

погибали при родах. Сегодня в большинстве стран преждевременная смерть в возрасте до 60 или 70 лет — относительно редкое явление. По данным ООН за 2023 год [6] ожидается, что число людей в возрасте 65 лет и старше, удвоится и превысит 1,6 млрд человек. В настоящее время старение населения наиболее интенсивно в Европе и Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии, а также в большинстве стран Восточной и Юго-Восточной Азии. В большинстве странах этих регионов доля пожилых людей — условно говоря, лиц в возрасте 65 лет и старше, превышает 10 %, а в некоторых случаях и 20 % от общей численности населения.

Согласно исследованиям, для России, помимо общемировых тенденций старения населения и повышении доли старших возрастов в общей численности населения характерно длительное сохранение волнообразной деформации возрастного состава и значительные диспропорции в старших возрастах.[3] По международным критериям, если доля лиц в возрасте 65 лет и старше превышает 7 % населения, то население считается старым. Так, доля населения 65 лет и старше составила в России на начало 2022 года 16,0 %, что на 0,2 % больше, чем в 2021 году (15,8 %). Прослеживается значительное превышение женщин в старших возрастах над мужчинами. Доля возрастной группы 65 лет и старше в женском населении составила 19,9 %, тогда как доля мужского населения — 11,5 %. В целом на 1 января 2022 года численность женщин составила 77,9 млн человек (53,5 %), а численность мужчин — 67,7 млн человек (46,5 %). Более высокая преждевременная смертность мужчин в России является фактором превышения численности женщин над численностью мужчин начиная уже с 36 лет. На начало 2022 года в населении 65 лет и старше женщины составляют 66,5 %, а в возрасте 85 лет и старше женщины составили 75,9 %. [1]

Для России всегда был характерен северо-восточный вектор смертности. Это означает, что в Сибири, на Дальнем Востоке, на Урале и на севере европейской части России смертность выше, а продолжительность жизни ниже, чем на Северном Кавказе, Поволжье, в Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областях. Центральный регион при этом был где-то посередине. Несомненно, что есть исключения из этой закономерности, но в целом она достаточно стабильно сохраняется на протяжении длительного времени.

Отрицательная динамика ожидаемой продолжительности жизни в 2021 году, затронула все без исключения российские регионы и стала возможной из-за высокого уровня избыточной смертности в 2020 году. Избыточная смертность (в 2020 году составила более 340 тыс. человек или 18,9 %) в это время формировалась по причине смертности от COVID-19 (42,5 % всех смертей в годовом приросте смертности) или последствий этой ко-

варной вирусной инфекции, которые резко увеличили смертность от других причин. Отметим, что смертность от COVID-19 затрагивает в первую очередь людей старшего возраста — 57 % составляют люди старше 70 лет, 83 % — старше 60 лет. Поэтому основное внимание в процессе формирования потенциала снижения смертности следует уделять людям старше 60 лет, а также людям трудоспособного возраста (где смертность мужчин значительно превышает общеевропейские показатели), т.к. именно они формируют следующую реальную когорту, которой необходимо помочь в создании условия для здорового старения.

Таблица 1.

Ожидаемая продолжительность жизни по субъектам РФ за 2022 год

	2020	2021	2022
Российская Федерация	71,54	70,06	72,93
Центральный ФО (вкл. Москву и Московскую область)	72,57	70,85	73,93
Северо-Западный ФО (вкл. Санкт-Петербург и Ленинградскую область)	72,02	70,37	73,05
Южный ФО	72,09	70,21	72,65
Северо-Кавказский ФО	74,58	73,79	75,78
Приволжский ФО	70,83	69,50	72,39
Уральский ФО	70,81	69,61	72,41
Сибирский ФО	69,60	68,30	70,44
Дальневосточный ФО	69,15	68,06	68,54

Основными аутсайдерами, где показатели ОПЖ ниже 70 лет, являются регионы Приволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, где общеокружной показатель ОПЖ составляет 69,5, 69,6, 68,3 и 68,1 года соответственно. Далее идут регионы Северо-Западного федерального округа (общеокружной показатель ОПЖ 68,5 лет)¹. Здесь Республика Карелия, Новгородская и Псковские области имеют самые низкие показатели ОПЖ в округе (67,3, 67,6 и 67,7 соответственно). Центральный² и Южный федеральные округа имеют показатели близкие к общероссийским (70,6 и 70,2 года соответственно). В ЦФО — Тверская и Смоленская области являются лидерами по низкой ОПЖ (67,9 лет и 68,0 лет соответственно). В Южном федеральном округе ситуации несколько лучше здесь показатели ОПЖ в некоторых регионах превышают среднероссийский показатель, исключение составляют Республика Крым, Астраханская и Ростовская области (69,7, 69,9 и 69,8 соответственно). Из анализа исключены территории с явными демогра-

¹ Без Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей

² Без Москвы и Московской области

фическими отличиями. Также Республики Северного Кавказа заслуживают отдельного исследования.

Из таблицы 1 [2] видно, что в 2022 году показатели ОПЖ увеличились по всем без исключения территориям Российской Федерации, что стало возможным благодаря той же избыточной смертности населения в 2020 году, а также низкому уровню рождаемости в эти годы. Таким образом, можно говорить о возвращающемся трендах увеличения ОПЖ в России, а вместе с тем и старения населения России. Такая ситуация стала возможной при сохраняющейся тенденции сокращения числа родившихся детей, которая наблюдается с 2015 года и сокращение количества смертей. По итогам естественного движения населения Российской Федерации естественная убыль населения в 2022 году составила 594 тыс. человек, что по сравнению с 2021 годов, меньше почти в 2 раза.

При этом показатели смертности населения показывают тенденцию к снижению — 543 тыс. человек, тогда как в 2021 году по сравнению с 2020 годом наблюдался значительный рост показателя — прирост смертности в абсолютных показателях составлял 303 тыс. человек. Количество родившихся в 2022 году на 1000 населения составило 8,9 человек, что меньше, чем в предыдущем году на 0,7. Смертей в 2022 году стало на 3,6 человека меньше на 1000 населения, чем в 2021 году. Вклад смертности в естественную убыль населения значительный по сравнению с рождаемостью, не смотря на то что происходит ее сокращение. Сокращение рождаемости в 2022 году по сравнению к 2021 году составило 7,7 %, а сокращение смертности — 22,2 %.

Таким образом, отрицательная динамика продолжительности жизни в 2020–2021 году в России, затронула все без исключения российские регионы и стала возможной из-за высокого уровня избыточной смертности в 2020 году. По показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении за 2021 г. большинство регионов страны в результате эпидемии были отброшены, казалось бы, на 10 лет назад. Однако, в результате исследования установлено, что уже в 2022 году наблюдается возвращение тренда увеличения ОПЖ в России, а вместе с тем и старения населения России. Такая ситуация стала возможной при сохраняющейся тенденции сокращения числа родившихся детей, которая наблюдается с 2015 года и сокращение количества смертей. Безусловно, население еще не совсем восстановило свои силы и смертность населения еще высока, но факт остается фактом — происходит увеличение в 2022 году продолжительности жизни по всем регионам без исключения. Территориальная дифференциация смертности значительна и, безусловно, меры регулирования необходимы точечные — региональные, областные и районные. Необходим мониторинг каждой из них, и только тогда возможно создание стратегического плана развития как в области

Общие итоги естественного движения населения в РФ 2021–2022 гг.³

	Абсолютные данные На 1000 человек населения				На 1000 человек населения	
	2022 г.	2021 г.	Прирост/снижение	2022 г. в % к 2021 г.	2022 г.	2021 г.
Родившихся	1304087	1398253	–94166	93,3	8,9	9,6
Умерших	1898644	2441594	–542950	77,8	12,9	16,7
из них детей до 1 года	5876	6516	–640	90,2	4,4	4,6
Естественный прирост/убыль	–594	–1043341	X	X	–4	–7,1

смертности, так и в области всех без исключения демографических процессов. Без системного подхода меры регулирования будут односторонними и поверхностными, что принесет отрицательные результаты не только местного масштаба, но и общероссийского.

В рамках исследования рассматривался современный тип смертности, где основными факторами потенциальных возможностей сокращения смертности населения выступают: образ жизни, а именно, самосохранительное поведение населения в отношении своего здоровья и социально-экономические условия — потребности населения в здравоохранении. Другими словами, это детерминанты здоровья, с одной стороны, и потребности в здравоохранении — с другой. Поведенческие нормы в современном мире это и есть детерминанты высокой заболеваемости и смертности населения, которые связаны с отношением человека к своему здоровью и продолжительности собственной жизни. Поэтому во главу угла современного понятия самосохранительное поведение сегодня необходимо заложить концепцию здорового образа жизни. Концепция здорового образа жизни включает в себя множество компонентов, таких как правильное питание, умеренные физические нагрузки и жизнь в среде, свободной от загрязняющих веществ. Забота о себе, внимание к тому, что мы делаем и борьба с малоподвижным образом жизни гарантируют жизнь на 12 лет дольше [5]. А если к этим компонентам добавить, те которые связаны с социальными отношениями, то можно получить предварительные представления о движущих силах здорового образа жизни. Еще древнегреческий врач Гиппократ [4] говорил, что, если бы мы знали, как дать точную дозировку питания и физических упражнений, мы бы нашли самый верный путь к здоровью. Дело в том, что стратегия поиска потенциальных возможностей влияния на смертность населения должна быть сегодня направлена не столько на то, чтобы добавить больше лет к жизни человека, сколько на то, чтобы добавить качество жизни, и чтобы увеличение продолжительности жизни не сопровождалось

инвалидностью. Важными составляющими Концепции здорового образа жизни, которые напрямую связаны с продолжительностью жизни являются:

- питание, которое обязательно необходимо рассматривать с позиции с 3-х составляющих: состав рациона, количество пищи и частота приема;
- физические упражнения;
- привычки образа жизни;
- сон;
- семейное положение: одиночество и социальные связи;
- собственный взгляд на жизнь, религиозность, уровень самооценки и счастья;
- географическое положение, где проживает человек;
- уровень дохода;
- уровень образования;
- социальная помощь;
- система здравоохранения.

Такая трактовка поведенческих норм в современном обществе, позволяет сделать вывод о том, что в ближайшие годы здоровый образ жизни станет одним из элементов бизнес-стратегии многих компаний и предприятий, что расширяет возможности для социально-экономического развития. Так, в 2011 году в журнале The Economist (Economist Intelligence Unit) [7] вышел отчет о росте продолжительности жизни и его последствиях для бизнеса, где показано, что наибольший успех будет достигнут в сфере продуктов, связанных с образом жизни, а группа населения 50+ будет обладать самой большой покупательской способностью и будет иметь самый большой интерес в этой области.

Таким образом, поведенческие установки людей сегодня являются приоритетным фактором в исследовании продолжительности жизни и смертности населения. На протяжении уже достаточно долгого времени (не считая пандемии и войн) численность и доля старших возрастов в населении увеличивается, а доля детей и молодежи сокращается. Увеличивается не только продолжительность жизни населения, и количество лет, прожитых в хорошем состоянии здоровья, что составляет большую часть прироста лет в целом. Несомненно,

³ Здесь и далее при расчете показателей за 2022 год используется численность населения с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 года. Данные Росстата.

существуют структурные различия и в продолжительности жизни, и в уровне смертности населения в России, но тенденция прослеживается по регионально одна и та же. Поэтому необходимо принимать данные условия и использовать существующий потенциал для создания благоприятных условий существования пожилого населения страны, помогать развивать и поддерживать функциональные способности людей, создавая стратегические инструменты для каждого региона, области и района принимая во внимание врожденные способности каждого человека, окружающую среду и взаимодействие между ними.

Второй фактор влияния на потенциал снижения смертности населения и увеличение продолжительности жизни — это, как было заявлено выше, это потребности населения в здравоохранении. Это отдельная тема в исследовании потенциала сокращения смертности населения и увеличение здоровой продолжительности жизни, которая будет рассмотрена в следующих частях данной работы.

Заключение

Принимая во внимание возвращающийся тренд увеличения ожидаемой продолжительности жизни в России, а вместе с тем и старения населения, были выделены факторы, которые определяют потенциальную

возможность в современном обществе влиять на смертность населения, а именно — детерминанты здоровья, с одной стороны, и потребности в здравоохранении — с другой. Обосновано, что стратегия поиска потенциальных возможностей влияния на смертность населения должна быть направлена не столько на то, чтобы добавить больше лет к жизни человека, сколько на то, чтобы добавить качество жизни, и чтобы увеличение продолжительности жизни не сопровождалось инвалидностью. Поэтому в работе предложено разработать концепцию здорового образа жизни и компоненты данной концепции, которые напрямую связаны с продолжительностью жизни. Определено, что существуют структурные различия и в продолжительности жизни, и в уровне смертности населения в России, но тенденция прослеживается порегионально одна и та же. Увеличивается не только продолжительность жизни населения, но и количество лет, прожитых в хорошем состоянии здоровья, что составляет большую часть прироста лет в целом. Поэтому необходимо принимать данные условия и использовать существующий потенциал для создания благоприятных условий существования пожилого населения страны, помогать развивать и поддерживать функциональные способности людей, создавая стратегические инструменты для каждого региона, области и района, принимая во внимание врожденные способности каждого человека, окружающую среду и взаимодействие между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический ежегодник России 2021, 2022 год. // Федеральная служба государственной статистики URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (дата обращения: 23.09.2023).
2. Всероссийская перепись населения 2020 года // Росстат URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 07.09.2023).
3. Щербакова Е.М. Демографические итоги 1 полугодия 2022 года в России. Часть 1 // Демоскоп Weekly. 2022. № 957–958 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/index.php> (дата обращения: 15.09.2023).
4. Гиппократ о здоровье: цитаты, которые необходимо знать каждому // wday.ru URL: <https://www.wday.ru/krasota-zdorovie/encyclopedia-zdorovia/gippokrat-o-zdorove-citaty-kotorye-nuzhno-znat-kazhdomu/> (дата обращения: 15.09.2023).
5. José Miguel Rodríguez-Pardo del Castillo, Antonio López Farré Долговечность и старение в третьем тысячелетии: новые перспективы. Fundacion MAPFRE.
6. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. World Social Report 2023: learning no one behind in an ageing world. // un.org URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2023_wsr-fullreport.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
7. The Economist Intelligence Unit Limited. March 28. 2011 // graphics.eiu URL: https://graphics.eiu.com/upload/eb/Axa_Longevity-EIU_Web.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

© Дмитриева Юлия Викторовна (julia9770@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА НАКОПЛЕНИЕ ОНЛАЙН-СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

THE IMPACT OF SOCIAL NETWORK USER BEHAVIORS ON THE ACCUMULATION OF ONLINE SOCIAL CAPITAL

T. Zhukova

Summary. The topic of the article is connected with the current problem of identifying factors influencing the formation of online social capital in social networks. Based on the analysis of domestic and foreign scientific literature, behavioral models of the main groups of social network users were identified, the problem of «segmentation of user space» was analyzed in order to identify the main types of communication strategies. The problem of structuring the online communication space based on the network approach and the influence of communication strategies on the accumulation of online social capital were considered.

Keywords: information and communication technologies, computer-mediated communication, social networks sites, communication practices.

Жукова Татьяна Ивановна

*К.э.н., ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное учреждение «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук», г. Москва
gukovati@mail.ru*

Аннотация. Тема статьи связана с актуальной проблемой выявления факторов, влияющих на формирование онлайн-социального капитала в социальных сетях. На основе анализа отечественной и зарубежной научной литературы выявлены поведенческие модели основных групп пользователей социальных сетей, проанализирована проблема «сегментации пространства пользователей» в целях идентификации основных типов стратегий коммуникации. Рассмотрена проблема структуризации коммуникативного онлайн-пространства на основе сетевого подхода и влияния стратегий коммуникации на накопление онлайн-социального капитала.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, межличностные отношения, социальные сети, коммуникативные практики.

Развитие цифровых инструментов для взаимных коммуникаций и поддержки общения в сетевом пространстве является остро востребованным направлением, породившим большое разнообразие практик социального использования Интернета, учитывающих взаимозависимость между различными типами участия в социальных медиа, объемом и качеством межличностных сетевых связей и переменными, отражающими социальные результаты. Очевидная актуализация научного интереса к этой проблематике обусловлена не только модернизацией средств и форм информационно-коммуникационных технологий, но имеет непосредственное отношение к глубинному изменению сложной системы социальных характеристик взаимодействий в обществе, предлагая привлекательные альтернативы для достижения позитивных результатов.

Исследования в этой области естественным образом развивались, начиная с изучения линейного влияния интенсивности участия в социальных сетях до более тонких подходов к анализу конкретных практик социализации в Интернете. Одним из центральных вопросов научных дискуссий стал вопрос, оказывает ли влияние использование социальных сетей на существующие социальные связи и результаты? Самые противоречивые

выводы можно найти не только у различных ученых с разными точками зрения, но даже и среди исследователей единомышленников.

Например, группа профессора Роберта Краута обнаружила, что более частое использование Интернета снижает вовлеченность в другие сферы деятельности и связано с сокращением социального круга, что может привести к усилению чувства тревожности и одиночества [1]. Был даже сформулирован «Парадокс Интернета», определявшийся как социальная технология, снижающая в потенциале социальную вовлеченность и психологическое благополучие.

Зато повторное исследование тех же авторов дало противоположные результаты: констатировалось исчезновение негативных эффектов и подтверждение положительного влияния использования Интернета на поддержание контактов с социальным окружением [2]. Кроме того, было замечено, что характер коммуникаций с близким окружением и малознакомыми людьми существенно различаются по социальным последствиям, что с неизбежностью приводило к необходимости проведения более глубокого анализа с привлечением категории социального капитала на сайтах социальных сетей.

Структуризация коммуникативного онлайн-пространства на основе сетевого подхода

Преимущества, обеспечиваемые доступом к социальным связям и их использованием, способствующие достижению конкретных целей и положительных последствий, концептуализируются в понятии социального капитала, весьма широко трактуемом исследователями в мировой научной литературе.

Теория социального капитала восходит к работам Бурдье [3] и Коулмана [4] с последующим развитием в исследованиях Берта [5], Патнэма [6] и Лина [7].

Введенный Пьером Бурдье в 1980 году для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгод, в дальнейшем социальный капитал определялся им как «сумма ресурсов, реальных или виртуальных, которые достаются отдельному лицу или группе благодаря наличию прочной сети более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания», причем выгода от этих отношений, зависящая от положения в социальной сети, количества и характера связей, которые человек поддерживает, а также ресурсов, которыми обладают сами эти связи, может отличаться по форме и функциям в зависимости от самих отношений.

По определению Бурдье социальный капитал — это выгода, получаемая от положения в социальной сети, количества и характера связей, которые человек поддерживает, а также ресурсов, которыми обладают сами эти связи [8].

В свою очередь, Дж. Коулман дал начало иной концептуальной линии анализа социального капитала, рассматривая отношения индивидов между собой, основанные на доверии и партнерстве, в качестве социального капитала, который «подобно клею цементирует общество» [9, стр.37].

Роберт Д. Патнэм ввел дихотомию социального капитала на «объединения» и «мосты», которая получила широкое научное признание. Объединяющий социальный капитал формируется в «закрытых сетях, ориентированных внутрь себя и предполагающих более интенсивные отношения между участниками», в то время как связующий социальный капитал формируется в «открытых сетях, ориентированных вовне и предполагающих менее интенсивные отношения, обычно сосредотачивающиеся на обмене информацией» [10].

Предполагается, что прочные связи, такие как семья и близкие друзья, преимущественно обеспечивают эмоциональную поддержку, тогда как слабые связи (например, коллеги и знакомые) обеспечивают информацион-

ную поддержку, поскольку они исходят из соседних сетей и, следовательно, могут оказаться «неизбыточными», т.е. дополняться другими источниками информации. Начиная с тезиса Грановеттера [11], что слабые связи обладают особыми преимуществами, которые делают их даже более важными, чем сильные связи, и предположения о том, что сайты социальных сетей особенно хорошо подходят для обслуживания слабых связей (но также и для их использования), многочисленные исследования социального капитала в социальных сетях тяготеют к мнению, что слабые связи особенно сильны и что именно связующий социальный капитал делает социальные сети ценными. «Сила слабых связей» — это связи с людьми за пределами индивидуальной сети, которые могут предоставить неожиданно важную информацию, например, когда человек ищет новую работу или решает проблемы, связанные со здоровьем.

Социальный капитал встроен в структуру социальных сетей и положение людей в этих структурах. Аналогичным образом, онлайн-социальный капитал — часть социального капитала, которая приобретается и/или поддерживается в онлайн-социальной сети,

Но несмотря на то, что интернет в целом и сайты социальных сетей обладают большим потенциалом для коммуникации пользователей с друзьями, семьей и просто со знакомыми и незнакомыми людьми, являясь в свою очередь богатыми платформами, предоставляющими огромной и разнообразной базе пользователей широкий спектр инструментов коммуникации, исследователи на ранней стадии были склонны предполагать, что любое использование Интернета оказывает одинаковое воздействие на большинство пользователей, и пребывание в социальных сетях рассматривалось как относительно монолитная деятельность. Соответственно идентификация использования подобных сайтов основывалась на базовых измерениях и понимании использования с точки зрения частотных показателей, например, общего времени пребывания в сети.

Однако по мере того, как интернет-услуги становились богаче, а пользователи — более разнородными, исследователи начали задаваться вопросом, оказывают ли различные типы использования ресурсов интернета (например, общение с семьей и друзьями, знакомства с новыми людьми или поиск информации) различное влияние на тех, кто различается по демографическим и социальным характеристикам [12]. Поэтому более поздние исследования изучали различные типы использования, часто отличая социальную деятельность от других.

Впервые феномен «социального действия» был рассмотрен немецким социологом М. Вебером [13], под которым он понимал действие, по своей сущности ана-

логичное действиям других людей и ориентирующееся на них, при этом отмечая два основных его признака: во-первых, социальное действие обладает смыслом для того, кто его совершает (под смыслом понимается определенное представление о том, для чего или почему это действие совершается; это какая-то, иногда весьма смутная, его осознанность и направленность), и во-вторых, оно ориентировано на ожидаемую реакцию других лиц.

Таким образом, приходится признать, что в интернет-пространстве наблюдаются сетевые практики, характеризующие пользователей посредством их позиции, которой они придерживаются в этой среде. Их поведенческие стратегии определяют различные коммуникативные типы поведения, позволяющие структурировать пространство пользователей социальных сетей в рамках парадигмы сетевого взаимодействия. Дифференцируя типы коммуникативных практик, исследователи получили возможность выявить положительную связь между социальными мотивами использования и положительными психологическими результатами и иными выгодами.

Влияние стратегий коммуникации на накопление онлайн-социального капитала

Фундаментальное изменение практик пользователей в контексте сетевого общества заключается в том, что, интегрируясь в цифровую среду, отношения между пользователями переходят в стадию сетевых отношений и сетевого взаимодействия. В контексте сетевой практики пользователи совершают различные социальные действия, проявляющиеся в разных стратегиях коммуникации в цифровом коммуникативном диапазоне.

Так называемые цифровые личности имеют возможность выразить свое отношение к определенной проблеме посредством «лайков», комментариев в поддержку конструктивного или деструктивного действия, совершают определенные осмысленные действия, проявляют или нет свою позицию в онлайн-пространстве, зачастую вытекающую в последствии в реальное пространство. Пассивные цифровые личности, как правило, выражают свою позицию, комментируя произошедшие события, призывая общественность на социальный отклик. Они могут также и не выражать своей позиции, но состоять в сообществах и группах поддержки. Активные цифровые личности «порождают» сетевые практики, которые выходят за рамки онлайн-пространства, переходя в офлайн-пространство реальным социальным действием.

В свете вышесказанного быстрое внедрение социальных сетей поднимает важные вопросы о социальных последствиях их использования, поскольку люди могут участвовать в них несколькими различными способами, включая доступ к информации, обсуждение, общение

или для развлечения. Следовательно, использование сайтов таких сетей отличается от человека к человеку, и разные модели использования могут иметь разные социальные последствия, особенно с точки зрения формирования социального капитала.

Одним из наиболее эмпирически обоснованных подходов к определению социального капитала представляется рассмотрение его как структурного актива, т.е. преимуществ с точки зрения выгод, непосредственно вытекающих из структуры и состава социальной сети пользователя.

Различные структурные конфигурации социальных связей обеспечивают различные выгоды. Берт утверждает, что индивидуальное преимущество создается тем, как люди связаны, и выделяет два структурных источника социального капитала: закрытость сети и брокерство [14]. Закрытость — это особенность сети, заключающаяся в том, что она является ограниченной и тесно связанной группой индивидов. Закрытость способствует лучшему сотрудничеству, мобилизации ресурсов и доверию, поскольку эти формы поведения стимулируются угрозой санкций среди людей, имеющих много общих друзей. Брокерская деятельность — это сетевая позиция, которая объединяет в остальном сегрегированные и разнородные группы. Посреднические возможности — количество избыточных контактов, к которым участник получает доступ и через которые он соединяет, — зависят от количества структурных дыр вокруг человека, которые представляют собой промежутки между разобщенными частями более широкой сети. Брокерские возможности отражают разнообразие доступных социальных контекстов, мнений, видов деятельности и ресурсов. В отличие от Берта, Нан Лин утверждает, что индивидуальный социальный капитал должен определяться скорее всей сетевой макроструктурой населения и положением индивида в ней, чем микроструктурой непосредственного окружения индивида [15].

Таким образом, в сетевом пространстве наблюдаются сетевые практики, характеризующие цифровые личности посредством их позиции, которой они придерживаются в этой среде. Их поведенческие стратегии определяют различные коммуникативные типы поведения, позволяющие структурировать пространство пользователей социальных сетей в рамках парадигмы сетевого взаимодействия.

В работе [16] представлены результаты эмпирического исследования возможных альтернатив поведения пользователей социальных сетей, на основе которых с помощью факторного анализа и дальнейшего метода основных компонентов с варимаксным вращением выделяется три типа характеристик, каждая из которых представляет собой отдельный «сорт» социального поведения:

- Инициация — параметр, который характеризует использование социальной сети для знакомства с незнакомыми людьми или новыми друзьями без предварительных реальных контактов в прошлом. Он включает все четыре типа поведения в сети/вне сети — просмотр веб-страниц, установление контактов, добавление в «друзья» и встречи «лицом к лицу».
- Поддержание — параметр, отражающий использование сайта социальной сети для поддержания существующих тесных связей. Он также включает в себя все четыре типа поведения в сети/вне сети по отношению к близким друзьям.
- Поиск социальной информации — имеет отношение к характеристике использования сайта для получения дополнительной информации о людях, с которыми у пользователя уже есть какая-либо офлайн-связь. Он включает в себя три пункта использования — для проверки кого-то, с кем знаком в реальной жизни, чтобы узнать больше о своих коллегах и с кем познакомился в сети.

Идентификационная информация, обычно содержащаяся в профилях социальных сетей, может использоваться для инициирования офлайн-взаимодействий. В этом смысле использование соцсетей может служить катализатором, а не заменой реальных взаимодействий, подтверждая более ранние исследования, которые предполагали, что «высоко вовлеченные пользователи используют их для кристаллизации отношений, которые в противном случае могли бы остаться эфемерными» [17; стр.1162]. Эти стратегии связи указывают на эволюционный подход к описанию паттернов взаимодействия, который выходит за рамки дихотомии «онлайн» и «офлайн» и вместо этого признает эти каналы глубоко интегрированными коммуникативными сферами.

В действительности коммуникационные технологии, такие как телефон, также могут обеспечить техническую возможность общения, но одного этого часто недостаточно для развития отношений. Звонок по телефону совершенно незнакомым людям вряд ли приведет к развитию социальных отношений из-за отсутствия доступа к социальной информации, которая позволяет им развивать социально значимые взаимодействия. В отличие от телефонного справочника, соцсети предоставляют богатую коллекцию подсказок социального контекста, таких как общие друзья или общие интересы, которые могут направить разговор в нужное русло и лучше помочь участникам найти точки соприкосновения. Эти дополнительные подсказки отличают общение с помощью соцсетей от сомнительных телефонных звонков незнакомцев, предоставляя некую «социальную смазку», которая имеет решающее значение для использования технических возможностей подключения.

В эмпирическом исследовании, основанном на анкетном случайном онлайн-опросе 450 студентов бакалавриата в крупном университете, практика общения респондентов была формализована с помощью нескольких вопросов, оценивающих степень использования ими социальных сетей для знакомства с новыми людьми (иницирование) и получения дополнительной информации о знакомых (поиск социальной информации). Они были заданы в виде серии пятибалльных пунктов шкалы Лайкерта «согласен/не согласен».

Для идентификации аспектов связующего социального капитала были сформулированы пункты, описывающие «взгляд на себя как на часть более широкой группы», такие как «Я чувствую себя частью сообщества», «Общение с людьми из сообщества вызывает у меня желание попробовать что-то новое», «Я готов уделять время поддержке общей деятельности». Объединяющий капитал характеризовался пунктами шкалы, разработанные и проверенные Уильямсом и адаптированные для конкретного университета.

Результаты исследования показали, что использование социальных сетей для попытки связаться с «совершенно незнакомыми людьми» (иницирование) не оказало влияния на показатели социального капитала, в то время как использование сайта для «проверки» или «расширения знания о» непосредственных скрытых или очень слабых связях (поиск социальной информации) можно использовать для формирования продуктивного социального взаимодействия, отражающегося в концепции связующего капитала.

Представленную выше сегментацию можно детализировать далее, классифицировав такое сложнейшее направление социального поведения как поиск социальной информации на следующие по глубине группы: *интерактивные, активные и пассивные стратегии* [18; стр.213–228].

Интерактивные стратегии подразумевают прямое взаимодействие между коммуникатором и целью, во время которого применяются различные тактики для получения желаемой информации. В каждом случае искаатель информации влияет на тип запрашиваемой информации, изменяя свое собственное поведение на основе имеющейся обратной связи. Активные стратегии включают получение информации от других людей, но без прямого взаимодействия с целью. Эти стратегии охватывают не прямое получение знаний, включая использование сторонних источников информации и чаще всего принимают форму получения информации посредством обмена электронной почтой или чатов с другими людьми, знакомыми с целью.

Новые возможности Интернет-технологий предлагают альтернативные способы активного сбора информа-

ции, которые бросают вызов традиционным подходам. Коммуникаторы могут использовать поисковые системы для обнаружения доступной в Интернете информации о других, включая поиск домашних страниц, созданных целью или упоминающих ее. Это может быть похоже на проведение индивидуальной проверки биографических данных. Например, кандидаты на работу могут перейти на домашнюю страницу потенциальных работодателей, чтобы собрать важную информацию об организации и ее сотрудниках. Использование стратегий извлечения, включая поиск в сообщениях электронных списков, сообщениях и архивах групп новостей, опирается на обширное хранилище письменных комментариев, созданных целями. Эти стратегии представляют собой уникальное проявление поиска информации, недоступной в общении «лицом к лицу». Более того, исследования показывают, что лица, ищущие информацию, предпочитают наблюдать за целями в неформальных социальных ситуациях и во многих случаях опираются на информацию, которая предоставляется целью без подозрения, что она будет храниться в течение многих лет и будет доступна для общественного потребления за пределами группы, для которой изначально предназначалась.

Пассивные стратегии предполагают получение информации о цели посредством ненавязчивого наблюдения. Хотя может быть трудно представить себе пассивное наблюдение в контексте электронной почты один на один, это может произойти в случае режима «копирования» в текущем потоке сообщений между другими сторонами. На самом деле, решение собеседников расширить аудиторию для обмена с помощью функции «скрытая копия» (что часто делается для того, чтобы перевести взаимодействие на другую основу) является все более используемой функцией, которая помещает вновь добавленных получателей в роль пассивных наблюдателей.

Сообщения, которые отправляются как «скрытая копия» или, без ведома автора, пересылаются другим, предоставляют дополнительные возможности пассивного наблюдения, сродни подслушиванию разговора. Например, наблюдатели со стороны могут быть посвящены в горячую перепалку других, которые неявно пытаются заручиться поддержкой или создать бумажный след.

Пассивное наблюдение еще более распространено на форумах онлайн-общения, которые структурированы для группового взаимодействия, где группы могут варьироваться по размеру от небольших до огромных. В этих средах пассивный поиск информации может принимать форму чтения сообщений, размещенных в центральном месте (например, в списке рассылки), просмотра «профилей друзей», обычно доступных в обмене мгновенными сообщениями.

Таким образом, хотя системы индивидуального общения, такие как электронная почта, могут усилить зависимость коммуникатора от традиционных способов сбора информации — интерактивного раскрытия информации и опроса, — новые разработки в коммуникационных технологиях предполагают возможность преобразования активных и пассивных стратегий сбора информации в новые формы, основанные на возможностях, предоставляемых этими технологиями.

Заключение

Определение стратегий поведения и отличительных типов участников новых медиа является довольно сложной задачей, хотя ее решение способно помочь сообществу человеко-компьютерного взаимодействия более точно соответствовать предпочтениям пользователей, более качественно разнообразить модели использования, а также ориентироваться на целевые группы в процессе разработки. К тому же, прогресс в этой области способен обеспечить более тонкий персонально-ориентированный подход при исследовании связи между использованием средств массовой информации и социальными последствиями, такими как социальное благополучие, цифровое неравенство и т.д. Конечно, трудности в понимании поведения при использовании медиа возникают в том числе из-за технологий, которые стерли грань между публичным и частным общением, а также массовым и межличностным общением. Однако это не уменьшает значимости выявления и анализа большого разнообразия поведенческих сценариев, которые эволюционируют от пассивных потребителей к активной роли в новой медиа-цепочке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kraut, R., Patterson, M., Lundmark, V., Kiesler, S., Mukopadhyay, T., & Scherlis, W. Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*, 1998, 53 (9).
2. Kraut, R., Kiesler, S., Boneva, B., Cummings, J., Helgeson, V., & Crawford, A. Internet Paradox Revisited. *Journal of Social Issues*, 2002, 58 (1), 49–74.
3. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson JG (ed.) *Handbook of Theory And Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood, 1986.
4. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital. *The American Journal of Sociology* 94 (Supplement): 1988, S95–S120.
5. Burt R.S. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
6. Putnam R. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy* 1995, 6: 65–78.
7. Lin N. Building a network theory of social capital. In: Lin N, Cook KS and Burt RS (eds) *Social Capital: Theory and Research*. New York: Aldine de Gruyter, 2001.

8. Wellman B. & Wortley S. Different strokes from different folks: Community ties and social support. *American Journal of Sociology*, 1990, 96(3), 558–588.
9. Коулман Дж.С. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора / пер. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев // *Экономическая социология*. 2004. Т. 5, № 3. С. 35–44
10. Putnam R. Social capital: Measurement and consequences. 2001;2(1): 41–51.
11. Granovetter M.S. The strength of weak ties // *American journal of sociology*. — 1973. — Т. 78. — №. 6. — С. 1360–1380.
12. Bessière, K., Kiesler, S., Kraut, R., & Boneva, B. (2008). Effects of Internet Use and Social Resources on Changes in Depression. *Information, Communication & Society*, 11(1), 47–70.
13. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии // *Экономическая социология*. 2016. №5.
14. Burt RS. *Brokerage and Closure: An Introduction to Social Capital*. Oxford: Oxford University Press; 2005.
15. Lin N. Building a network theory of social capital. In: Lin N, Cook KS and Burt RS (eds) *Social Capital: Theory and Research*. New York: Aldine de Gruyter, 2001.
16. N.B. Ellison, Ch. Steinfield and C. Lampe. Connection Strategies: Social Capital Implications of Facebook-enabled Communication Practices // *new media & society* XX(X) 1–20. DOI: 10.1177/1461444810385389.
17. Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook «friends»: Social capital and college students' use of online social network sites // *Journal of computer-mediated communication*. 2007;12(4):1143–1168.
18. Ramirez Jr, A., Walther, J.B., Burgoon, J.K., & Sunnafrank, M. Information-seeking strategies, uncertainty, and computer-mediated communication: Toward a conceptual model. *Human communication research*. 2002;28(2):213–228.

© Жукова Татьяна Ивановна (gukovati@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ФЕМИНИЗМА МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Ma Lanь

*Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Elenore19@163.com*

THE INFLUENCE OF CHINESE SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF THE DISCOURSE OF FEMINISM OF THE YOUNGER GENERATION

Ma Lan

Summary. The purpose of this article is to determine the influence of Chinese social networks on the formation of the discourse of feminism of the younger generation. To this end, I present an original case study that collects empirical data from the most popular website of the Chinese Answer Community (CQA) Zhihu. Using a mixed research method consisting of content analysis (CA) and critical discourse analysis (CDA), I investigated the gender debate between Chinese Internet users. The analysis shows how such debates lead to a division of opinion between female and male Internet users, and how misogynistic men use nationalist discourse to distort the debate.

Keywords: China, social networks, feminism, messengers, content analysis.

Аннотация. Цель этой статьи — определить влияние китайских социальных сетей на формирование дискурса феминизма молодого поколения. С этой целью автор представляет оригинальное тематическое исследование, в котором собраны эмпирические данные с самого популярного веб-сайта китайского сообщества по вопросам ответов (CQA) Zhihu. Используя смешанный метод исследования, состоящий из контент-анализа (CA) и критического дискурсивного анализа (CDA), исследованы дебаты по гендерным вопросам между китайскими интернет-пользователями. Анализ показывает, как такие дебаты приводят к разделению мнений между интернет-пользователями-женщинами и мужчинами, и как мужчины-женоненавистники используют националистический дискурс, чтобы исказить дебаты.

Ключевые слова: Китай, социальные сети, феминизм, мессенджеры, контент-анализ.

Во всем мире популистский национализм переживает ренессанс. Эту политическую тенденцию также можно обнаружить в Китае, где популистский национализм формируется социально-политическим процессом, характерным для модернизации восточно-азиатской сверхдержавы. В настоящее время Интернет стал основным местом для практики популистского национализма в Китае [1, с. 145]. Это явление называется цифровым национализмом, и оно основано на распространении китайскими интернет-пользователями «своих собственных националистических нарративов, интерпретаций и голосов» на платформах социальных сетей (Zhang, 2021: 16). Международному сообществу требуется лучшее понимание китайского цифрового национализма, поскольку он потенциально может оказывать влияние на широкий спектр секторов за пределами страны. Такое влияние, в определенной степени, проявляется в твердой позиции Коммунистической партии Китая (КПК) по территориальным спорам, которая, возможно, вызвана внутренним давлением.

Существующая литература о китайском цифровом национализме сосредоточена в основном на государственной политике, стоящей за ним, и лишь несколько недавних исследований затрагивают гендерную природу

ду национализма в китайском контексте. Тем не менее, отражая западный национализм, китайский цифровой национализм преимущественно популярен среди интернет-пользователей-мужчин и находится под влиянием гендерного политического дискурса. Таким образом, мужская природа проявляется в китайском цифровом национализме, демонстрируя его потенциал влиять на гендерную политику коренных народов. Пересечение цифрового национализма и гендерной политики является крайне необходимым интеллектуальным вмешательством, поскольку оно помогает выдвинуть на первый план совместимость между популистским национализмом и патриархальными ценностями. Эта совместимость была выявлена за пределами территории Китая, и это способствовало глобальному усилению женоненавистнических настроений, что сегодня имеет серьезные последствия для прогресса в области гендерного равенства [2, с. 94]

Чтобы устранить пробел в знаниях, отмеченный выше, в этой статье рассматривается взаимодействие между цифровым национализмом и гендерной политикой в контексте дебатов по гендерным вопросам среди китайских интернет-пользователей. Используя тематическое исследование, проведенное на самом

популярном веб-сайте китайского сообщества для ответов на вопросы (CQA), Zhihu, я анализирую, могут ли дебаты по гендерным вопросам вызвать разрыв между интернет-пользователями-женщинами и мужчинами, и как на такие дебаты может повлиять маскулинная природа цифрового национализма. Таким образом, эта статья способствует лучшему пониманию нынешнего роста антифеминистских и женоненавистнических настроений по всему миру и их отражения в Китае в связи с цифровым национализмом. Результаты дискуссии позволяют глубже понять взаимосвязь между гендером, государственной политикой и популярными дискурсами в контексте коммуникативных практик пользователей Интернета.

В следующих разделах я сначала расскажу о динамике между феминизмом, бизнесом, цифровым национализмом и гендерной политикой в современном Китае. Далее следует объяснение логического обоснования тематического исследования, в котором я разъясняю, как с помощью различных методов исследования можно получить ответы на различные исследовательские вопросы. Затем я подробно анализирую тематическое исследование, сосредоточившись на том, как националистическая риторика используется в дебатах по гендерным вопросам между женщинами и мужчинами-пользователями Интернета на Zhihu. В заключение я резюмирую основные результаты исследования и обсуждаю яркое пересечение цифрового национализма и гендерной политики в китайских цифровых культурах.

Китайский национализм основан на историческом взгляде коренных народов, который подчеркивает национальное унижение, вызванное иностранными вторжениями. Сегодня Китай, несомненно, стал могущественной страной со значительным международным влиянием. Тем не менее, националистические настроения побуждают людей сохранять в своей памяти прошлые унижения. После реформы китайской экономики под руководством Дэн Сяопина эти националистические настроения использовались популистской политикой КПК. Экономический рост в пореформенную эпоху происходит за счет усиления коррупции среди чиновников, концентрации богатства и социального расслоения, которые ослабляют авторитет правительства. В то время как национальные настроения подчеркивают возрождение страны на мировой арене, национальная гордость представляет собой «важную ценность, разделяемую режимом и его внутренними критиками». На этом фоне националистическая пропаганда используется КПК в качестве объединяющей стратегии для подтверждения своей власти, и, очевидно, она хорошо воспринимается все большим числом китайцев.

Эффект националистической пропаганды КПК лучше всего иллюстрируется появлением цифрового национа-

лизма. Как отмечает Шнайдер, цифровой национализм касается выражения китайцами национальных настроений в Интернете, и он встречается почти на всех основных китайских платформах социальных сетей. Несмотря на цензуру КПК, платформы социальных сетей создают «каналы для появления и распространения более плюралистических и критических дискурсов», что создает потенциал для цифровой гражданской активности в Китае. На этом фоне цифровой национализм становится «омраченным противоречивыми силами глобализации, космополитизма и сложной истории и культуры Китая». Среди его участников не только платные комментаторы, нанятые правительством, но и самоорганизованные пользователи Интернета на низовом уровне. Таким образом, появление цифрового национализма представляет собой «палку о двух концах», которая не только усиливает поддержку КПК, но и может обернуться против нее, если и когда правительство «не сможет удовлетворить радикальные требования националистических голосов» [3, с. 91]

Существующие исследования китайского цифрового национализма в основном сосредоточены на его последствиях для государственной политики, при этом мало внимания уделяется тому, как цифровой национализм пересекается с гендерной политикой в китайском контексте. Это серьезное упущение, поскольку такое пересечение было определено как важный фактор, усиливающий женоненавистнические настроения в нынешнем глобальном политическом климате. Об этом свидетельствует ряд недавних антифеминистских движений, объединившихся с правыми группами в крупнейших западных демократиях и Латинской Америке. Чтобы устранить это упущение в существующей литературе в китайском контексте, необходимо в полной мере учесть разработку гендерной политики коренных народов в этой области.

Используя термин «пореформенная (постсоциалистическая) гендерная политика», Уоллис выдвигает на первый план историческую и социокультурную обусловленность отношений гендерной власти в китайском обществе. В Китае прогресс в области гендерного равенства начался в 1900-х годах, когда светские львицы, вернувшиеся с Запада, привнесли ранние феминистские идеи в восточноазиатскую страну. Это ускорило во время правления Мао Цзэдуна, когда социалистические женские движения считались важной частью политического манифеста КПК. Тем не менее, современные исследования указывают на то, что патриархат переживает возрождение в гендерной политике Китая из-за постреформенной реструктуризации рынка труда. С конца 1970-х годов КПК приступила к реализации ряда политических мер, которые в первую очередь основаны на маркетизации отраслей промышленности, направленных на реформирование секторов экономики Китая. Из-за путаницы между социально сконструированными

гендерными различиями и биологически детерминированными половыми различиями считается, что женщинам не хватает технических навыков, высоко ценимых на рынке труда. Утверждения о том, что освобождение женщин «опередело» производительность Китая, публично используются для аргументации против улучшения статуса женщин на рынке труда и, следовательно, более широкой рыночной экономики.

Безусловно, существуют женские организации и феминистские активистки, выступающие за улучшение социально-политического статуса женщин. Тем не менее, дистанцировавшись от революционной идентичности, КПК склонна подавлять подобные инициативы, чтобы избежать распространения критических рассуждений о гендере в китайском обществе. Такая стратегия управления частично обусловлена последствиями таких дискурсов, которые потенциально поощряют более широкую критику политики реформ КПК, которая фактически узаконивает гендерное неравенство. Избегание КПК критических рассуждений о гендере соответствует ее присвоению философии управления, глубоко укоренившейся в западном капитализме, которая перекладывает ответственность за благосостояние людей с государства на отдельных граждан. В рамках этого политического климата понимание гендера как «категории значений, которая ставит под сомнение устоявшиеся нормы гендерных и, следовательно, социальных отношений», становится маргинализированным (Эванс, 2008: 364). Эта тенденция хорошо задокументирована в популярных представлениях о женщинах, продвигаемых культурными индустриями Китая, которые демонстрируют «неприкрытую сексуальность как выражение урбанизированной, глобализированной современности». Это знаменует возрождение патриархата в китайском обществе [4, с. 22].

Однако возрожденный патриархат не всегда предоставляет мужчинам привилегии в пореформенной гендерной политике. По сравнению с мужчинами, занимающими влиятельные посты, обычные мужчины сталкиваются с кризисом маскулинности, вызванным растущим давлением быть сексуально привлекательными для женщин. Кризис маскулинности начался в ранний период реформ во время значительных увольнений работников-мужчин на государственных предприятиях, что привело к ослаблению социально-экономических позиций во внутреннем пространстве для большого числа безработных мужчин. Начиная с 1990-х годов, этот мужской кризис продемонстрировал растущее смешение/переплетение со свадебными нормами, которые требуют, чтобы мужчины несли ответственность за покупку недвижимости и брали на себя роль финансового провайдера для вступления в брак. С быстрым ростом цен на недвижимость эти свадебные нормы легли огромным экономическим бременем на китайских муж-

чин, вызвав повышенное беспокойство по поводу оценки женщинами их ценности.

Таким образом, постреформенная гендерная политика формирует у женщин и мужчин различные (неправильные) представления о гендерном неравенстве, которые основаны на их собственном различном опыте отношений между мужчинами и женщинами и властью. Неолиберальная стратегия управления КПК, которая отвлекла ее внимание от структурных, социальных проблем, поощряет формирование разделенных мнений между женщинами и мужчинами в дебатах по гендерным вопросам. В этот период голоса женоненавистников были на подъеме, о чем свидетельствует существующая литература. Подобно своим западным коллегам, такие женоненавистнические высказывания обычно представляют собой негативную реакцию на феминизм, отражающую беспокойство мужской когорты по поводу угроз их доминированию в социально-политической сфере.

Уникальным явлением, характерным для пореформенной гендерной политики, является постоянное упоминание мужчинами-женоненавистниками ключевых лидеров общественного мнения, ориентированных на женщин (KOLs), в дебатах по гендерным вопросам. Отражая рост покупательной способности женщин, меняющаяся структура пореформенного потребительского рынка привела к появлению многих культовых KOL, таких как Mimeng и Ayawawa, целевой аудиторией которых являются женщины. В целом, KOL, ориентированные на женщин, продвигают различные идеологии, основанные на характеристиках аудитории, с которой они ежедневно взаимодействуют. Тем не менее, общим для всех является то, что они позиционируют себя как «феминистки», которые говорят от имени женщин [5, с. 41].

Как и в случае с их западными аналогами, феминистские формулировки просто используются китайскими KOLS в качестве метода самобрендинга, нацеленного на последовательниц-женщин. Например, проведенный Ву анализ постов Аяявы в социальных сетях показывает, что цифровой инфлюенсер часто продвигает набор гендерных норм, связывая сексуальную активность женщин с их экономической безопасностью. Аналогичным образом, анализ Mimeng, проведенный Пенгом, выявляет тенденцию при публикации переупаковывать использование потребительской власти как форму освобождения женщин. Псевдофеминистский манифест, который в значительной степени сосредоточен вокруг построения взаимозависимых гендерных отношений, вытекает из дискурсивной стратегии этих ориентированных на женщин KOL. Этот псевдофеминистский манифест основан на традиционном представлении о балансе инь-ян между женщинами и мужчинами. Это достигается за счет того, что женщины управляют балансом между

домашним хозяйством и работой, что не меняет патриархальных социально-экономических структур Китая. Таким образом, можно утверждать, что ориентированные на женщин KOL, которые просто поощряют женщин «наслаждаться возможностями и удовольствиями женского самовыражения», являются не чем иным, как пособниками патриархального капитализма. Их существование, по-видимому, привлекает их последовательниц-женщин, которые часто сталкиваются с различными формами дискриминации по признаку пола в китайском обществе. Однако, в то же время, они не бросают фундаментального вызова патриархальному статус-кво [6, с. 143].

Можно утверждать, что существуют «аутентичные» феминистские практики, которые пропагандируются активистскими учеными-феминистками и женскими организациями и которые получили более широкое распространение благодаря недавнему движению MeToo. Однако из-за того, что они пропагандируют критические рассуждения о гендере, влияние таких феминистских практик ограничено цензурой КПК. Это привело к тому, что сегодня в китайском обществе зазвучали голоса групп, ориентированных на женщин. Учитывая феминистский лоск, которым они маскируются, ориентированные на женщин KOL стали популярными объектами критики, на которые часто ссылаются женоненавистнические голоса, чтобы расширить свои нападки на фе-

минизм и женские организации. В ходе этого процесса распространяется (неправильное) восприятие «недифференцированного» феминизма, прокладывая путь мужчинам-женоненавистникам для достижения выгодной позиции в дебатах по гендерным вопросам.

В частности, результаты СА показывают, что интернет-пользователи женского и мужского пола часто придерживаются резко отличающихся мнений, когда участвуют в дебатах по гендерным вопросам, вызванных инцидентом с тематическим исследованием. Такие различия выявляются из-за различных целей критики, содержащейся в их постах. В дебатах по гендерным вопросам разделение интернет-пользователей на женщин и мужчин неудивительно. Идущее параллельно с ростом потребительства в китайском обществе (Мэн и Хуан, 2017) возрождение патриархата не только дискриминирует женщин, но и эксплуатирует их коллег-мужчин (Лю, 2019). Ориентированные на женщин KOL, которые часто продвигают набор гендерных норм, усиливающих давление, с которым сталкиваются китайские мужчины, весьма заметны в этом процессе (Peng, 2020). Подчеркивая феминистский оттенок этих гендерных норм, многие интернет-пользователи-мужчины эффективно использовали отвращение мужской когорты к ориентированным на женщин KOL, чтобы побудить своих сверстников бойкотировать любые угрозы мужскому доминированию в китайских социально-экономических структурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глебова О.Е. Интернет как способ репрезентации современного феминистского дискурса // EurasiaScience: материалы XXIII Международной научно-практической конференции. М.: Актуальность. РФ, 2019. С. 145.
2. Касперович-Рынкевич О.Н. Поколения Y и Z — ориентация на медиа // Беларуская думка. 2019. № 9. С. 94–98.
3. Красавина А.В., Золина Д.О. «TikTok-журналистика» как новый медиаформат // MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, 24–25 ноября 2020 г.) / под ред. А.А. Морозовой: Челябинский государственный университет. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. Ч. 2. С. 90–95.
4. Мосенцева И.И., Данилова М.И. Феминизм в современном обществе // Эпомен. 2020. № 50. С. 21–29.
5. Морозова А.А., Соколовских А.С. Медиапотребление молодежной аудиторией контента социальных сетей: социологический портрет пользователя // Челябинский гуманитарий. 2019. № 3. С. 43–48.
6. Николаева Е.М., Котляр П.С. Четвёртая волна феминизма: манифестация цифрового действия // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего: VII Садыковские чтения: материалы международной научно-образовательной конференции (г. Казань, 15–16 ноября 2019 г.). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019. С. 143.

© Ма Лань (Elenore19@163.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

SOCIAL ADAPTATION AS AN IMPORTANT ASPECT OF PROFESSIONAL ACTIVITY

I. Soloviev

Summary. The article considers the concept of social adaptation within the framework of professional activity, identifies the types of adaptation that are implemented within the framework of professional activity. The factors influencing the process of professional adaptation and the stages that a specialist goes through during his adaptation are highlighted. The division of the adaptation process into conditional stages, through which a specialist passes at a new workplace.

Keywords: social adaptation, professional activity, labor adaptation, organizational adaptation, professional adaptation, personnel adaptation, primary adaptation, secondary adaptation.

Соловьев Илья Алексеевич

Аспирант,

Московский городской педагогический университет

solovevia@mgpu.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие социальной адаптации в рамках профессиональной деятельности, выделены виды адаптации, которые реализуются в рамках профессиональной деятельности. Выделены факторы, влияющие на процесс профессиональной адаптации и ступени, через которые проходит специалист в период своей адаптации. Разделен процесс адаптации на условные этапы, через которые проходит специалист на новом рабочем месте.

Ключевые слова: социальная адаптация, профессиональная деятельность, трудовая адаптация, организационная адаптация, профессиональная адаптация, адаптация персонала, первичная адаптация, вторичная адаптация.

Несмотря на различные подходы к определению понятия «социальная адаптация», которые характеризуют данный процесс с разных сторон, это прежде всего механизм, который каждый член общества использует в своей обыденной жизни для внедрения в различного рода социальные процессы. В современных условиях социальная адаптация понимается под тем, что это процесс вовлечения и осознания личностью и членов социума новых социальных условий, с которыми они сталкиваются дома, в школе, на работе и в рамках других социальных групп или процессов. Социологический подход к определению данного термина будет носить наиболее значимый характер, так как он дает определение социальной адаптации с точки зрения социального характера. Данное определение понимает адаптацию как социальный процесс, в котором личность, социальная группа, социальная среда являются одновременно адаптивными и адаптирующими феноменами, это отражается в их постоянном взаимодействии друг с другом, что говорит о том, что они постоянно влияют друг на друга.

Социальная адаптация долгое время рассматривалась как процесс, в котором личность или группа старались приспособиться к социальным условиям. Но, исходя из современных определений данного термина, в социальной адаптации одновременно происходит процесс приспособления личности и преобразование ею социальной среды. Социальная адаптация активно участвует во многих социальных процессах личности и группы, в т. ч. и в профессиональной деятельности.

Когда молодой специалист попадает на новое рабочее место, он сталкивается со многими препятствиями, которые ему нужно преодолевать, соответственно, приспособившись к его новым социальным условиям [2]. Стоит сказать о том, что в данном ключе появляется новое многоаспектное понятие, как «трудовая адаптация», которая включает в себя следующие виды адаптации в рамках профессиональной адаптации:

1. Социальная адаптация в рамках трудовой деятельности заключается в том, что новому сотруднику, который приходит на новое рабочее место, необходимо собирать информацию о всех нормах и правилах, которые приняты в данной компании, внимательно изучать все социальные группы, которые сложились внутри этой организации, вычленив лидеров этих групп, и с учетом всех этих процессов стараться установить доверительный контакт со всеми своими коллегами.
2. Организационная адаптация заключается в том, что наравне с процессом социальной адаптацией, новый сотрудник пытается осознать, как устроен рабочий процесс и безболезненно старается влиться в него.
3. Профессиональная адаптация будет наиболее важным этапом среди предыдущих видов, т.к. он заключается в том, что сотрудник должен овладеть необходимыми профессиональными компетенциями, чтобы завершить процесс социальной и организационной адаптации [4].

Профессиональная адаптация наряду с социальной адаптацией — это два значимых процесса в трудовой

деятельности, благодаря завершению данных процессов, индивид полностью принимает новые условия, нормы и правил своей компании, он полностью вливается в рабочую атмосферу и устанавливает доверительные отношения со своими коллегами.

Можно выделить следующие факторы, которые оказывают воздействие на процесс профессиональной адаптации:

- факторы, которые связаны с окружающей средой внутри компании;
- факторы, которые связаны с индивидуально-личностными характеристиками сотрудника;
- факторы, которые связаны с управлением адаптацией нового сотрудника [6].

Профессиональная адаптация будет включать в себя еще некоторые виды адаптации, которые помогают индивиду полностью завершить данный процесс. Один из главных видов — это психофизиологическая адаптация, в рамках которой сотрудник пытается усвоить и принять все условия и порядки, которые оказывают психофизиологическое воздействие на него во время рабочего процесса. В рамках социально-психологической адаптации сотрудник принимает систему взаимоотношений внутри коллектива, принимает их правила, социальные нормы и ценности. В процессе организационно-административной адаптации сотрудник принимает особенности механизма управленческой деятельности, осознает место своего подразделения в данной системе и принимает должностные обязанности в этой структуре. И наконец, в результате экономической адаптации происходит знакомство с экономическим механизмом управления организацией, освоение системы экономических стимулов рабочего процесса, адаптационное к новым условиям оплаты своего труда.

Т.Ю. Базарова и Б.Л. Еремина в своем учебном пособии разделяли процесс адаптации на несколько ступеней, через которые проходит сотрудник:

- Первая ступень — это анализ подготовленности нового сотрудника, который позволяет разработать и подобрать наиболее эффективные инструменты для прохождения процесса адаптации.
- Вторая ступень — это оценка вовлечения нового специалиста на новом рабочем месте. На данной стадии проводится оценивание сотрудника с точки зрения освоения им своих рабочих обязанностей, а также осознание организационных требований, которые направлены к нему со стороны организации.
- Третья ступень — это оценка самостоятельной адаптации сотрудника внутри организации. Происходит изучение и анализ того, как специалист приспосабливается к своей новой профессиональной роли, как происходит его включенность в межличностные отношения с коллегами.

— Четвертая ступень — это оценка функционирования. Это заключительная ступень, на которой идет оценка завершения процесса адаптации, на котором видно, как сотрудник преодолевал трудности, которые складывались на начальном этапе и как быстро осуществил вхождение в межличностные отношения со своими коллегами для полноценного выполнения своих рабочих задач [1].

Петренко Б.В. в своей работе выделял следующее утверждение, что «Адаптация в новом коллективе, к новому роду деятельности — это сильнейший психологический стресс» [5]. Действительно, устройство на новую работу — это один из этапов, который проходит почти каждый человек в своей жизни и первые выводы о новом сотруднике, как о специалисте, не будут считаться корректными, если сформировать в течение короткого промежутка времени.

Поэтому для формирования благоприятного процесса адаптации, по утверждению специалистов, необходимо тщательно планировать и регулировать его в течение данного процесса. Необходимо закрепить четкую структуру, в которой будут отражены функции, технологии, источники информации, а также все необходимые условия, которые обеспечат благоприятные психологические условия для успешной адаптации новых сотрудников на новом рабочем месте.

Так, адаптацию нового сотрудника можно поделить на несколько этапов, которые отражены ниже:

1. Период первичной адаптации. Длительность данного периода составляет около 1–2 месяцев. Для данного сегмента адаптации характерно проявление чувства тревоги, неуверенности в себе, страха увольнения и ощущением того, что новый сотрудник будет часто ошибаться. Первые впечатления о новом рабочем месте будут также искажены, складывается ощущение того, что человек попал не в «свой» коллектив. Задачи, которые непосредственно связаны с его должностными обязательствами, вызывают много вопросов, человек старается брать инициативу на себя из-за чего могут быть совершены ошибки. В данный период, человек может ощущать себя неуверенно из-за сложившегося чувства чего-то нового и непривычного ему. Чувство одиночества и уровень психологической напряженности находятся на достаточно высоком уровне. Конец данного периода характеризуется тем, что сотрудник ощущает себя «своим» среди своих коллег, а также осознанием того, что он становится ценным специалистом для данной организации [4].
2. Период оптимизма. Длительность данного периода 3–4 месяца работы на новом месте. В период данного этапа человека начинает себя ассоцииро-

вать себя с коллективом, уходит чувство тревоги. Задачи, по которым раньше могли возникать вопросы и сомнения, выполняются в стандартном режиме. Сотрудник начинает ощущать физическое и психологическое расслабление, однако, исходя из того, что он овладел еще не всеми профессиональными компетенциями — могут совершаться ошибки в профессиональных задачах. Это связано прежде всего с тем, что в первый период сотрудник овладевает лишь общими компетенциями и формирует лишь общее представление о своей новой профессиональной деятельности. И здесь снова человек охватывает чувство «неизвестности» и «страха». Указания со стороны начальства на недочеты в работе или возникшие трудности во взаимоотношениях с коллегами приводят к тому, что у нее складывается ощущение того, что он попал в коллектив, в котором ему некомфортно. И тут важно уметь проанализировать свою профессиональную деятельность в рамках данной организации, желание справиться с данной ситуацией и сдержать свои эмоциональные порывы помогут преодолеть данный кризис и стать более компетентным в рабочей деятельности, в выстраивании отношений с коллегами для комфортной реализации свой профессионального потенциала.

3. Период вторичной адаптации. Длительность данного периода начинается с 6 месяца работы на новом месте. С наступлением данного периода сотрудник уже полностью вовлечен в рабочий процесс организации, у него выстраиваются структурированные взаимоотношения с рабочим коллективом, которые способствуют грамотному выполнению своих рабочих задач. Данный период характеризуется уже ни как один из этапов адаптации, а он демонстрирует то, что сотрудник закрепил свое рабочее место в рамках организации. Период адаптации сугубо индивидуальный

процесс для каждого человека, потому что кто-то легко внедряется в жизнь новой организации, кому-то нужно больше времени для этого. Период прохождения адаптационного периода зависит от многих факторов: особенности коллег, психологические особенности человека, условия труда и так далее. Перемена работы — это один из этапов в жизни, к которому человеку должен уметь приспосабливаться, чтобы умело его проходить.

Социальная адаптация представляет собой некую систему из отдельных видов адаптации, и профессиональная является ее частью. Так профессиональная адаптация представляет собой процесс вхождения личности в профессиональную деятельность, в рамках которую человек адаптируется к организационным условиям, новой рабочей группе, к содержанию рабочей деятельности.

Исследования адаптации человека в настоящее время имеет достаточно сильную значимость, как для исследователей, так и для людей, которые проходят через данный процесс. Все это связано, в первую очередь, с ростом тех факторов, которые оказывают влияние на взаимодействие человека и окружающей среды и создает прецедент для создания и развития новых адаптационных механизмов. Подходы к понятию адаптации трактовались в научных областях, концепциях по-разному, в зависимости от сферы деятельности. Это создает некую «размытость» данного понятия и сложность создать какую-то конкретную картину об этом процессе. Однако проанализировав разные подходы можно сделать вывод, что адаптация человека — это поддержка устойчивого положения личности по отношению к внешним условиям или же адаптация — это взаимодействие личности и среды. И здесь стоит отметить то, что если развитие человека — это некая цель в жизни, то адаптация выступает в роли стратегии или плана для реализации этой цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарова Т.Ю., Еремина Б.Л. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ, 2002. С. 55
2. Волкова, Н.В. Как стать «своим» в компании. Первичная адаптация персонала: ориентация на организационную культуру / Н.В. Волкова // Кадровик. — 2012. — №6 — С. 180–185
3. Гулина М.А. Психология социальной работы: Учебник для вузов. 2-е изд. / Под ред. М.А. Гулиной. — СПб.: Питер, 2010. С. 174
4. Ежукова Ирина Федоровна Трудовая адаптация сотрудников // Концепт. 2017. №51
5. Петренко Б.В. Адаптация работников как важнейший элемент управления человеческими ресурсами производственной организации // УПИРР. 2021. №1.
6. Турчинова А.И. Управление персоналом: Учебник / Общ. ред. А.И. Турчинова. — М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 335

© Соловьев Илья Алексеевич (solovevia@mgpu.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Соловьев Илья Алексеевич

Аспирант,

Московский городской педагогический университет

solovevia@mgpu.ru

APPROACHES TO UNDERSTANDING SOCIAL ADAPTATION IN PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL SCIENCE

I. Soloviev

Summary. The article discusses the concept of «adaptation» within the framework of various approaches. Identification of factors that emphasize the relevance of the study from a philosophical and sociological point of view. Within the framework of the philosophical approach, the concept of «social adaptation» has not been considered in depth. In the works of philosophers, adaptation was studied in the context of more significant concepts in the field of philosophical science, where such concepts as personality, society, and socialization appeared. Consideration of adaptation in the works of foreign and domestic sociologists, the origin and development of the concept of social adaptation.

Keywords: adaptation, social adaptation, sociological approach, philosophical approach, social philosophy.

Аннотация. В статье рассматривается понятие «адаптация» в рамках различных подходов. Выделение факторов, которые подчеркивают актуальность исследования с философской и социологической точки зрения. В рамках философского подхода понятие «социальная адаптация» не рассматривалась углубленно. В работах философов адаптация изучалась в контексте с более значимыми понятиями в области философской науки, где фигурировали такие понятия, как личность, социум, социализация. Рассмотрение адаптации в работах зарубежных и отечественных социологов, зарождение и развитие понятия социальной адаптации.

Ключевые слова: адаптация, социальная адаптация, социологический подход, философский подход, социальная философия.

Понятие «адаптация» рассматривалось с разных сторон, выдвигались различные подходы в рамках биологической, психологической, социологической науки. Прежде всего, вышеперечисленные подходы сводились к изучению личности, адаптации ее к внешним факторам, влияние этих факторов на нее, изучения процесса этой адаптации и изучения влияния самого человека на окружающую среду. Исходя из того, что многие процессы адаптации носят социальный характер, то следует рассматривать адаптацию со стороны социальных наук. Как же философия и социология подходит к изучению понятия «социальная адаптация», какие цели ставит в изучении данной проблемы перед собой.

Актуальность изучения социальной адаптации с философской точки зрения, в первую очередь, связана несколькими факторами. Первый фактор связан с социальной жизнью общества. Стремление людей к формированию информационного социума, скорость изменений в котором таковы, что приводит к усложнению осознания этих изменений, и большая часть населения не в состоянии это осознать. Данное явление связано из-за связи технологий и социума, между которыми существует множество противоречий. Конечно, высокоскоростные технологические изменения создают достаточно много проблем для адаптации в обществе людей, но самая главная проблема заключается в изменениях,

которые происходят внутри каждого человека общества в целом, и их неоднозначная реакция на эти изменения. И здесь социальная адаптация выступает не только в качестве инструмента приспособления к существующим условиям, а также инструментом, который способен помочь человеку контролировать быстро развивающуюся общественную систему. Любое целостное общество стремится обрести стабильность для нормального функционирования в мире, который постоянно подвержен изменениям извне, что говорит о том, что разговоры о социальной адаптации будут актуальны всегда.

Второй фактор связан с особенностями современного социокультурного мира, это характеризуется постоянной сменой принципов, которые уже устоялись в обществе, которые регулируют социальные взаимоотношения в нем, а также активное вовлечение людей в мировое сообщество. Конечно же, существуют позитивные перемены: расширяется сознание людей, увеличивается культурный потенциал общества, появляются много разных форм отношений между людьми, но есть и негативный момент данных изменений: отсутствие единоначалия в духовной жизни человека под воздействием влияния людей с другими социальными и культурными ценностями. И в такой момент человеку остается лишь экспериментировать с формированием своих внутренних ценностей, он начинает изучать различные учения, религии, культурные нормы, которые характер-

ны для мирового сообщества. И тут процесс развития и социальной адаптации в обществе максимально становятся связанными друг с другом, потому что человек пытается найти «золотую середину» социокультурных норм, соответствующих меняющимся условиям среды.

И самый главный фактор заключается в том, что социальная адаптация выступает в роли механизма, который помогает человеку преодолеть чувство «чужого» в обществе, чтобы благополучно войти в него. Отсутствие позитивной информации со стороны важнейших социальных институтов как: образование, семья, армия, средства массовой информации привело к тому, что противоречия между внутренним миром общества и человека возрастает, соответственно, это создает дополнительные преграды для вхождения человека в социум. Самая главная цель социальной адаптации — это помочь индивиду успешно преодолеть социальные барьеры и интегрироваться в общество, помогая при этом выбрать тот путь, который поможет занять свое место в обществе. Данные факторы и привели к тому, что появилась потребность в изучении данной проблемы социальной адаптации со стороны философского и социологического подхода.

В философских учениях в изучении адаптации нет такого периода, где данному понятию отводилось углубленное изучение. В работах философов адаптация изучалась в контексте с более значимыми понятиями в области философской науки, где фигурировали такие понятия, как личность, социум, социализация. Философская наука не рассматривала углубленно данное понятие, если говорить о самых ранних отраслях философской мысли, то адаптация рассматривалась как выражение разумности в устройстве и функционировании живых организмов, что больше характеризует это понятие со стороны физиологии и биологии. Известный философ 18-го века Х. Вольф ввел термин «телеология», который давал определение приспособленности, т. е. адаптации.

Если рассматривать данное понятие с точки зрения социальной философии, то проблема социальной адаптации личности, рассматривалась через отдаление личности от общественности, потому что человек в процессе социализации приобретал свою индивидуальность, отличая себя от других членов общества, но сохраняя чувство принадлежности к обществу, в котором он живет. Определение качественных параметров важных ресурсных адаптационных возможностей человека, и как в процессе адаптации разворачивается динамика их утверждения в структуре личности. Подобная позиция неизбежно поднимает вопросы личностного и социального становления человека, а сам адаптационный процесс связывается с развитием индивида на всех уровнях его бытия: биологическом, психологическом, социальном. При этом на центральный план в данном аспекте выхо-

дит активность, деятельность человека, которая определяет траекторию адаптационного процесса по линии накопления и увеличения «адаптационного ресурса» как внутреннего потенциала, содержащего опыт, знания, умения, навыки [12].

Деятельностная природа социальной адаптации обусловлена наличием характерных черт в поведении личности — его целенаправленности и сознательности. Социальная адаптация подразумевает под собой общее взаимодействие. В связи с этим в основе методологии изучения рассматриваемого понятия лежит деятельностный метод (подход). Впервые аспекты деятельностного подхода в разрезе социальной адаптации были обозначены Карлом Марксом в его работах, посвященных раскрытию деятельности человека на основе решения задач познавательного характера. Для реализации поставленных задач индивид должен развивать свое мышление и личностное восприятие, благодаря чему будет отражаться реальность с позиции взаимоотношений и взаимосвязей. Эта реальность познается человеком, переносится им, отражается и подстраивается под определенные потребности самого индивида. Этот фактор является основой феномена социальной адаптации, которая выражается в единении активной и пассивной тенденции.

Индивид постоянно стремится развиваться, менять социальное окружение, то есть предпринимает шаги, позволяющие ему адаптироваться в определенных условиях. Большинство научных деятелей разработали ряд социологических теорий с анализом сущности и содержания социальной адаптации. Интересно, что некоторые взгляды и позиции, которые противоположны по своему содержанию и направленности, в разрезе исследуемого понятия являются взаимодополняющими. К таким понятийным системам можно отнести теорию аномии, социального равновесия, позитивизм и так далее. Термин социальной детерминации был полностью раскрыт и представлен Э. Дюркгеймом посредством оси «норма-патология». В этой системе для каждого индивида отводится конкретное место. Представители категории патологии никогда не принимаются и не признаются обществом в то время, как представители категории нормы им полностью поддерживаются. Чтобы охарактеризовать определенное общество и дать ему нормативную оценку, используется показатель «нормативности», который, по мнению Э. Дюркгейма, указывает на нормы человеческого поведения. Так устойчивое и здоровое общество не терпит малейших отклонений в поведении человека, противоречащих установленным нормам. Разрушительное влияние может иметь и успешное активное развитие в социальной среде при условии, что оно провоцирует уничтожение и распад нормативных общественных устоев [6].

На практике эта система работает просто: если поведение индивида отвечает всем общественным нормам, то в результате человек достигнет наиболее высокого уровня адаптации. При этом само общество будет обеспечивать качественные адаптирующие условия в отношении данного индивида. Приведем конкретный пример в разрезе сферы труда. Осуществление трудовой деятельности является социально-общественной нормой, и, наоборот, если индивид отказывается от реализации трудовых обязанностей, то возникает социальная патология (отклонения от нормы). Э. Дюркгейм представил социальную адаптацию в качестве усвоения и реализации человеком социально-общественных норм. Адаптация как процесс, выполняемый обществом в целом и человеком в частности, является единым. Социализация и адаптация — это термины, имеющие близкое значение. При этом необходимо отметить, что общественно-признанная модель норм нуждается в усовершенствовании. Так концепция позитивизма является одним из основных аспектов, однако не достаточна для того, чтобы можно было полностью раскрыть сущность изучаемой теории.

М. Вебер смог более точно и широко раскрыть понятие позитивизма. Так, исследователем была четко обоснована поведенческая детерминация индивида в разрезе концептуального подхода рациональности. Любое действие индивида основано на субъективном побуждающем факторе и нацелено на решение конкретной задачи или достижение определенной цели [3]. К намеченному результату можно прийти разными способами, например, социально-ориентированным, который включен в систему социальных норм, раскрытую Э. Дюркгеймом. Исследователь обуславливает нормативные действия индивида рациональным подходом, то есть человек достигает намеченную цель благодаря определенному набору социальных норм при определенном уровне издержек. При этом следует учитывать, что индивид стремится привнести рациональность в любое свое деяние, а также сократить собственные расходы по сравнению с общеустановленными и получить благоприятный результат своей деятельности. Однако любое патологическое поведение может стать объектом интереса других индивидов. А это в свою очередь со временем может привести к тому, что данный тип поведения будет считаться в определенном обществе нормой. Одновременно с этим М. Вебер говорит о существовании норм, которые противоречат друг другу. Этот подход указывает на то, какую роль выполняет человек в процессе образования и обеспечения норм в разрезе их значимости для формирования индивидуальных поведенческих качеств. Так, наиболее к адаптации расположен человек с рациональным подходом в собственной деятельности по сравнению с индивидом, который строго следует общественно-принятым нормам, несмотря на то что «нормативные» люди также используют

рациональный подход. Таким образом, М. Вебер говорит о том, что индивид первичен, а социум вторичен. И именно такая последовательность системных элементов поможет понять социальную адаптацию.

Интересно рассмотреть понятие социальной адаптации через призму взглядов Т. Парсонса, который разработал концептуальный подход «равновесного общества». В основе концепции лежит соотношение социального окружения (среды) и человека. Стабильное общество возможно только при наличии равновесия. В случае его отсутствия возникают конфликты в социальной среде. Из вышесказанного вытекает основная задача каждого общества, суть которой заключается в обеспечении равновесия. Однако, как указывает Т. Парсонс, невозможно получить абсолютное равновесие. Исследователь отмечает, что социальные нормы и потребности человека не являются постоянными величинами. В связи с этим они могут совпасть только по определенной случайности и на небольшой период времени. Автором применяются такие понятия, как социальная среда и адаптация. При этом исследователь отмечает, что индивид осуществляет взаимодействие только с незначительной частью общества. Т. Парсонс создал систему, позволяющую определить взаимодействие людей на основе социоцентрического подхода, объясняя понятие адаптации как соотношение взаимных потребностей и ожиданий человека и социального окружения [11].

Однако общество в целом не представляется единым и стабильным. Структура социальной среды пронизана противоречиями. Она постоянно меняется, трансформируется, даже несмотря на некоторую стабильность. Р. Мертон выдвинул собственную теорию аномии в результате исследования общества под влиянием конфликтов и споров [10]. Так, согласно данной теории, аномия представляет собой нарушение связей в структуре системы норм общества. Сюда следует отнести как полное отсутствие общепризнанных норм, так и большое разнообразие их форм, видов, туманную сущность нормы как таковой. На практике часто наблюдается не совпадение институциональных и общекультурных норм. Индивид оказывается в неопределенном состоянии, при котором непредсказуемо развиваются разные ситуации. При этом общепринятые нормы поведения не смогут привести к разрешению конкретной задачи или достижению поставленной цели. Как результат — появление конфликтов на основе ценностных, статусных разногласий. Это все находит отражение на социальной адаптации. Исследователь обособлял индивидуальную адаптацию от социальной, разработал классификацию, указывал на то, что для социальной адаптации не нужно усваивать определенные нормы социальной среды.

Соответственно, социальная адаптация индивида не является источником социальных норм. Она исходит от человека к социальной среде, а не наоборот.

М. Вебер при изучении явления социальной адаптации указывал на то, что отдельные системы установлений, возможно, существуют одновременно. Что касается взглядов Р. Мертона, то исследователь более широко рассматривал общество, в котором присутствуют конфликты, с позиции его социальной, нарушенной и неправильной структуры. Так, Р. Мертон указывал на существование нарушения организованности и порядка в социальной среде, но при этом оставлял место наличию нормативности дезорганизации.

Такие исследователи как Т. Лукман и П. Бергер изучали явление социальной реальности и его структуру. Как считали авторы, индивид на определенном этапе развития своей личности формирует некоторые понятия, которые использует в дальнейшем вместо социальных норм. Одновременно с этим возникает неравнозначность окружения, сформированного самим индивидом, и миром, который существует в реальности [2].

Изучение социальной адаптации, ее структуры, сущности и содержания должно проходить параллельно с анализом выявления роли данного явления в человеческой и социальной жизнедеятельности. Социальная адаптация выполняет свое назначение посредством отдельных функций. По словам О.А. Власовой, основными функциями социальной адаптации является отражение взаимосвязей и взаимоотношений. Л.А. Гордон, в свою очередь, указывал на наличие мобилизующей функции. С ее помощью процесс адаптации происходит не по отношению к определенным правилам и нормам, а в отношении усвоения и принятия общественных отношений в целом с учетом их изменений.

Е.М. Авраимова и И.С. Дискин указывают на существование стимулирующей функции социальной адаптации, которая возникает, когда в социальной среде отсутствует эффективная модель общественного взаимодействия. Как считают авторы, это находит отражение в умениях и способностях индивида мыслить в зависимости от сложившейся ситуации. При этом человек должен выбирать наиболее подходящие критерии поведения с рациональным применением разных возможностей. Только так индивид сможет реализовать свои интересы и удовлетворить требования [5].

На основе сказанного выше можно сделать заключение о том, что многие исследователи социальной адаптации и ее функций выделяют прогрессивную роль рассматриваемого явления. Одновременно с этим авторы не только указывают на функцию развития, но и формирования структурных элементов, составляющих систему социальной адаптации. Эта функция позволяет овладеть различными правилами и нормами поведения, а также освоить новые ценности, формирующие нравственную приемлемость для индивида.

Л.А. Гордон в своем анализе системы социальной адаптации выделял определенные процессы, которые влияли на характер поведения человека во время революционных движений, глобальных экономических кризисов. Так была сформирована модель первичной социальной адаптации. Как считает автор, эта модель основана на усвоении общего характера ситуационных изменений и направлена на адаптацию человека к определенным условиям, подлежащим изменениям. При этом индивид осваивает возможности и ресурсы вливания в измененную новую жизненную среду обитания, оставляя попытки противостоять новым правилам, общественным порядкам. Из этого логически вытекает вторичная социальная адаптация, позволяющая человеку переломить устоявшиеся ценности, преодолеть психологический барьер, принять новые нормы жизни, непривычные ранее.

По мнению Л.В. Кореля, социальная адаптация проходит завершающий этап при наличии у индивида обновленного набора вариантов решений новых задач и достижения целей с учетом измененных реалий, что благоприятно отражается на внешнем характере поведения [7].

Некоторые исследователи итогом социальной адаптации индивида представляют соответствие ожиданий и требований человека и социального окружения. Социальная адаптация завершается, по мнению Т.Л. Кончина, при полном формировании личностных качеств. В этот период индивид принимает активное участие в культурной, политической, трудовой сфере жизнедеятельности. Однако автор указывает на то, что конечность рассматриваемого явления не настает в полной мере, так как социальная адаптация не может быть полностью завершенным процессом в силу бесконечных изменений социальной среды, общества. Так обе взаимодействующие системы, которые изучаются в рамках анализа социальной адаптации, не являются стабильными, они динамичны, постоянно развиваются и меняются. В связи с этим рекомендуется исследователем использовать термин «уровень адаптации» вместо полной «адаптированности». Таким образом, можно заключить, что под адаптацией понимается постоянный динамичный, устойчивый процесс, который длится на протяжении жизни человека.

Исследователи выделяют несколько видов социальной адаптации: учебная, трудовая, материальная, культурная, профессиональная и другие. В связи с этим не представляется возможным исследовать одновременно сразу все виды адаптации, по этой причине анализу подлежит только определенный тип. Однако этот фактор мешает получить полную картину социальной адаптации индивида. Этот вопрос более детально освещался в научных трудах И.А. Милославовой. Автор вы-

сказал позицию о том, что структура рассматриваемого явления включает в себя следующие взаимодополняемые элементы: адаптивная потребность и адаптивная ситуация. Адаптивная потребность выражается в стремлении человека изменить линию и характер своего поведения с учетом изменившейся среды, правил и норм. С этой целью индивид меняет личные представления, привычки, потребности. Под адаптивной ситуацией следует понимать изменения социального окружения, или перемещение индивида в другую социальную среду, которая характеризуется новыми правилами, устоями, общепринятыми нормами.

Л.Л. Шпак определил, что в структуре социальной адаптации присутствуют такие элементы, как роль, активное действие, цели, потребности, ожидания, мотивация, адаптивные способности, адаптивная установка, которая объединяет все вышеназванные компоненты в единый целостный механизм [13]. Для достижения цели индивид делает установку, в которую закладывает личные ожидания и потребности. Однако не все исследователи придерживаются аналогичной позиции по отношению к представленной выше структуре социальной адаптации.

Немного отличается подход, в котором речь идет о внутренних и внешних факторах. В категорию внешних факторов включены такие элементы, как предметная и социальная среда. Вторая категория включает личностные характеристики человека [1]. И.А. Георгиева, которая разделяет такой подход классификации, определяет психологические, ценностные, социально-демографические факторы, влияющие на развитие личности человека. Как считает автор, для определения внешних факторов необходимо использовать критерии, присутствующие определенным видам деятельности человека [4].

Некоторые исследователи указывают на необходимость определения взаимосвязей социальной адаптации с частными характеристиками личности. Так, А.Н. Лентьев говорит о том, что индивид может объективно оценивать ситуацию, при этом характеризуя ее с позиции личностных убеждений, влияющих на поведение человека [9]. Чтобы подтвердить высказанную гипотезу, необходимо привести в пример взгляды М. А. Шабановой, которая утверждала, что свободолюбие является основной ценностью человеческой жизнедеятельности. В связи с этим люди, обладающие данной личностной характеристикой, склонны к адаптации намного лучше в сравнении с человеком, для которого свобода не так ценна и значима.

Процесс адаптации также зависит от жизненного опыта индивида. В литературных научных источниках этот фактор именуется как «условие предшествующей адаптации». Об этом говорит Ю.А. Левада, указывая на то,

что в итоге экспериментов СССР был сформирован совершенно другой тип человека, который смог адаптироваться ко всем особенностям жизнедеятельности в советское время, принимая советскую действительность как данность. Отсутствие альтернативы привело к тому, что общая адаптация приобрела форму привычки [8]. Однако даже высокий уровень адаптации не свидетельствует о том, что процесс, в результате человек лишился своих отличительных черт и заменил их чертами другого общества, подстроившись под новую систему социальных потребностей.

Содержание и структура социальной адаптации разнообразны. Индивид приспосабливается к новым условиям на уровне поведения и сознания, отражая при этом действительность с помощью разных образов, мыслительной активности, чувств. Человек на уровне сознания учится по-другому оценивать личные способности и умения, у него меняются ожидания и потребности, а также ресурсы для решения задач. На уровне поведения индивид регулирует свою деятельность с учетом поставленных целей, утверждает решения по их достижению. На основе выполненного исследования можно сделать следующие выводы.

Под социальной адаптацией следует понимать явление, характеризующее взаимодействие нескольких взаимодополняющих систем — индивида и социального окружения. Сущность социальной адаптации заключается в наличии согласования, удовлетворения потребностей этих систем.

Социальная адаптация является системой критериев и признаков, которые формируются на основе существующих особенностей, мотивов, целей социальной среды и индивида.

В основе социальной адаптации лежит стремление индивида развивать свою личность, личностные качества, менять поведение, приспосабливаясь к типу социального окружения. Социальная адаптация осуществляет свою роль через функции, в частности, через образование механизмов социальной позиции.

Так, содержание рассматриваемого явления указывает на то, что социальная адаптация — это процесс взаимосвязей и взаимоотношений человека и социальной среды, который отличается устойчивостью, постоянством, динамичностью, целостностью. В результате этого процесса индивид формирует оптимальную линию поведения, развивает умения сознательно принимать изменения ситуаций, учится согласовывать свои потребности и ресурсы для их удовлетворения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева И.К. Социально-психологические факторы адаптированности рабочего на производстве / И.К. Алиева // Прикл. пробл. социальной психол. М., 1983. С. 203–213
2. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избр. произведения. М., 1990. — 808 с.
3. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии / М. Вебер // Избр. произведения. М., 1990. — 808 с.
4. Георгиева И.А. Социально-психологические факторы адаптации личности в коллективе: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. — Ленинград, 1985. — 216 с.
5. Дискин И.С. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) / И.С. Дискин, Е. М. Авраамова // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С.24–33
6. Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. 1991. № 2. С.106–114
7. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. Новосибирск: Наука, 2005 — 415 с.
8. Левада Ю.И. Homo Post-Soveticus / Ю.И. Левада // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 5.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. — 2-е издание, стереотипное. — Москва: Смысл: Академия, 2005. — 352 с.
10. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель. 2006. — 873 с.
11. Парсонс, Т. Очерк социальной системы / Т. Парсонс // О социальных системах. — М.: Академический проект, 2002. — 691 с.
12. Ростовцева М.В. Социальная дезадаптация личности как объект философского анализа / М.В. Ростовцева, А.А. Машанов, З.В. Хохрина // Фундаментальные исследования. — 2014. — № 9–12. — С. 2806–2812.
13. Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация: Сущность, направления, механизм реализации: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.06 / Рос. академия управления. — Кемерово, 1992. — 353 с.

© Соловьев Илья Алексеевич (solovevia@mgpu.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ КОМПЕТЕНТНОСТИ ГЛАВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РАЗЛИЧНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ

Шиндяев Владислав Васильевич

Иркутский институт (филиал) Всероссийского
университета юстиции (РПА Минюста России)
m612020@yandex.ru

FACTORS OF COMPETENCY OF THE MUNICIPALITIES' HEADS FROM DIFFERENT THEORETICAL PERSPECTIVES

V. Shindyaev

Summary. The heads of municipalities play a special role in the system of public governance, being responsible for local government. They are not municipal or civil servants and hold their office as a result of direct or indirect electoral procedures. The article uses four theoretical approaches to explain the conditions of the heads' competence. The theory of human capital allows to assess the general level of knowledge and skills of potential candidates for a position, as well as the level of education of the residents who elect and evaluate them. The principal-agent theory makes it possible to identify fundamental differences between various models of electing the heads, including the level of information asymmetry that affects the ability to control their work. The theory of social capital substantiates that social relations of the heads can compensate for the lack of special knowledge, and the social capital of local communities helps attracting and controlling potential candidates. The theory of political culture claims that the effective use of local governance mechanisms is possible only with the appropriate political beliefs and attitudes of residents, but their formation is not possible without the experience of electoral and civic participation.

Keywords: local government, heads of municipalities, competency, human capital, social capital, principal-agent relations, political culture.

Аннотация. Главы муниципальных образований (МО) занимают особое место в системе власти, отвечая за работу местного самоуправления (МСУ). Они не являются муниципальными или государственными служащими и занимают свою должность в результате прямых или косвенных электро-альных процедур. В статье показано, что для понимания условий компетентности глав МО целесообразно использовать несколько различных теоретических подходов. Теория человеческого капитала позволяет оценить общий уровень знаний и навыков, которыми обладают потенциальные кандидаты на должность, а также уровень образования жителей, выбирающих и оценивающих глав. Принципал-агентская теория позволяет выявить фундаментальные различия между разными моделями избрания глав МО, в том числе с точки зрения информационной асимметрии, влияющей на возможности контроля за их работой. Теория социального капитала обосновывает, что развитые социальные связи глав МО позволяют компенсировать дефицит специальных знаний, а социальный капитал местных сообществ позволяет привлекать и контролировать возможных претендентов. Теория политической культуры утверждает, что эффективное использование механизмов МСУ возможно только при соответствующих политических представлениях и установках жителей, однако их формирование невозможно без опыта участия в выборах и гражданском участии.

Ключевые слова: местное самоуправление, главы муниципальных образований, компетентность, человеческий капитал, социальный капитал, принципал-агентские отношения, политическая культура.

Качество работы местных органов власти остается одной из главных проблем местного самоуправления (МСУ) в российском обществе. Особый интерес при этом представляет позиция их руководителей — глав муниципальных образований (МО). В отличие от основной части работников местных органов власти, они не являются муниципальными служащими и получают свое место посредством прямых или косвенных выборных процедур. Несмотря на тенденции дальнейшей централизации и включения муниципалитетов в единую вертикаль власти, сохранение институциональной основы МСУ и принципа его самостоятельности определяет неустранимую двойственность позиции глав МО, которые, с одной стороны, являются управленцами, а с другой — избранными должностными лицами, представляющими интересы избирателей.

В силу этой двойственности вопрос о компетентности глав и их способности качественно и результативно выполнять свою роль, вытекающую из их уникального положения в системе общественно-властных отношений, не может решаться так же, как в случае государственных и муниципальных служащих. Являясь потенциально доступной для любого гражданина, позиция главы МО не может быть зависеть от квалификационных требований или наличия специальной подготовки. По этой причине подходы, основанные на оценке кадрового и/или профессионального потенциала муниципальной службы (см., напр., [1]) оказываются неприменимы для руководителей МСУ. Мы утверждаем, что понимание факторов и условий компетентности глав МО требует обращения к различным теоретическим перспективам. Более конкретно, можно выделить четыре важные пер-

спективы, которые позволяют охватить разные стороны этой проблемы.

Теория человеческого капитала

Теория человеческого капитала, являясь развитием теории капитала в целом, утверждает, что человек является не просто «рабочей силой», необходимой для производства товаров и услуг, но субъектом, самостоятельно принимающим решение об использовании своих знаний, способностей и квалификации [2; 3]. Как и в случае других видов капитала, теория предполагает, что инвестиции в знания и квалификацию являются источником выгод в будущем. Это положение применимо как на индивидуальном, так и социальном уровне, причем в обоих случаях центральной темой становится образование как основной способ приращения человеческого капитала. В первом случае человек инвестирует в свое образование, рассчитывая получить доступ к более качественным, престижным и высокооплачиваемым рабочим местам, тем самым повысив свое положение в обществе и обеспечив благополучие. Во втором случае общества, инвестирующие в систему образования, закладывают основу экономического роста, технологического развития, качества институтов.

Несмотря на то, что теория человеческого капитала подвергается определенной критике, связанной, в частности, с упрощением связи между образованием, трудом и социально-экономическим развитием, ее общая идея о важности инвестиций в образование для развития получила широкое распространение в общественных науках. Как общества, так и отдельные регионы, отрасли или группы, обладая высоким человеческим капиталом, получают больше возможностей для развития. Наличие большого числа высокообразованных, квалифицированных людей не просто обеспечивает существование и развитие современной, сложной и профессионализованной экономики, но и повышает общие требования и стандарты оценки качества работы общественных институтов, включая систему публичной власти.

Применение общих положений теории человеческого капитала к вопросу качества работы глав МО позволяет обозначить несколько основных направлений анализа. Во-первых, можно говорить о человеческом капитале тех людей, из которых формируются местные органы власти. Сами главы МО не являются муниципальными служащими, однако наличие развитой системы подготовки по программам «ГМУ» и другим, важным для системы МСУ направлениям, способно повысить средний уровень квалификации работников местных органов власти. В результате избранный глава МО получает возможность делегировать больше полномочий и ответственности работникам, сосредоточившись на политических функциях. Ключевой проблемой в российских реалиях явля-

ется неспособность системы образования обеспечить высокое среднее качество работников муниципалитетов. Если в крупных городах существуют свои образовательные возможности, то для небольших и удаленных муниципалитетов проблема кадрового обеспечения становится серьезной проблемой. По некоторым оценкам, менее 10 % муниципальных служащих имеют профильное образование [4], — и очевидно, что система образования не способна обеспечить значительный рост этой цифры без существенной потери качества образования.

Во-вторых, можно говорить о человеческом капитале тех людей, которые непосредственно претендуют на должность главы МО. Более высокий общий уровень образования жителей муниципалитета, как можно предположить, повышает средний уровень потенциальных кандидатов, однако обеспечение такого среднего уровня на местах сталкивается с теми же проблемами, которые были названы выше. Хорошо образованные и квалифицированные люди стремятся найти интересную и высокооплачиваемую работу в центрах развития, к которым абсолютное большинство муниципалитетов в России не относятся. Отдельный важный вопрос заключается в определении тех составляющих человеческого капитала, которые важны для роли главы МО. Из-за двойственного характера этой роли, образование в сфере ГМУ не является очевидно предпочтительным; для избранного руководителя большее значение могут иметь навыки и знания в сфере политического менеджмента, публичных коммуникаций, переговоров и др. На релевантность человеческого капитала глав МО влияет множество факторов, таких как специфика муниципалитета, модель избрания главы, а также размер муниципалитета. Например, в маленьких муниципалитетах без серьезного кадрового потенциала главе МО неизбежно придется быть вовлеченным в решение большинства специальных вопросов в сфере документооборота, финансов, управления собственностью и т.п., — тогда как в крупном городе с хорошей кадровой базой существует возможность создать профессиональную администрацию и нанять сити-менеджера.

Наконец, в-третьих, условием качества работы главы МО с точки зрения анализируемой теории может быть общий уровень человеческого капитала муниципалитета. Более образованные жители, как можно предположить, будут принимать более ответственные и рациональные решения в ходе выборов, способствуя избранию более квалифицированных кандидатов (непосредственно глав либо депутатов), и будут способны более критично оценивать результаты их работы. Как и в предыдущих случаях, проблема заключается в том, что человеческий капитал распределен крайне неравномерно, и его обладатели стремятся концентрироваться в крупных развитых городских центрах, снижая потенциал качества МСУ в небольших муниципалитетах.

Принципал-агентская теория

Принципал-агентская перспектива обычно не используется при анализе качества МСУ, однако, на наш взгляд, она способна внести важный вклад в понимание работы глав МО. Изначально разработанная для изучения контрактных отношений, эта концепция успешно применялась и для описания процессов в политико-управленческой сфере [5; 6]. Теория описывает отношения, возникающие, когда одна сторона (агент) получает право и возможность действовать от лица и в интересах другой стороны (принципала). Ключевые вопросы, которые изучает теория, связаны с последствиями несовпадения интересов между агентом и принципалом, степенью автономии агента и информационной асимметрии между сторонами, благодаря которой агент может получить возможность действовать в своих интересах.

В сфере публичного управления принципал-агентские отношения возникают в двух основных вариантах: когда избиратели делегируют права и полномочия политическим руководителям и когда легитимные лидеры делегируют права и полномочия бюрократии. В интересующем нас случае глав МСУ значение имеет, прежде всего, первый вариант. Мы полагаем, что вклад принципал-агентской теории имеет заключается, прежде всего, в выявлении фундаментальных различий между разными моделями избрания глав МО.

В случае прямого избрания главы местными жителями именно последние выступают в качестве принципала. Это означает, что глава вынужден ориентироваться на их интересы и запросы, что обеспечивает выполнение представительско-политической функции руководителя МСУ. Однако при такой модели уровень асимметрии между принципалом и агентом оказывается очень высоким: обычные жители, в целом, не имеют достаточных знаний, информации и времени, чтобы осуществлять качественный оперативный контроль над работой главы. Это позволяет последним использовать информационную асимметрию для преследования своих интересов.

В случае, если глава МО избирается депутатами из своего состава, уровень асимметрии, напротив, является минимальным. Депутаты обладают достаточным доступом к информации и достаточными ресурсами, чтобы более адекватно оценивать деятельность главы, что, при прочих равных условиях, должно способствовать качеству его работы. В то же время при такой модели именно депутаты становятся непосредственным принципалом, а это означает, что критерии оценки качества работы главы будут в большей степени ориентированы на интересы и представления местных элит.

Наконец, при модели конкурсного главы фактическим принципалом становятся региональные власти, которые имеют наибольшие возможности для влияния

на занятие этой позиции, хотя определенную роль играют и депутаты. Эта модель создает предпосылки для полного «переворачивания» принципал-агентских отношений, поскольку главы МО в значительной степени становятся агентами государства [7]. Результатом становится ориентация глав МО на интересы региональных и федеральных властей, что объективно снижает возможность выполнения представительских и политических функций, связанных с защитой интересов муниципалитетов. Сохранение зависимости от депутатов не позволяет полностью реализовать такой сценарий трансформации принципал-агентских отношений и создает неустойчивую конфигурацию двойственных агентских отношений. Важной особенностью этой модели является специфика информационной асимметрии. С одной стороны, региональные власти, влияющие на решение конкурсной комиссии, обладают квалификацией для отбора и контроля за своими кандидатами. С другой стороны, в силу территориальной удаленности, агент получает относительную автономию от регионального правительства, но уменьшает такую автономию по отношению к представительному органу.

Теория социального капитала

Теория социального капитала — одна из самых важных социологических концепций, активно используемых при изучении политико-управленческих процессов. Она исходит из признания важности социальных связей и существует в двух основных вариантах. Первый, представленный, в частности, П. Бурдьё, рассматривает его с индивидуальной точки зрения, как социальные связи, в развитие которых человек может инвестировать и которые обеспечивают рост доступа к важной информации, поддержке, позициям и другим ценным ресурсам [8]. Второй, разработанный в работах Р. Патнэма, относит это понятие к социальным общностям и обществам в целом [9]. В этом случае социальный капитал характеризует плотность и качество социальных отношений в обществе, высокое взаимное доверие, развитые нормы взаимности и кооперации. Считается, что такой социальный капитал является важным фактором общественного благополучия и качества общественных институтов.

Применение теории социального капитала к вопросу компетентности глав МО позволяет выявить несколько возможных механизмов, действующих разнонаправленно и на разном уровне. Главный из них связан с социальным капиталом собственно глав МО. Ценные социальные связи, которыми, в личном качестве, располагает глава МО, обеспечивает ему доступ не только к ценной информации и экспертизе, но и к прямой помощи: консультационной, кадровой, управленческой. Мы утверждаем, что обладание социальным капиталом играет очень важную роль в компетентности глав МО, поскольку позволяет до определенной степени компенсировать возможный дефицит специальных знаний и навыков,

необходимых для управления муниципалитетом. Кроме того, высокий уровень доверия со стороны местных жителей, депутатов, региональных элит, инвесторов и других стейкхолдеров значительно облегчает реализацию планов и инициатив, предлагаемых главой МО.

Однако это не единственный возможный механизм действия социального капитала. Его возможное негативное влияние на компетентность глав МО проявляется, прежде всего, при модели конкурсного главы, поскольку способствует nepoтизму и кумовству. Личные связи способны обеспечить занятие должности главы МО людьми, не являющимся наиболее компетентным и подходящим для нее. В определенной степени этот механизм может действовать и при других моделях избрания.

Наконец, на компетентность глав может влиять и общий социальный капитал местных сообществ. Он обеспечивает целый ряд позитивных эффектов: возможность поиска наиболее подходящих кандидатов, их выдвижение и избрание; действие альтернативных каналов обмена информации о работе главы, позволяющее повысить прозрачность его работы; готовность к кооперации при решении проблем местных сообществ. Интересно отметить, что развитый социальный капитал сообщества до определенной степени способен минимизировать негативные эффекты модели назначенного, конкурсного главы, поскольку позволяет сформировать независимый и консолидированный центр влияния и контроля, заставляя назначенного главу соблюдать интересы муниципалитета даже несмотря на обязательства перед региональными элитами.

Теория политической культуры и политической социализации

Концепция политической культуры, изначально обснованная Г. Алмондом и С. Вербой, утверждает, что политические институты сами по себе не гарантируют определенного результата, такого как избрание наиболее достойных и профессиональных кандидатов, а зависят от набора представлений, установок, норм и моделей поведения, которые определяют, как именно эти институты используются [10]. Демократические институты выполняют свою функцию, когда граждане обладают соответствующей политической культурой, которая проявляется в их готовности следить за политической информацией, участвовать в гражданской активности и общественных организациях, осуществлять гражданский контроль. Развитая политическая культура участия способствует принятию более информированных, взвешенных и ответственных избирательных решений, тем самым способствуя их качеству и компетентности политиков в целом.

Эта логика может быть применена и к главам МО, а в особенности к дискуссии о предпочтительных моделях

их избрания. Один из аргументов сторонников назначаемых глав заключается именно в недостатке политической культуры во многих муниципалитетах, что, безусловно, имеет под собой основания, учитывая отсутствие сложившихся демократических традиций в российском обществе [11]. Однако предположение о том, что из-за недостаточно развитой политической культуры модель назначаемых глав должна обеспечивать более высокий уровень их компетенций, при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики. Проблема неразвитой демократической политической культуры, необходимой для МСУ, носит универсальный характер и не ограничивается местным уровнем. Если граждане из-за этого принимают субоптимальные решения (и не участвуют в контроле за властью), то следует ожидать, что аналогичное поведение они будут демонстрировать и на выборах более высокого уровня. Результатом станет менее компетентное региональное или федеральное руководство, которое не сможет назначать лучших руководителей на местах.

Но еще важнее то, что формирование демократической политической культуры невозможно без соответствующей политической социализации, а она предполагает регулярное участие в выборных процедурах и механизмах общественного участия. Только накопление позитивного опыта участия, с множественными обратными связями и эффектом обучения способно сформировать местные сообщества, способные грамотно распоряжаться институтами МСУ. Более того, накопление опыта участия в выборах является ключевым фактором политической социализации не только для граждан, но и для претендентов на выборные должности. Местный уровень представляет широкие возможности для начала политической карьеры и развития специфических политических компетенций, которые необходимы для политического лидера, которым, по сути, и является глава МО.

Таким образом, применение различных теоретических перспектив позволяет получить более глубокую и сложную картину факторов, определяющих компетентность руководителей МСУ, которая не может быть сведена к проблемам специальной подготовки какой-то особой социально-профессиональной группы. Компетентность глав МО — комплексная проблема, зависящая от социальных, культурных и политических факторов. На нее влияют процессы формирования человеческого и социального капитала на различных уровнях, характер и величина информационной асимметрии в принципал-агентских отношениях, различающихся в разных моделях избрания, уровень политической культуры и возможности политической социализации. С практической точки зрения, это означает, что обеспечение качества работы местных органов власти и эффективность МСУ в целом требует комплексных усилий, направленных не только на образовательные возможности регионов, но и на все разнообразие механизмов, определяющих работу главы МО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамонтова В.Ф. Формирование профессионального потенциала муниципальных служащих в современной России: Дисс. . . канд социол. наук. Тюмень, 2005. 151 с.
2. Беккер Г.С. Человеческое поведение: Экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 670 с.
3. Human Capital: Theory and Evidence / Ed. by J. Hartog, H.M. van den Brink. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 247 p.
4. Масилова М.Г., Лобов В.Е. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. №4. С. 170–179.
5. Lane J.-E. Public Administration and Public Management: The Principal-Agent Perspective. London; New York: Routledge, 2005. 275 p.
6. Lane J.-E. The Principal-Agent Approach to politics: policy implementation and public policy-making // Open Journal of Political Science. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 85–89.
7. Harvey C.J. Why allow elections? Mobilization, manipulation, and the abolition of Russian mayoral elections // Russian Politics. 2022. Vol. 7. No. 2. P. 237–264.
8. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. №5. С. 60–74.
9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. 288 с.
10. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. 363 p.
11. Карпова Н.В. Электоральная культура как индикатор отношений политического представительства // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. №2. С. 24–39.

© Шиндяев Владислав Васильевич (m612020@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Belova I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Russian University of Cooperation, Mytishchi

Borobov V. — Doctor of Economics, Professor, Moscow Economic Institute; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Deberdieva E. — Doctor of Economics, professor, Industrial University of Tyumen (IUT)

Demidov E. — Graduate student, International Law Institute, Moscow; Lawyer, Chairman of the Moscow Bar Association «Demidov, Makarov and Partners»

Dmitrieva Yu. — DSc of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Population Reproduction Problems of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center Russian Academy of Sciences, Moscow

Donskaya E. — Candidate of economic sciences, associate professor, Balakovo branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Saratov State Law Academy»

Efimtseva O. — Graduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); Leading expert, Department of Real Estate “Russian power system operator”

Frolova S. — Senior lecturer, Industrial University of Tyumen (IUT)

Gazeev M. — Doctor of Economics, professor, Industrial University of Tyumen (IUT)

Gorelova L. — Senior Lecturer, FGBOU HE «MIREA – Russian Technological University» (RTU MIREA); Competitor, FGBOU HE «South Ural State Humanitarian and Pedagogical University»

Isaev M. — Candidate of Economic Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Dagestan State University»

Kholodkov II. — Peoples' Friendship University of Russia

Komlev A. — Graduate student, International Law Institute, Moscow

Kotelnikov A. — Graduate student, Ufa State Petroleum Technological University

OUR AUTHORS

Lebedev N. — Doctor of Economics, Professor, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

Ma Lan — PhD student, Lomonosov Moscow State University

Mikhailova O. — Candidate of philosophical sciences, associate professor, Balakovo institute of engineering and technology — a branch of the federal state autonomous educational institution of higher education «National Research Nuclear University «MEPhI»

Moss F. — Applicant, Tomsk State University

Nazarenko I. — PhD, Bauman Moscow State Technical University

Nuiskov E. — Postgraduate, Russian University of Cooperation, Mytishchi

Osipov D. — Graduate student, Moscow Innovation University

Palyulin A. — Postgraduate student, Moscow Financial and Industrial University «Synergy» (Moscow)

Pryadkin V. — Peoples' Friendship University of Russia

Romanenko E. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Central branch of the «Russian State University of Justice», Voronezh

Shindyayev V. — Irkutsk Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Soloviev I. — Postgraduate student, Moscow City Pedagogical University

Spilnichenko V. — Doctor of Economics, Professor, Professor, Russian State Humanitarian University

Swayedi Ali Khalil Burhan — Graduate student, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

Tikhomirov E. — PhD, Bauman Moscow State Technical University

Tretyakova T. — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg Juridical Academy

Troshev D. — Candidate of legal sciences, associate professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Tsarev A. — Chief Accountant, LLC «Palyulin and Partners»

Voronov A. — Doctor of Law, Professor, Chief Scientist, Research Center of 4 All-Russian Research Institutes of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Zhukova T. — Candidate of Economics, Leading Researcher, Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, (FIC «Informatics and Management» of the Russian Academy of Sciences), Moscow

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).